

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (27)

2016

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Ответственный редактор

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор

Ляскоуска Катажина, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Битюкова Юлия Владимировна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Е.В. Муранова

Технический редактор:
Ю.В. Битюкова

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.12.2016.

Выход в свет 20.01.2017.

Формат 60x84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 11,3.

Тираж 50 экз. Заказ 3-350-16.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ответственный редактор

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

НАРКОМАНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. ЧАСТЬ I. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ АНТИНАРКОТИЗМА Авакян Рубен Осипович	7
НАРКОМАНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. ЧАСТЬ II. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ Авакян Рубен Осипович	12
НАРКОМАНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. ЧАСТЬ III. НАРКОТИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ И МЕРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ Авакян Рубен Осипович	17
СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ СУПРУГОВ ПРИ РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА Антонов Артем Григорьевич	22
ПРАВА БЫВШИХ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ, КОТОРЫЕ ОТКАЗАЛИСЬ ОТ ПРИВАТИЗАЦИИ Василика Любовь Александровна	24
К ВОПРОСУ О СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ Верхова Елена Анатольевна	27
К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ Верхова Елена Анатольевна	30
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ВОПРОСАХ СКЛОНЕНИЯ К УПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ Верхова Елена Анатольевна, Грищенко Алексей Вячеславович	34
ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА Воробьева Ольга Александровна	37
ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА Гогин Александр Александрович	39
СТРУКТУРА НОРМЫ ПРАВА Гуменюк Яна Валерьевна	44
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО И ЕГО ЗАЩИТНИКА НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА Закомолдин Алексей Валериевич	47
НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АКТОВ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА Котляров Сергей Борисович, Чичеров Евгений Александрович	49
ЗАЩИТА ПРАВА НА ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ Кошелева Кристина Евгеньевна	52
ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Крамаренко Елена Николаевна	54
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ Моторин Алексей Игоревич	59
ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ В РАМКАХ ЕАЭС (ОБЩИЙ ОБЗОР) Назаркулова Лаззат Талгатовна, Шугаипова Макпал Сериковна	63
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОЖЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ Назаров Сергей Александрович	66

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ Ожегова Галина Аркадьевна	69
ИСТОЧНИКИ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ Рудковский Виктор Анатольевич	73
НЕОБХОДИМОСТЬ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОПИНГА В РОССИИ Середкина Ольга Александровна	76
ПРИНЦИПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВЫХ САНКЦИЙ Смагина Анастасия Юрьевна	79
ОСОБЕННОСТИ УВОЛЬНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО ПО ИНИЦИАТИВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ Стригина Анастасия Игоревна	82
ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕПРИЗНАННОГО ГОСУДАРСТВА Стройкова Ольга Михайловна	85
ПРЕКРАЩЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ Чуклова Елена Валериевна	88
СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ТРУДА РАБОТНИКОВ И ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ Шевелева Елена Александровна	91
Наши авторы	94

CONTENT

DRUG ADDICTION, ORIGINS AND INTERNATIONAL COMBAT. PART I. HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF PROBLEMS AGAINST DRUGS Avagyan Ruben Osipovich.....	7
DRUG ADDICTION, ORIGINS AND INTERNATIONAL COMBAT. PART II. CURRENT ISSUES DRUG POLICY: INTERNATIONAL EXPERIENCE Avagyan Ruben Osipovich.....	12
DRUG ADDICTION, ORIGINS AND INTERNATIONAL COMBAT. PART III. ADDICTION: TRENDS AND MEASURES TO OVERCOME Avagyan Ruben Osipovich.....	17
WAYS TO PROTECT THE PROPERTY RIGHTS OF SPOUSES IN THE DIVISION OF COMMON PROPERTY Antonov Artem Grigoryevich	22
THE RIGHTS OF THE FORMER FAMILY MEMBERS WHO HAVE REFUSED PRIVATIZATION Vasilika Lyubov Aleksandrovna	24
TO THE QUESTION ABOUT GATHERING EVIDENCE ATTORNEY Verkhova Elena Anatolievna.....	27
THE ISSUE OF CHANGING THE CATEGORY OF CRIME Verkhova Elena Anatolievna.....	30
ENFORCEMENT ISSUES CONCERNING ENCOURAGEMENT OF THE USE OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES Verkhova Elena Anatolievna, Grischenko Aleksey Vyacheslavovich	34
PRINCIPLES OF CIVIL LAW Vorobyova Olga Aleksandrovna	37
FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE SOVIET ADMINISTRATIVE LAW Gogin Aleksandr Aleksandrovich	39
THE STRUCTURE OF THE LAW Gumenuk Yana Valeryevna	44
ACQUAINTANCE WITH THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE AS A PROBLEM OF THE RIGHTS REALIZATION OF THE ACCUSED AND HIS DEFENDER Zakomoldin Aleksey Valerievich.....	47
THE NEED FOR TECHNICAL IMPROVEMENT OF ACTS OF LAW Kotlyarov Sergey Borisovich, Chicherov Yevgeniy Aleksandrovich.....	49
PROTECTION OF THE RIGHT TO A BRAND NAME Kosheleva Kristina Yevgenyevna	52
LEGAL STATUS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS Kramarenko Elena Nikolaevna	54
SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTERACTION OF OPERATIVELY-SEARCH AND INVESTIGATIVE AUTHORITIES IN STAGE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION Motorin Aleksey Igorevich	59
ENVIRONMENTAL ISSUES IN THE INTEGRATION PROCESSES IN THE ENERGY SECTOR IN THE FRAMEWORK OF THE EAEU (OVERVIEW) Nazarkulova Lazzat Talgatovna, Shugaipova Makpal Serikovna	63
SOME PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE PENALTIES Nazarov Sergey Aleksandrovich.....	66
THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL PROCEEDINGS IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE: PROBLEMS OF REALIZATION Ozhegova Galina Arkadyevna	69

SOURCES OF LAW: PROBLEMS OF THE THEORY Rudkovsky Victor Anatolievich.....	73
THE NEED TO INTRODUCE CRIMINAL LIABILITY FOR DOPING IN RUSSIA Seredkina Olga Aleksandrovna.....	76
PRINCIPLES FOR ESTABLISHING AND USE TAX SANCTIONS Smagina Anastasia Yurievna.....	79
FEATURES DISMISSAL OF PUBLIC SERVANTS ON THE INITIATIVE OF THE EMPLOYER Strigina Anastasiya Igorevna.....	82
THE PROBLEM OF CRIMINAL RESPONSIBILITY DETERMINATION UNDER THE CONDITIONS OF THE UNRECOGNIZED STATE Stroykova Olga Mikhailovna.....	85
THE TERMINATION OF CORPORATE RIGHTS OF PARTICIPANTS OF ECONOMIC SOCIETIES Chuklova Elena Valerievna.....	88
RATIO AGREEMENT ON THE PROVISION OF EMPLOYEES AND PAID SERVICES AGREEMENT Sheveleva Yelena Aleksandrovna.....	91
Our authors	94

**НАРКОМАНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.
ЧАСТЬ I. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ АНТИНАРКОТИЗМА**

© 2016

Р.О. Авакян, доктор юридических наук, профессор, вице-президент ассоциации юристов Кавказа, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор *Ереванский университет «МАНЦ», Ереван (Армения)*

Ключевые слова: наркотики; наркомания; одурманивающий; истоки; наркотизм; мировой опыт.

Аннотация: Данная статья посвящена одной из самых актуальных проблем современности – наркомании и ее антисоциальному проявлению. В работе использованы не только результаты проведенного автором системного анализа опыта борьбы с наркоманией в СССР, Армении, в том числе московского и ереванского (на примере исследований как уголовных дел, так и самих наркоманов (1976–1979 годы, 1982–1989 годы)), а также зарубежного опыта борьбы с наркотиками, с учетом анализа научной литературы последних лет, посвященной проблематике данной статьи.

Обосновывается актуальность выбранной темы. Рассматривается мировой опыт борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотических средств.

В работе особое внимание уделено проблемам тесного взаимодействия науки и практики, ускорения внедрения научных достижений в деятельность соответствующих органов, ведущих борьбу с наркоманией.

Данная статья посвящена одной из самых сложных и опасных мировых проблем современности, касающейся интересов всего человечества. Поэтому не случайно с 1988 г., по инициативе Генеральной Ассамблеи ООН от 7 декабря 1987 г., 26 июня отмечается как Международный день борьбы с наркоманией [1–3].

Около сорока лет тому назад отмечалось, что термин «наркомания» должен определяться не только с клинических, но и медико-юридических, уголовно-правовых и социально-исторических позиций. Также рассматривалось, что термин «наркомания» должен употребляться с учетом не только болезненных состояний, которые вызываются злоупотреблением наркотическими средствами, но и антисоциального проявления, т. е. к понятию «наркомания» следует приобщить еще один такой признак, как «*антисоциальное проявление*», которое в свое время профессор А.А. Габиани в юридической литературе впервые связал с термином «*наркотизм*» [9; 10].

Термины «*наркомания*» и «*наркотизм*» – взаимосвязанные явления, которые можно обозначить одним термином «*наркомания*». Поэтому нельзя искусственно отделять от понятия наркомании признак асоциального поведения лица, злоупотребляющего наркотическими средствами. Хотя на уровне причинно-следственной связи, термин «*наркомания*» можно условно отнести к «*болезни-следствию*», а так называемый «*наркотизм*» – к «*причине-действию*», который зависит от степени и уровня антисоциального проявления, т. е. административного или уголовного правонарушения. Одним словом, если мы сегодня обратимся к опыту ведущих криминологов мира, то, по их определению, «цена» наркомании для общества складывается из двух составляющих. Одна исчисляется исходя из оценки трагедии личности наркомана (нравственные и физические страдания, деградация личности, материальные потери, разрывы семейных и социальных связей и т. д.). Другая – состоит из анализа «цены» антисоциального поведения, сопряженного с административными правонарушениями или уголовными преступлениями, и измеряется не только финансовыми затратами, но и социально-экономическими и людскими потерями общества.

Следует отметить, что только в сороковые годы прошлого столетия Женевской Международной Конвенцией от 26 июня 1936 г. по борьбе с нелегальной торговлей сильнодействующими средствами распространение наркотиков впервые было признано международным преступлением. Это положение было позднее подтверждено Единой Конвенцией о наркотических средствах, подписанной в 1961 г. и вступившей в силу 13 декабря 1964 г. с последующими изменениями и дополнениями, а также другими международными конвенциями и соглашениями; документами Совета Европы, Евросоюза, СНГ и иных региональных международных организаций [1–3; 5; 17].

Результаты наших исследований, а также утверждения отдельных известных специалистов показывают, что проблема наркомании сегодня имеет четко выраженные биологические, медицинские, уголовно-правовые и криминологические аспекты. Однако корни этого явления прежде всего носят глубокий социально-исторический характер.

Следует заметить, что в 1880 году на международной конференции впервые было заявлено о появлении новой, одурманивающей болезни «наркомании» на основе наркотиков. Отдельные авторы термин «наркотик» связали с древнегреческой мифологией (с именем сына речного бога Кефиса и речной нимфы Лейриопы), т. е. с именем самовлюбленного Нарцисса (или Наркисса). В частности, миф гласит, что на траве, где склонилась голова Нарцисса, вырос душистый цветок – цветок смерти [17].

Существует гипотеза, что человечество впервые ознакомилось с наркотическими веществами примерно в 40-ом тысячелетии до н. э. Согласно араатским, шумеро-аккадским, ассирийским, древнеармянским и другим источникам, «страна святых обрядов» Араатта – это шумерское название араатской страны V–IV тыс. до н. э., наши далекие предки в IX–VI тыс. до н. э. из вышеупомянутой страны с каждым поколением, увеличиваясь в числе, спускались на равнины Древней Месопотамии и активно заселяли плодородные долины рек Тигра и Евфрата. Именно им, которых впоследствии стали называть шумерами, принадлежит первое в истории упоминание о свойствах опийного мака (в переводе с греческого – «сок мака»). На глиняных табличках, обнаруженных при раскопках в шумерском городе Ниппуре, даны рекомендации по приготовлению опиума, написанные более пяти тысяч лет назад. Шумеры Нижней Месопотамии (территория современного Ирака) называли его «гиль», что означает радость. Головка мака во многих древнейших шумерских мифах фигурирует как символ забвения боли, мук и страданий. Шумеры знали также целебные свойства многих наркотикосодержащих растений. В частности, до нас дошли шумерские таблички рецептов III в. до н. э.

Упоминания об использовании наркотиков растительного происхождения, в частности жрецами, встречаются на ассирийских клинописных табличках IV–III тыс. до н. э. Сведения об использовании конопли мы также находим в древних китайских рукописях III тыс. до н. э. – времени императора Шеен Нунга, который, по преданию, научил народ земледелию. Конопля описывалась и в древнекитайских источниках Шу-Кинга. Именно древние китайцы несколько тысячелетий назад открыли наркотик *эфедрин* из натурального сырья и описали его психостимулирующие свойства. Сегодня его производный препарат *амфитамин* – синтетический

аналог кокаина. В частности, в Древнем Китае при подготовке больного к операции использовали наркотические свойства препаратов конопли, а из цветков этого растения готовили наркотикосодержащие лекарства для лечения малярии, ревматизма и других болезней. Заметим, что дикорастущая конопля – это сырье для изготовления марихуаны, гашиша, хэши, анаши и др. (на жаргонном языке – это план, химка, дурь, божья травка и др.), официальное название которых каннабис.

В Индии упоминание о дикой индийской конопле, содержащей наркотические вещества, под названием «бханг», относится к XX–XIV вв. до н. э. В частности, в этой стране жрецы-брахманы в VIII в. до н. э. готовили крепкий отвар наркотико-содержащей конопли, чтобы «приблизиться к божеству». Заметим, в настоящее время Индия является одним из крупнейших незаконных производителей каннабиса и его смолы в Азии. Об употреблении гашиша жителями северной части Азии писал в V в. до н. э. и древнегреческий историк Геродот Галикарнасский. Он, в частности, в своей «Истории» упоминает не только похоронные обряды скифов, включающие очищающее окуривание дымом семян конопли, но и описывает оргии скифов, во время которых они бросали конопляные семя на горячие камни и выли от удовольствия [12–13; 17]. Следует отметить, что личный врач римского императора Нерона (I в.), происходивший из киликийского города Аназарба, в своем сочинении «О лекарственных средствах» (кн. III, гл. 156) писал о том, что наркотикосодержащая конопля имеет листья с неприятным запахом и крупные плоды, которые, при употреблении в большом количестве, ведут к бесплодию.

В одном из древнегреческих мифов говорится о том, что коноплей была обсажена дорога в «царство мертвых». В древности мексиканцы во время проведения священных обрядов применяли ее также для «охранения от зла и горести».

Следует отметить, мусульманская религия веками снисходительно относилась к употреблению наркотических препаратов из конопли, которые якобы возбуждают воображение и дают возможность «мысленно перенестись в рай». Однако результаты современных исследований показывают, что препараты наркотикосодержащей конопли не только прогрессируют шизофрению, но и отрицательно влияют на функцию сперматозоидов, тем самым нанося непоправимый вред генофонду нации. В частности, ученые-исследователи Королевского университета Белфаста утверждают, что под давлением каннабиноидов сперматозоиды теряют способность проникать сквозь защитную оболочку яйцеклетки, т. е. они лишаются способности оплодотворить ее. А по утверждению доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Тольяттинского государственного университета, неблагоприятная биологическая наследственность лица, злоупотребляющего наркотическими средствами также проявляется до пятого колена.

Свойства другого наркотика – мака описываются в эпической поэме – «Илиаде» древнегреческого поэта-сказителя – Гомера (IX–VIII вв. до н. э.). А его богородный Одиссей (из «Одиссеи») сумел вызволить своих друзей из одурманявшего плена цветов лотоса в стране Лотофагов [17]. Об употреблении опия в Древней Греции, о его болеутоляющем свойстве писал также древнегреческий врач, философ и писатель V в. до н. э. Гиппократ. Во времена полководца Александра Македонского (IV в. до н. э.) считалось, что опийный мак – это «послание богов» для вдохновения души после тяжелых боев.

Заметим, что письменные свидетельства о широком использовании опия в медицине – в Египте, странах Среднего и Дальнего Востока, относятся к VI–VIII вв. н. э. В частности, ученый-врач Ибн Сина (Авиценна)

(вторая половина X – первая половина XI вв.) в своем трактате «Канон врачебной науки» утверждает, что молочно опийного мака помогает безнадежно больным пережить предсмертные муки, но злоупотребление разрушает разум.

В Западной Европе наркотические средства стали широко применяться только в конце XVIII – начале XIX в. В частности, уже к началу XIX в. из состава опия был выделен *морфий*. Свое название данный наркотик получил в честь греческого бога сна Морфея. Необходимо отметить, что по силе действия одна среднесуточная доза инъекции 1 % морфия в 10–20 раз сильнее, чем доза инъекции опия. По данным специалистов, упомянутая доза морфия вызывает наркотический эффект у личности наркомана в несколько тысяч раз сильнее, чем 250 мл водки. Широкое применение морфия в медицинской практике получило в период франко-прусской войны 1870–1871 гг. в виде инъекций для обезболивания раненых. Уже в конце XIX в. в Германии впервые был получен *героин* (считается, что свое название он получил от слова “heroic” – «героический») – полусинтетическое производное морфия, который в 20–25 раз сильнее морфия: физическая и психическая зависимость, в плане привыкания, по утверждению специалистов, наступает через несколько инъекций.

В начале 90-х годов прошлого века на «черном рынке» России появился новый синтетический наркотик под названием «китайский белок» (триметилфентонил), наркотическая сила которого превосходит морфий в несколько тысяч раз.

Самым известным и широко распространенным является также колумбийский «кокаин», в виде белого кристаллического порошка, который был получен из листьев коки в 1859 г. Сегодня, по данным администрации США по борьбе с наркотиками, прибыль колумбийских наркомафий-картелей достигает до 30 млрд долларов США в год. Считается, что они контролируют до 60 % мирового наркорынка. В 80-х годах XX в. в США получил широкое распространение новый препарат «*крэк*», изготовленный из кокаина, мгновенно вызывающий состояние максимальной возбужденности. В среде наркоманов его также называют «хард», «железо» и т. д.

Широкое распространение имеют также такие модные наркотические средства, как: «*экстази*» (цена одной дозы в США составляет примерно 30 \$, а в РФ – до 60 \$), который впервые был получен в 1914 г., среди молодежи он называется «Э», «ЭксТиСи», «М-25»; «*кетамин*» – впервые появился в США в 1962 г., но получил применение в клинике в 1965 г. В конце 1960-х годов данный препарат применялся американскими солдатами во Вьетнаме. В России кетамин получил распространение как наркотик с начала 1990-х годов. Синтетический наркотик «*этонитазен*», который появился в Москве в конце XX в., как продукт подпольной лаборатории, под названием «белый карлик», он сильнее героина и в 50 раз – морфия. Процент смертности наркоманов, употребляющих данный наркотик, очень высок. Данный препарат был разработан в США в 50-е годы для обезболивания тяжелораненых на срок 10–12 часов.

Среди галлюциногенных наркотиков, нарушающих психику человека, особо выделяется синтетическое вещество под названием ЛСД. Данный наркотик был получен в 1943 г. в Швейцарии. Он принадлежит к одному из самых сильных препаратов, известных человечеству.

Следует отметить, что сегодня научный прогресс не стоит на месте. К сожалению, перечень всех наркотических средств, сильнодействующих психотропных и других средств не является постоянным. Он все время изменяется, пополняется новыми видами, которые применяются не только для медицинских целей, научных исследований, но и для незаконного оборота.

Как уже отметили, сегодня наркомания превратилась в глобальную транснациональную проблему. В мире

продолжают получать распространение все новые и новые виды наркотиков. Например, на берегах Тасмании (Австралии) – это грибная наркомания. Сегодня индейцы Южной Мексики знают не менее 20 разновидностей грибов, из которых можно приготовить наркотики. Заметим, что, в соответствии с современными оценками специалистов, на Земле существует от 100 до 250 тыс., а по некоторым оценкам независимых экспертов, – до 1,5 млн видов грибов [12].

Следует отметить, что древнейшие наскальные изображения религиозных церемониальных ритуалов, в которых использовались галлюциногенные грибы, были известны в Африке и имеют возраст от 6,5 до 9 тыс. лет. В частности, по данным путешественников, с древних времен некоторые племена Центральной Африки принуждали осужденного во время судебного процесса выкуривать коноплю до состояния сильного одурманивания, после чего он избивался судьями. Древнейшим ацтекам красный мухомор был известен под названием «теонанакатль» («тело бога»). Его использовали в религиозных ритуалах и употребляли только избранные. У них также есть упоминание о применении марихуаны как одурманивающего средства.

В Риг-Веде, в одном из самых древних священных писаний индуизма, около тысячи гимнов посвящены священному опьяняющему напитку «сома», который, по утверждению ученых-исследователей, готовился из красных галлюциногенных грибов – мухоморов. Индейские шаманы, употребляя упомянутые грибы, входили в наркотическое состояние и, «сливаясь с божеством», предсказывали будущее, исцеляли больных и т. д.

Галлюциногенные грибы-мухоморы использовались также шаманами северных народов, обитающих на Таймыре, Камчатке и Чукотке. Поедание мухоморов у этих народов было привилегией их вождей и шаманов. Заметим, что, по данным специалистов, употребление европейцем 3 плодовых тел вышеупомянутого мухомора может для него оказаться смертельным. Однако для представителя северных народов, традиционно употреблявших такой гриб, разовая смертельная доза составляет до 11 плодовых тел, а по другим источникам – до 21. Сегодня большинство наркоманов мира очень боятся этих грибов.

Заметим, что, по утверждению специалистов, действие от постоянного приема галлюциногенных грибов сходно с приемом наркотика ЛСД: вначале возникает ошеломленность, ощущение сжатия пространства и времени, нарушение восприятия скорости, наблюдение своего тела со стороны и т. д. Эйфория и смех, освобождение от чувства угнетенности, эротическое влечение наркомана уходят на второй план. Сегодня США находится на первом месте по числу грибных наркоманов [8; 12].

По утверждению всемирно известного специалиста по борьбе с наркоманией А.Н. Сергеева, контроль над оборотом наркотиков в Древней Руси осуществлялся задолго до установления христианства – языческими жрецами, т. е. волхвами, или ведунами, строго в лечебных целях. По мнению других российских ученых, получаемых из различных трав, мхов, грибов и других продуктов, волхвам и ведунам было известно свыше ста наименований наркотических препаратов, вплоть до конца XVII – начала XIX в. их называли «зельем». Уже в период христианства, в частности, в Уставе князя Владимира Мономаха «О десятинах, судах и людях церковных» (XI–XII вв.) лица, нарушившие правила обращения с «зельем», подвергались жестокому преследованию, вплоть до лишения жизни [3, с. 17]. И по сей день мировое христианство рассматривает наркоманию как болезнь, связанную с одержимостью.

В Бразилии с помощью специалистов преступникам удалось вывести новое наркотическое растение «эпаду», достигающее семи метров в высоту и созревающее менее чем за полгода.

В будущем получит широкое распространение но-

вый вид наркотиков из кактусов, которых насчитывается 170 видов, 2 тысячи сортов и огромное количество разновидностей. Однако о дурманяще-галлюциногенных свойствах некоторых из них с незапамятных времен знали индейцы Центральной и Северной Америки, так как они их использовали в своих религиозных культах во время «общения с духами». Среди таких растений являются: кактус «пейот» – голубовато-зеленого цвета, без иголок с сильным содержанием мескалина-галлюциногена. Вместе с тем древние индейцы с помощью «пейота» лечили лихорадку, астму, невралгию, зубную боль и другие болезни; «сан-педро» – священное ритуальное растение шаманов, с помощью его напитка, вызывающего галлюцинацию, они входят в транс с уверенностью, что данный наркотик поможет им понять смысл жизни. Заметим, что выращивание наркотикосодержащих кактусов, в том числе «пейота» и «сан-педро», запрещено во многих странах мира. За разведение упомянутых кактусов в больших количествах во многих странах предусмотрена уголовная ответственность.

Наряду с собственно наркотиками в настоящее время широкое распространение получили и медицинские препараты. Параллельно с наркоманией и полинаркоманией широкими темпами развивается и токсикомания [5; 6; 11].

По данным исследователей, сегодня большое распространение в мире получили нелегальные синтетические наркотики, которые производят на химических заводах и крупных подпольных лабораториях, в основном в Афганистане, Южной Америке и Нидерландах. Примером таких наркотических веществ служат производные от триптамина, пиперазина, фенетиламина, катинона, а также на основе синтетического каннабиноида. В частности, в настоящее время по всему миру получили широкое применение синтетические каннабиноиды под ненаучным названием «спайсы», или «курительные смеси». В незаконном обороте распространены десятки их разновидностей. Первые сведения об этих смесях в сети Интернет появились в 2004 г. По данным специалистов-врачей, наркотический эффект от употребления «спайса» наступает практически мгновенно и сильнее, чем от курения натуральных препаратов каннабиса (марихуаны), однако его воздействие на организм менее продолжительно по времени [14; 15].

С 2010 г. в России широкое применение получил новый вид наркотика под названием «крокодил» (дезоморфин), он в 15 раз сильнее и намного дешевле героина. По распространенности после героина занимает второе место. Наркотическая зависимость от «крокодила» наступает, как правило, после 2-х внутривенных инъекций. Смертность от него очень высока: в течение 1–2 лет умирает 80 % наркоманов, а остальные 20 % – через 3–4 года. По данным специалистов, достаточно 5 уколов, чтобы конечности начали загнивать.

Давно уже известно о новом направлении – музыкальной наркомании, которая раздражает головной мозг непосредственно музыкой, вызывая такое же ощущение, что и наркотики. При этом громкость звука должна быть 100–120 дБ, при звуковых частотах на минимальных пределах: 16–20 Гц и выше слухового восприятия [5, с. 5]. Сегодня уже представляет общественную опасность аудионаркомания, т. е. воздействие на мозговой центр бинауральных музыкальных волн оно сходно с воздействием кокаина или героина [14].

Суть бинаурального эффекта, который был открыт немецким исследователем Г.В. Давом в 1839 г., заключается в том, что на левое ухо подается звук с одной частотой, а на правое ухо – другой частотой. При этом мозг как бы интегрирует эти волны, и мы слышим звук с третьей частотой. Одним словом, бинауральные ритмы способствуют изменению ритмов головного мозга. Поэтому их нельзя называть «музыкой».

Что касается современных отзывов о вышеупомянутом аудионаркотике, то они весьма противоречивы.

Однако у большинства пользователей, после прослушивания так называемых «цифровых наркотиков» (с громкими названиями – «оргазм», «рука бога», «ЛСД»), начинаются сильные головные боли или неприятные ощущения в голове [24].

Сегодня динамика распространения наркомании в мире такова: доля лиц, незаконно употребляющих наркотики в мире, согласно данным «Всемирного доклада о наркотиках», колеблется в пределах 5–5,5 % (возраст от 15 до 64 лет) и составляет около 250 млн человек. Отметим, что в середине 80-х годов прошлого века их количество не превышало 50 млн. По примерным оценкам ООН, количество смертей в год, связанных с наркотиками, без учета латентности, составляет около 200 тыс. человек, их средний возраст не превышает 28 лет.

По оценке международной организации уголовной полиции – Интерпола, сегодня ежегодный мировой оборот наркобизнеса составляет 500–800 млрд долларов США, из коих до 30 % идет на подкуп государственных чиновников. Поэтому с 1972 г. «врагом общества номер один» в США считают наркомана.

По мнению специалистов ООН, в будущем распространение наркотических средств в мире полностью будет зависеть от Афганистана, где сегодня сосредоточены основные посевы опийного мака, обеспечивающие четверть мирового объема незаконного опия. Согласно официальным данным, ежегодно в Афганистане производится до 150 млрд разовых доз героина и около 30 млрд разовых доз гашиша.

Однако вернемся к официальным и среднестатистическим показателям наркомании в России, которую многие армяне считают своей второй родиной, и Армении. В частности, по данным Министерства здравоохранения, если в 1984 г. число российских наркоманов, состоящих на медицинском учете, составляло 35 тыс. человек, в 1999 г. – 300 тыс., 2013 г. – 630 тыс., то сегодня это число, по утверждению отдельных исследователей, приближается к миллиону, а количество токсикоманов насчитывается в два раза больше. Отметим, что, по заявлению Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков в РФ, активно употребляют наркотики 3 млн, а по данным ООН – до 4 млн, одна треть из них употребляет героин. По данным независимых экспертов, только в Москве насчитывается от 600 тыс. до 1 млн человек, периодически употребляющих наркотики. По прогнозам экспертов, вышеупомянутые показатели в перспективе могут удвоиться. По данным исследователей, только 3,4 % наркоманов считают, что они не смогут самостоятельно прекратить употребление наркотиков, а 96,4 %, к сожалению, утверждают, что смогут. В связи с этим напомним, что в России употребление лицами наркотиков без предписания врача является административным правонарушением, наказываемым штрафом или административным арестом. Но за склонение к потреблению наркотиков наступает уголовно-правовая ответственность и, согласно уголовному законодательству России, виновный наказывается исправительными работами или лишением свободы на максимальный срок до 10 лет (ч. 3, ст. 230 УК РФ). Заметим, что несколько расширены максимальные границы уголовной ответственности в Армении за склонение или вовлечение к потреблению наркотиков, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда здоровью, в этом случае следует наказывание исправительными работами или лишением свободы, но уже на срок до 12 лет (ч. 3, ст. 272 УК РА).

Заметим, что, по данным МВД РФ, 70 % от всех наркоманов, обратившихся за медицинской помощью – это подростки и молодежь. Поэтому главная группа риска в России, да и не только в России – это беспризорные дети, подростки, юноши и, в целом, молодежь.

По официальным данным, в РФ в 2015 г. было выявлено 234,8 тыс. преступлений, связанных с незакон-

ным оборотом наркотиков. А за три месяца 2016 г., т. е. к 1 апреля, выявлено 59,7 тыс. преступлений.

Если в 2014 г. в России в год от наркотиков умерли до 60 тыс. человек, то в 2015 г. их количество составило более 70 тыс. человек. Ежегодно становятся наркоманами от 80 до 90 тыс. человек. По данным ООН, Россия является крупнейшим рынком героина в Европе. В частности, она занимает первое место по потреблению афганского героина, 1 кг которого в Афганистане стоит 9 тыс. долларов США, а в Москве – 150 тыс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков: сборник документов / сост. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. М.: ИНФРА-М, 2005. 624 с.
2. Наркотики: социальные, медицинские и правовые аспекты / сост. И.Н. Кузнецов, С.К. Купрейчик. Минск: Новое знание, 2001. 399 с.
3. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / под ред. А.Н. Сергеева. М.: Щит-М, 2000. 638 с.
4. Авакян Р.О. Пути повышения эффективности проводимых профилактических и оперативно-розыскных мероприятий, связанных с наркотиками, на основе использования информационно-логических моделей и ЭВМ // Материалы межвузовской научно-практической конференции МВД СССР. Ереван: ЕрГУ, 1987. С. 164–167.
5. Авакян Р.О. Наркомания и методы борьбы с нею. Ереван: Айастан, 1990. 323 с.
6. Авакян Р.О. Организационно-правовые и информационные основы деятельности ОВД в борьбе с наркоманией : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 436 с.
7. Авакян Р.О., Авакян Р.Р., Авакян Е.Р. Антология памятников права народов Кавказа. Ч. 2. Памятники права Армении. Т. 20. Истоки памятников армянского права. Ростов н/Д.: Альтаир, 2014. 919 с.
8. Виды наркотиков. Новые виды наркотиков. URL: russian.ru.
9. Габиани А.А. Наркотизм. Конкретно-социологические исследования по материалам Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977. 307 с.
10. Габиани А.А. Наркотизм вчера и сегодня. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988. 256 с.
11. Криминология / под ред. Д.Ф. Шели. СПб.: Питер, 2003. 864 с.
12. Курение каннабиса // Википедия свободная энциклопедия. URL: ru.m.wikipedia.org.
13. Мировой опыт в борьбе с наркотиками // РИА Новости. URL: ria.ru.
14. Новый вид наркотиков. URL: rutube.ru.
15. РИА Новости. URL: ria.ru.:
- 15.1 Опыт Индонезии в борьбе с наркоманией.
- 15.2 Опыт Италии в борьбе с наркоманией.
- 15.3 Опыт Малайзии в борьбе с наркоманией.
- 15.4 Опыт Таиланда в борьбе с наркоманией.
- 15.5 Опыт Турции в борьбе с наркоманией.
- 15.6 Опыт Франции в борьбе с наркоманией.
- 15.7 Опыт Чехии в борьбе с наркоманией.
- 15.8 Опыт Швеции в борьбе с наркоманией.
16. Пятницкая И.Н. Наркомания: руководство для врачей. М.: Медицина, 1994. 544 с.
17. Романова Л.И. Наркомания и наркотизм. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 479 с.
18. Страны, в которых легализованы наркотики // РИА Новости. URL: ria.ru.
19. Чеурсон В., Соломзес Д., Соколовский Г. Наркотики и общество. М.: Иллайн, 1998. 192 с.
20. Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомания: патопсихология, клиника, реабилитация. СПб.: Лань, 2000. 368 с.

21. Опыт Нидерландов в борьбе с наркоманией. URL: [bbc.com](http://www.bbc.com).
Справка // РИА Новости. URL: ria.ru/beznarko_help/20110915/438053943.html#ixzz48plqyYdJ.
22. Наркомания. URL: wemontzeal.com.
23. BBC. URL: [bbc.com](http://www.bbc.com).
24. Аудионаркотики – цифровые наркотики. URL: russlav.ru/narkotik/audionarkotiki.html.

**DRUG ADDICTION, ORIGINS AND INTERNATIONAL COMBAT.
PART I. HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF PROBLEMS AGAINST DRUGS**

© 2016

R.O. Avagyan, Doctor of Law, Professor, Vice-President Bar Association of the Caucasus, Academician MANEB and Pan-Armenian National Academy of Security, rector
Yerevan University “MANZ”, Yerevan (Armenia)

Keywords: drugs; drug addiction; narcotic; illegal turnover; origin; combating; global practice.

Abstract: This article deals with one of the most important tasks of modernity i.e. drug addiction and its antisocial manifestation. The article includes not only systemic analysis of the experience of combating drug addiction in the USSR, in Armenia, as well as in Moscow and Yerevan based on the examples of the research on criminal cases and drug addicts made in 1976–1979 and 1982–1989, as well as the contemporary global practice in drug combating, taking into consideration the recent analysis of the scientific literature on the subject.

The author substantiates the urgency of the chosen topic. The international practice of combating drug addiction and illegal turnover of drugs is considered.

Special attention is paid to the close cooperation between science and practice issues in the domain of activity of the relevant bodies for fortifying introduction of scientific achievements in combating drug addiction.

**НАРКОМАНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.
ЧАСТЬ II. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ**

© 2016

Р.О. Авакян, доктор юридических наук, профессор, вице-президент ассоциации юристов Кавказа, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор *Ереванский университет «МАНЦ», Ереван (Армения)*

Ключевые слова: наркотики; наркомания; одурманивающий; истоки; наркотизм; мировой опыт.

Аннотация: Данная статья посвящена одной из самых актуальных проблем современности – наркомании и ее антисоциальному проявлению. В работе использованы не только результаты проведенного автором системного анализа опыта борьбы с наркоманией в СССР, Армении, в том числе московского и ереванского (на примере исследований как уголовных дел, так и самих наркоманов (1976–1979 годы, 1982–1989 годы)), а также зарубежного опыта борьбы с наркотиками, с учетом анализа научной литературы последних лет, посвященной проблематике данной статьи.

Обосновывается актуальность выбранной темы. Рассматривается мировой опыт борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотических средств.

В работе особое внимание уделено проблемам тесного взаимодействия науки и практики, ускорения внедрения научных достижений в деятельность соответствующих органов, ведущих борьбу с наркоманией.

По данным зарубежных экспертов, в РФ ежегодно оседают от 75 до 80 тонн героина. Это количество в 3,5 раза больше, чем в США и Канаде вместе взятых и в 2 раза больше, чем в Китае. За последнее 10-летие, по их же данным, количество смертей от злоупотребления наркотиками увеличилось в 10 раз, количество женщин, употребляющих наркотиками, увеличилось в 6,5 раз, а подростковая смертность – в 42 раза. Как показывают многочисленные исследования, а также утверждения независимых экспертов-специалистов, в городах РФ излечиваются в наркологических диспансерах, т. е. выдерживают без употребления наркотиков более одного года от 3 до 7 % наркоманов. В сельской местности шансов на излечение практически нет. К сожалению, по Армении такими данными мы не располагаем.

Далее отметим, что, по среднестатистическим данным российских исследователей, на территории современной РФ продажа наркотиков по мелкорозничной цене приносит наркодельцам годовой доход порядка 10 млрд долларов США. В своем специальном выпуске специалисты Санкт-Петербургского университета утверждают, что доходы наркобизнеса в России угрожают национальной безопасности, так как они в несколько раз превышают бюджет правоохранительных органов, ведущих борьбу с незаконным оборотом наркотиков в стране.

Общественная опасность наркомании в современных условиях выражается и в том, что наркоманы являются разносчиками СПИДа. В частности, по данным Всемирной организации здравоохранения, в мире в настоящее время насчитывается более 40 млн людей, живущих с вирусом ВИЧ. По темпам роста числа носителей ВИЧ-инфекции Российская Федерация занимает первое место в мире, опережая даже африканские страны. По данным руководителя Федерального центра по профилактике и борьбе со СПИДом, в начале XXI в. в РФ смертельным вирусом были инфицированы более 1 млн человек. По разным источникам, от 50 до 80 % выявленных случаев заражения ВИЧ-инфекцией были связаны с употреблением наркотиков. По данным международной статистики, весь круг заболеваний, связанных с наркотиками, дает около 10 % от всех смертей. В частности, сегодня продолжительность жизни героинового наркомана в России 5–7 лет, из них до 80 % являются ВИЧ-инфицированными.

Что касается распространения наркомании в Армении, то в первую очередь ей способствуют негативные проявления нашего общества: его противоречия, безработица, коррупция, теневая экономика, социально-правовая несправедливость и другие проблемы. Исходя из этого и с учетом высокой латентности, сегодня в Армении нет точной статистики по линии наркомании. Тем не менее наркомания в Армении, как и во всем мире, имеет тенден-

цию к росту, которую, конечно, нельзя сравнить с другими странами Южного Кавказа. В частности, по официальным данным наркологического центра Минздрава, в 2005 г. было зарегистрировано 464 человека, употребляющих наркотики, в 2009 г. – 1 740 человек, в 2012 г. – 4 332 человека, а на 1 января 2015 г. – 5 357 человек и т. д. Однако, справедливости ради, заметим, что, по данным независимых экспертов, в стране от 25 до 30 тыс. наркоманов, из которых от 5 до 7 тыс. зависят, как правило, от афганского опия и героина, которые попадают в Армению, как правило, из Ирана через Мегринский коридор.

По официальным данным, в Армении за последние два года (2014–2015 годы) было выявлено 1 978 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и, соответственно, 898 административных правонарушений, но без учета латентности. При этом заметим, с 2008 г. в Армении декриминализовано потребление наркотических средств. За незаконный оборот наркотических средств в незначительных размерах в целях сбыта также не влечет уголовной ответственности. Освобождаются от уголовной ответственности также и лица, добровольно сдавшие наркотические средства (ст. 266 УК РФ). Вместе с тем необходимо отметить, что, по утверждению независимых экспертов, успешное использование (с 2011 г.) в общеобразовательных школах Армении китайского опыта борьбы с наркоманией – распространение шахматной игры в первой половине XX в., которая спасла китайскую нацию от наркомании после ее поражения в так называемой опиийной войне против Англии, Франции и США в 1839–1860 гг., позволило Армении сегодня также резко снизить подростковую наркоманию.

Сегодня в мире остро стоит вопрос: как же, в целом, решить проблему наркомании?

Может быть, вести борьбу путем легализации так называемых «легких» наркотиков (например, конопляная группа), как это сделали в ряде стран? Конечно, нет. Заметим, что сегодня общественные движения в некоторых странах достигли того, что было легализовано употребление так называемых «легких» наркотических средств (каннабиса-марихуаны, гашиша, анаши и др.). Их требования мотивированы тем, что «легкие» наркотики, в отличие от легализованных алкоголя и табака, менее вредны для здоровья, так как они наносят вред лично себе, а не окружающим людям, что легализация «легких» наркотиков разгрузит работу правоохранительных органов, что легализация продажи данных наркотиков лишит организованную преступность поля их деятельности и т. д. Сторонники движения также не сбрасывают со счетов и экономический фактор при их использовании в сельском хозяйстве и промышленности. Среди таких стран, так называемых «ли-

беральных групп», в которых легализованы (или легализованы частично) некоторые виды «легких» наркотиков – это Австрия, Аргентина, Бельгия, Германия, Швейцария, Нидерланды, Норвегия, Мексика, Северная Корея, Чехия и др., в которых в настоящее время наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» к политике наименьшего вреда от наркотиков. В частности, в Западной Австралии законодательством разрешено хранение и использование небольшого количества марихуаны (до 2 растений, за превышение – штраф), в столице Австралии (Канберре) разрешено хранение до 25 г (за превышение – штраф), в Южной Австралии, Новом Южном Уэльсе и Тасмании хранение гашиша также не считается серьезным правонарушением. В Аргентине с 2009 г. исключена уголовная статья за хранение марихуаны в небольших размерах. Ранее ее употребление, хранение или содержание каралось лишением свободы до 2 лет. В Бельгии с 2003 г. также легализованы «легкие» наркотики. Однако запрещены их употребление в общественных местах, хранение более 3 г или их продажа. В большинстве федеральных земель Германии менее 5 г каннабиса уголовно не преследуется. С 2007 г. неизлечимо больным пациентам, в виде исключения, разрешено употребление медицинской марихуаны, если они имеют разрешение из местных органов здравоохранения. А со следующего года каннабис будет отпускаться по рецепту врача.

В Канаде с 2001 г. разрешено легально выращивать коноплю и курить марихуану неизлечимо больным, если они имеют специальное разрешение правительственных органов. Вместе с тем заметим, что Канада, по данным независимых экспертов, является страной, где врачи выписывают больше всего опиатов в мире. По данным других исследователей, канадские врачи выдают такое же количество рецептов на опиаты, как и их коллеги в США. На «черном» рынке Канады наибольшей популярностью пользуется такое наркотическое средство, как таблетки *фентанила*, он в 100 раз сильнее морфина. Только за 2015 г. полицией было конфисковано у наркоманов более 20 тыс. таких таблеток. Хотя ежегодно в Канаде от передозировки фентанила умирают более 100 наркоманов. Согласно различным сообщениям канадской прессы, их число за последние два года почти удвоилось. Сегодня на черном рынке Канады появился новый синтетический препарат «W-18» в виде таблеток, полученный еще 35 лет назад канадским фармакологом из университета Альберты профессором Эд. Кнаутом, как болеутоляющее средство для раковых больных, он в 10 тыс. раз сильнее морфина. Однако применение «W-18» в медицине было полностью исключено, так как данный препарат вызывал сильнейшее привыкание. По данным независимых экспертов, данный синтетический препарат в таблетках поступает в Канаду из Китая. Несмотря на его крайне опасные свойства, он до сих пор не внесен в список контролируемых лекарственных средств в Канаде [22; 23].

Нидерланды, являясь конечной точкой балканского маршрута транспортировки афганского опия, – один из крупнейших транзитных узлов незаконной поставки героина и кокаина в Западную Европу, в частности в Бельгию, Францию и Великобританию. В стране с 1976 г. наркотические средства официально разделены на «легкие»–«мягкие» (продукты конопли, снотворные и другие) и «тяжелые»–«сильные» (ЛСД, героин, кокаин, амфетамин, экстази и др.). В мае 2011 г. правительство Нидерландов приняло решение о введении Клубной карты для кафе. В крупных городах страны, таких, как Амстердам, Роттердам, Гаага, Утрехт и др., действуют кафешопы, имеющие официальное разрешение на легальную продажу марихуаны, галлюциногенных грибов и других «легких» наркотиков. В частности, в данной стране сегодня действуют несколько сот таких специализированных кафешопов, только в Амстердаме их более 200. Данная мера сделает кафешопы частными клубами только для граждан Голландии в возрасте старше 18 лет.

Каждому клубу позволено иметь ограниченное число членов, а само членство в клубе можно продлить только лишь на год. Проводимая в Королевстве антинаркотическая политика – это «политика терпимости», основанная на тезисе, что наркомания – проблема здравоохранения. Наркоман рассматривается как жертва, нуждающаяся в помощи. Тем не менее, согласно официальным данным Нидерландов, около 363 тысяч жителей страны в возрасте от 15 до 64 лет употребляют каннабис.

Однако в Нидерландах строго караются лица за незаконный оборот «тяжелых» наркотиков, т. е., за хранение более 0,5 грамма сильнодействующих наркотиков наказывается лишением свободы до 4 лет и/или крупным штрафом. Продажа сильнодействующих наркотиков наказывается лишением свободы до 8 лет и/или штрафом в размере 67 тысяч евро.

Сегодня Голландия, которая всего лишь 2 из 12 провинций, которые входят в состав Королевства Нидерландов, превратилась в «наркотическую яму» Европы. Поэтому с 2014 г. там запущена трехлетняя «Национальная программа профилактики наркомании», по которой голландец несет полную ответственность за свое здоровье, а национальное правительство обеспечивает их достоверной и доступной информацией о вреде наркотических средств. Приоритет при этом отдается группам риска, т. е. подросткам и молодежи [17; 18]. В настоящее время в Нидерландах действует запрет на промышленное производство и продажу свежих галлюциногенных грибов. До принятия закона в Нидерландах было шесть крупных производителей галлюциногенных грибов, которые поставались в 180 магазинов – смарт-шопы. Оборот этого бизнеса составлял от 15 до 20 миллионов евро в год. Около 90 % галлюциногенных грибов покупались иностранными туристами. Запрет не распространяется на выращивание галлюциногенных грибов для личного потребления [21].

В Норвегии (в Осло), в качестве эксперимента, в 2005 г. действовал инъекционный кабинет, где наркоманы могли под контролем легально принимать наркотики, так как злоупотребление наркотическими средствами, особенно среди подростков и молодежи, очень распространено. Заметим, что, согласно последнему национальному опросу об употреблении наркотиков среди норвежцев старше 15 лет, почти каждый шестой респондент заявлял, что хотя бы раз в жизни употреблял каннабис, а каждый 10-й – «тяжелый» наркотик. Лечение от наркозависимости в Норвегии производится на добровольной основе. Принудительное лечение в стране запрещено. Если до 18 лет у подростка имеются серьезные проблемы с наркотиками, то по решению суда он может принудительно помещаться в закрытый специальный центр, где для него будет составлена индивидуальная программа и с ним будут работать до восьми соответствующих специалистов. Первоначальным этапом лечения наркоманов является детоксикация, а затем наступает второй этап – период реабилитации. В частности, в столице Норвегии Осло действуют девять таких специальных заведений, где работают медсестры и дежурный врач. Они оказывают наркоманам такие услуги, как обеспечение места для отдыха, обработка ран, выдача рецептов на антибиотики и направление в клиники для консультирования или на детоксикацию. В помещении для инъекций наркоманы могут получать консультацию о количестве вводимого наркотика и т. д. Согласно действующему законодательству Норвегии, использование и хранение незначительного количества наркотиков, как правило, наказываются штрафом, редко – тюремным заключением на срок до 6 месяцев. За изготовление, приобретение, ввоз, вывоз наркотиков грозит штраф или лишение свободы на срок до 2 лет. Если незаконный оборот наркотиков связан с большим количеством или наличием определенныхотягчающих обстоятельств, срок лишения свободы может составить от 3 до 21 года.

В Мексике с 2009 г. не подвергаются уголовной ответственности те лица, у которых обнаружены наркотики для личного пользования, не превышающие установленные нормы (5 г марихуаны, 2 г опия, 50 мг героина, 0,015 мл ЛСД и др.). В Северной Корее курение марихуаны не запрещено. Хотя в Южной Корее с 2000 г. строго карается незаконный оборот наркотиков. В частности, за хранение, потребление, покупку или продажу наркотиков, даже в небольших количествах, грозит длительный тюремный срок и крупные штрафы. Однако в ряде случаев действующее законодательство допускает при уголовном наказании за употребление наркотиков приостановить обвинительное заключение при условии обязательного прохождения лечения и реализации реабилитационной программы. Тем не менее, в последние годы в стране отмечается рост нелегального оборота наркотиков. При этом широкое распространение получили *метамфетамин* и его производные, а также *марихуана*. В таких регионах, как Люксембург, Португалия, Ямайка и др., употребление и хранение «легких» наркотиков в небольшом количестве также уголовно не преследуются.

Согласно исследованиям чешских ученых, каждый 3-й житель в Чехии в возрасте от 15 до 64 лет хотя бы раз в жизни употреблял наркотики, в основном каннабис (марихуану). Заметим, что ранее действовавший чешский Уголовный кодекс (1999 г.) предусматривал уголовное наказание до 2 лет за хранение наркотиков, при наличии отягчающих обстоятельств – до 5 лет. В январе 2010 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс Чехии, который ввел понятия «легкие» (например, марихуана) и «тяжелые» (например, героин, ЛСД) наркотики. Отсюда и строгость наказания. Одновременно регламентировано понятие «небольшое количество» наркотиков. Следовательно, с 1 января 2010 г. в Чехии действующим законодательством разрешено иметь при себе или хранить небольшое количество наркотиков (до 15 г марихуаны, 5 г гашиша, 1 г кокаина, 1,5 г героина, 2 г первитина и др.). В 2010 г. правительство Чехии одобрило долгосрочную «Стратегию национальной антинаркотической политики» на период 2010–2018 гг. Основные ее цели: уменьшение спроса на употребление наркотиков, особенно среди подростков и молодежи, снижение доступности наркосодержащих лекарств и наркотиков, особенно для подростков и молодежи, снижение уровня использования проблемных лекарственных средств и др. [15.7].

В силу своих исторических, языковых и культурных связей с Латинской Америкой Испания является основными «воротами», через которые латиноамериканский кокаин попадает в Западную Европу. Страна также остается важным транзитным пунктом гашиша из Марокко. По данным независимых экспертов, в последние годы в стране обособились представители всех колумбийских наркокартелей. В настоящее время в стране каждый десятый взрослый испанец злоупотребляет каннабисом (марихуаной). Однако в стране делается все возможное, чтобы лица, совершившие преступления под воздействием наркотиков, избежали тюремного заключения. В частности, совершивший преступление наркоман может избежать наказания, если предпочтет добровольное лечение (при предусматриваемом сроке не более двух лет лишения свободы). Хотя в Испании разработана «Национальная стратегия по борьбе с наркоманией», правительство осуществляет национальные планы по наркотикам, тем не менее научный опыт голландского «легализованного эксперимента» в Испании с 1985 г. способствовал за последующие 10 лет увеличению числа зарегистрированных наркоманов с 200 тыс. до 1,6 млн человек. Проводимый научный эксперимент легализации наркотиков с 1994 г. в Швейцарии также не дал желательных результатов. В частности, в 2008 г. большинство населения Швейцарии на проведенном референдуме высказалось против легализации «легких» наркотических средств (марихуаны и др.). При этом

68 % швейцарцев, пришедших на избирательные участки, проголосовали, чтобы большим официально продавали героин только по медицинским рецептам. Тем не менее, в Берне действует кафе, где наркоманам дают возможность употреблять наркотики, используя чистые шприцы. На территории такого заведения запрещено торговать наркотиками и спиртными. Вход в такое заведение разрешен лишь наркоманам старше 18 лет с соответствующими медицинскими документами. Без этих документов они в кафе не допускаются.

Колумбия, наряду с Перу и Боливией, считается одним из основных поставщиков кокаина на мировой «черный» рынок. В частности, по данным колумбийского Андского университета, производство и незаконный оборот кокаина в Колумбии приносит ежегодный доход до 8 млрд долларов. Данная страна ежегодно производит более 400 т кокаина и занимает второе место в мире после Перу. Значительная часть этого кокаина попадает в Европу и США. В 2012 г. Конституционный суд страны разрешил колумбийцу иметь при себе 1 г кокаина или 20 г марихуаны. Ранее срок тюремного заключения для лиц, задержанных с наркотиками, составлял от 5 до 10 лет. С 2011 г. хранение наркотиков для личного употребления было вновь декриминализовано. При этом президент страны заявил, что Колумбия готова обсуждать возможность легализации наркотических средств на международном уровне.

Как уже отметили, Перу также является одним из крупнейших производителей кокаина для мирового «черного» рынка. По данным «Центра профилактики злоупотребления наркотиками» Перу (CEDRO), около 1 млн перуанцев незаконно употребляют наркотики. Поэтому в стране действуют около 250 терапевтических сообществ, большая часть которых организована бывшими наркоманами.

Вместе с тем заметим, что результаты наших исследований и утверждения специалистов показывают, что употребление наркоманами «мягких» наркотических средств, как правило, впоследствии приводит к употреблению ими более «тяжелых» наркотиков.

Может быть, вести борьбу с наркоманией путем запретов и ужесточения действующего уголовного законодательства и судопроизводства – по опыту Ирана, Малайзии, Индонезии, Пакистана и ряда других стран? Думаем, что также нет. По этому поводу можно привести в пример ряд стран, которые, ужесточив систему уголовных мер, объявили в разные периоды времени «крестовые походы» против незаконного оборота наркотиков. Действующее законодательство более чем в 20 странах мира (Бангладеш, Индонезия, Иран, Ирак, Китай, Лаос, Малайзия, Саудовская Аравия, Таиланд и др.), борьба против незаконного оборота наркотиков, в частности, в отношении распространителей наркотических средств, ведется самыми жесткими средствами, вплоть до смертной казни.

По данным независимых экспертов, Иран занимает второе место по злоупотреблению опиатами среди населения, уступая лишь Афганистану. В частности, в 1989 г. в Иране был принят закон, согласно которому смертный приговор выносился лицу, у которого было обнаружено определенное количество наркотиков. В результате за пять месяцев были казнены 580 человек. В 2011 г. за преступления, связанные с оборотом наркотиков, в первую очередь – за оптовую торговлю и наркотранзит, были приговорены к смертной казни 480 человек. Однако, согласно опубликованному ООН Всемирному докладу по наркотикам, за 2011 г. 2,26 % населения Ирана в возрасте от 16 до 64 лет употребляли наркотики (опиаты). Сегодня, по данным независимых экспертов, количество опийных наркоманов в Иране давно перешагнуло за 3,5 млн. Сегодня на долю этой страны приходится до 40 % морфия, изымаемого во всем мире. В течение последних пяти лет у контрабандистов ежегодно конфисковывалось в среднем 600 тонн наркотиков, 75 % из них составили опиум и героин. На этом фронте борьбы за последние три десятка

лет в Иране погибло свыше 4 тыс. полицейских, 12 тыс. получили ранения [5; 6].

Уголовное законодательство Индонезии предусматривает максимальное уголовное наказание – пожизненное заключение или смертную казнь за ввоз в страну крупных партий «тяжелых» наркотиков (героин, ЛСД и др.) В частности, в камерах смертников Индонезии ожидают приведения приговора в исполнение свыше 140 человек, из коих более 50 иностранцев [15.1].

По утверждению секретаря Министерства по контролю за наркотиками Пакистана, из почти 90 % всего мирового производства опиума и героина 40 % перевозятся через Пакистан, тем самым вызывая рост потребителей наркотиков в стране. В Пакистане действует жесткое антинаркотическое уголовное законодательство. В частности, за хранение одного и более кг наркотиков лицу грозит повешение, а за 0,5 кг – тюремное заключение на срок до 20 лет. Кроме того, действуют такие дополнительные меры наказания, как конфискация имущества и принудительное лечение наркоманов. Активно используются религиозное давление на подростков, молодежь и наркоманов через проповеди мулл. Однако в Пакистане, по данным исследователей, угроза наркомании растет ежегодно, количество наркоманов давно перевалило за 10 млн 66 % студентов университетов и колледжей употребляют наркотики, каждый десятый наркозависим от «чараса», т. е. каннабиса (марихуаны), более 40 тыс. детей и подростков в 4 главных городах страны пользуются наркотиками. Уровень наркомании среди молодежи более чем в два раза выше, чем у населения старшего поколения.

В Китае за контрабанду крупных партий наркотиков (например, свыше 50 г героина, более 1 кг опиума) уголовное законодательство предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 15 лет, пожизненное заключение или смертную казнь. Заметим, что обычной мерой наказания наркоторговцев является их публичный расстрел. В Таиланде также строго караются за преступления, связанные с наркотиками, вплоть до пожизненного заключения либо смертной казни. Основными законодательными документами, регулирующими оборот наркотических средств в стране, являются «Закон о борьбе с наркотиками», «Закон о психотропных веществах», «Закон о наркотических средствах» и др. На территории Таиланда законодательством запрещено производить, употреблять, продавать или провозить любые наркотикосодержащие препараты, если они способны вызывать физический или психический эффект и включены в перечень, периодически публикующийся в правительственных ведомостях. По данным исследователей, известными наркотиками, которые потребляются на территории страны, являются: *экстази, кокаин, кратом* (местный препарат с психотропными свойствами), *кетамин, пиперазин, героин* и др. Однако за последние годы основными наркотиками, которые потребляются тайцами на территории Таиланда, по свидетельству экспертов, признан *метамфетамин, каннабис* и *кратом*. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК), более 3,5 млн тайцев в возрасте от 12 до 65 лет хотя бы раз в жизни принимали наркотики. В целом, организация борьбы с распространением наркомании в стране возложена на «Национальный Совет по контролю над наркотиками» [15.4]. В настоящее время в Малайзии можно оказаться повешенным на виселице, независимо от гражданства, за наркоторговлю. Уже в середине 80-х годов XX в. область применения действующего уголовного законодательства была расширена и ужесточена: только за хранение более 15 г героина или 0,2 кг марихуаны, а также за ввоз в страну сильнодействующих наркотических средств предусмотрена смертная казнь. Заметим, что малайзийское законодательство считается одним из самых жестких в мире по отношению к наркокурьерам, как правило, не принимает в рас-

чет оправдательных или смягчающих обстоятельств. Вместе с тем, согласно действующему таможенному законодательству в отдельных штатах, любой гражданин, сообщивший о ставшем ему известным факте нелегального провоза через границу наркотиков, получает вознаграждение: 50 % от «рыночной» стоимости конфискованных наркотикосодержащих препаратов. В среднем в стране к смертной казни ежемесячно приговаривается один осужденный, в основном за преступления, связанные с контрабандой наркотиков. При этом результаты статистических исследований свидетельствуют о том, что более 70 % малайзийцев являются сторонниками смертной казни через повешение. В то время как среди ее противников – последователи буддизма и христианства. Несмотря на жесткое уголовное законодательство, количество наркоманов в стране растет. Подавляющее их большинство – это молодежь от 17 до 29 лет, которая составляет почти 70 % населения Малайзии.

Италия, по данным исследователей, является вторым по величине после Великобритании европейским потребителем опиатов и третьим – по потреблению кокаина, после Великобритании и Испании. Согласно действующему законодательству, меры наказания лиц за незаконный оборот наркотиков, в частности, за их торговлю или хранение с целью продажи, включают лишение свободы от 6 до 20 лет и штрафные санкции. Вместе с тем законодательство предусматривает альтернативу уголовному наказанию, например, за приобретение наркотиков с целью потребления, а также за другие незначительные правонарушения, связанные с «легкими» наркотическими средствами. К этим альтернативам относятся: лекарственная терапия, общественные работы, домашний арест и другие меры. Тем не менее, по данным итальянского Департамента по борьбе с наркотиками, в стране каждый четвертый опрошенный в возрасте от 18 до 64 лет, хотя бы раз в жизни употреблял наркотик, в том числе, каждый пятый – гашиш. Количество наркоманов, нуждающихся в лечении, составило 8,2 на 1000 жителей [15.2].

В Великобритании с 2002 г. уголовно не преследовалось приобретение небольшого количества конопли и ее производных. Вместе с тем наркоманы не освобождались от ареста, если они употребляли наркотики в присутствии детей. Однако уже с 2009 г. за хранение марихуаны предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы до 5 лет или штраф, а разведение наркотических средств и их сбыт наказывается сроком до 14 лет или штрафом.

Во Франции борьба с наркоманией рассматривается как одно из основных направлений государственной политики. Согласно действующему законодательству уголовное преследование за хранение и употребление наркотиков не осуществляется лишь в отношении правонарушителей, способных предоставить медицинское подтверждение необходимости употребления запрещенного препарата, в противном случае лицо подвергается тюремному заключению, штрафу или принудительному лечению. В частности, потребление наркотиков во Франции карается лишением свободы на срок от 2 месяцев до одного года либо крупным штрафом. За незаконное предложение или продажу наркотиков несовершеннолетнему – срок лишения свободы от 2 до 10 лет. Согласно Кодексу здравоохранения Франции, органы власти могут закрыть до трех месяцев различные учреждения, рестораны, клубы, дискотеки или другие общественные учреждения, в которых было совершено преступление, связанное с наркотиком. Действующее законодательство позволяет судебным органам, исходя из личности наркомана и характера наркотиков, заменить тюремное заключение штрафом. В настоящее время основными органами по контролю во Франции являются OCRTUS (Центральное управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков) и MILDT (Международная группа по борь-

бе с наркотиками и наркозависимостью), которые находятся в непосредственном ведении премьер-министра Франции и тесно сотрудничают с представителями правоохранительных органов, а также участвуют в общеевропейских проектах в рамках Евросоюза, направленных на сокращение распространения наркотических средств. MILDT также содействует крупным общественным организациям, таким, как OFDT (Французский центр мониторинга наркотиков и наркоманов), CIFAD (Международный учебный центр по борьбе с наркотиками) и др. В стране для лечения наркоманов действуют сотни амбулаторных, лечебных и реабилитационных центров, десятки стационарных и специализированных центров. В частности, правительство Франции обеспечивает доступ 130 тысячам больных с героиновой зависимостью к заместительной терапии. Тем не менее сегодня Франция является одним из европейских лидеров по потреблению каннабиноидов. По данным MILDT, почти каждый второй француз в возрасте до 17 лет употреблял коноплю или ее производные хотя бы раз в жизни. Наркотики *экстази* и *метамфетамин* также наряду с марихуаной, имеют широкое распространение во Франции [15.6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков: сборник документов / сост. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. М.: ИНФРА-М, 2005. 624 с.
2. Наркотики: социальные, медицинские и правовые аспекты / сост. И.Н. Кузнецов, С.К. Купрейчик. Минск: Новое знание, 2001. 399 с.
3. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / под ред. А.Н. Сергеева. М.: Щит-М, 2000. 638 с.
4. Авакян Р.О. Пути повышения эффективности проводимых профилактических и оперативно-розыскных мероприятий, связанных с наркотиками, на основе использования информационно-логических моделей и ЭВМ // Материалы межвузовской научно-практической конференции МВД СССР. Ереван: ЕрГУ, 1987. С. 164–167.
5. Авакян Р.О. Наркомания и методы борьбы с нею. Ереван: Айастан, 1990. 323 с.
6. Авакян Р.О. Организационно-правовые и информационные основы деятельности ОВД в борьбе с наркоманией : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 436 с.
7. Авакян Р.О., Авакян Р.Р., Авакян Е.Р. Антология памятников права народов Кавказа. Ч. 2. Памятники права Армении. Т. 20. Истоки памятников армянского права. Ростов н/Д.: Альтаир, 2014. 919 с.
8. Виды наркотиков. Новые виды наркотиков. URL: russian.ru.
9. Габиани А.А. Наркотизм. Конкретно-социологические исследования по материалам Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977. 307 с.
10. Габиани А.А. Наркотизм вчера и сегодня. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988. 256 с.
11. Криминология / под ред. Д.Ф. Шели. СПб.: Питер, 2003. 864 с.
12. Курение каннабиса // Википедия свободная энциклопедия. URL: ru.m.wikipedia.org.
13. Мировой опыт в борьбе с наркотиками // РИА Новости. URL: ria.ru.
14. Новый вид наркотиков. URL: rutube.ru.
15. РИА Новости. URL: ria.ru.:
- 15.1 Опыт Индонезии в борьбе с наркоманией.
- 15.2 Опыт Италии в борьбе с наркоманией.
- 15.3 Опыт Малайзии в борьбе с наркоманией.
- 15.4 Опыт Таиланда в борьбе с наркоманией.
- 15.5 Опыт Турции в борьбе с наркоманией.
- 15.6 Опыт Франции в борьбе с наркоманией.
- 15.7 Опыт Чехии в борьбе с наркоманией.
- 15.8 Опыт Швеции в борьбе с наркоманией.
16. Пятницкая И.Н. Наркомания: руководство для врачей. М.: Медицина, 1994. 544 с.
17. Романова Л.И. Наркомания и наркотизм. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 479 с.
18. Страны, в которых легализованы наркотики // РИА Новости. URL: ria.ru.
19. Чеурсон В., Соломзес Д., Соколовский Г. Наркотики и общество. М.: Иллайн, 1998. 192 с.
20. Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомания: патопсихология, клиника, реабилитация. СПб.: Лань, 2000. 368 с.
21. Опыт Нидерландов в борьбе с наркоманией. Справка // РИА Новости. URL: ria.ru/beznarko_help/20110915/438053943.html#ixzz48pIqYdJ.
22. Наркомания. URL: wemontzeal.com.
23. BBC. URL: bbc.com.
24. Аудионаркотики – цифровые наркотики. URL: russlav.ru/narkotik/audionarkotiki.html.

DRUG ADDICTION, ORIGINS AND INTERNATIONAL COMBAT. PART II. CURRENT ISSUES DRUG POLICY: INTERNATIONAL EXPERIENCE

© 2016

R.O. Avagyan, Doctor of Law, Professor, Vice-President Bar Association of the Caucasus, Academician MANEB and Pan-Armenian National Academy of Security, rector Yerevan University "MANZ", Yerevan (Armenia)

Keywords: drugs; drug addiction; narcotic; illegal turnover; origin; combating; global practice.

Abstract: This article deals with one of the most important tasks of modernity i.e. drug addiction and its antisocial manifestation. The article includes not only systemic analysis of the experience of combating drug addiction in the USSR, in Armenia, as well as in Moscow and Yerevan based on the examples of the research on criminal cases and drug addicts made in 1976–1979 and 1982–1989, as well as the contemporary global practice in drug combating, taking into consideration the recent analysis of the scientific literature on the subject.

The author substantiates the urgency of the chosen topic. The international practice of combating drug addiction and illegal turnover of drugs is considered.

Special attention is paid to the close cooperation between science and practice issues in the domain of activity of the relevant bodies for fortifying introduction of scientific achievements in combating drug addiction.

НАРКОМАНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. ЧАСТЬ III. ТЕНДЕНЦИИ И МЕРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

© 2016

Р.О. Авакян, доктор юридических наук, профессор, вице-президент ассоциации юристов Кавказа, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор *Ереванский университет «МАНЦ», Ереван (Армения)*

Ключевые слова: наркотики; наркомания; одурманивающий; истоки; наркотизм; мировой опыт.

Аннотация: Данная статья посвящена одной из самых актуальных проблем современности – наркомании и ее антисоциальному проявлению. В работе использованы не только результаты проведенного автором системного анализа опыта борьбы с наркоманией в СССР, Армении, в том числе московского и ереванского (на примере исследований как уголовных дел, так и самих наркоманов (1976–1979 годы, 1982–1989 годы)), а также зарубежного опыта борьбы с наркотиками, с учетом анализа научной литературы последних лет, посвященной проблематике данной статьи.

Обосновывается актуальность выбранной темы. Рассматривается мировой опыт борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотических средств.

В работе особое внимание уделено проблемам тесного взаимодействия науки и практики, ускорения внедрения научных достижений в деятельность соответствующих органов, ведущих борьбу с наркоманией.

В последние годы наркотически «черный» рынок США – один из самых прибыльных в мире. Ежегодный оборот «черного рынка» наркотиков превышает 60 млрд долларов США. В результате более 13 млн американцев употребляют наркотики. По оценкам Госдепартамента США, употребление наркотиков наносит стране ежегодный ущерб более 600 млрд Федеральное правительство США не признает законных оснований для использования «легких» наркотиков. Стоит отметить, что в штатах Аляска, Калифорния, Колорадо, Гавайи, Мэн, Невада, Орегон и Вашингтон еще в 1996 г. были приняты законы, разрешающие использование марихуаны в качестве лечебного средства. А в таких штатах, как Мэриленд, Нью-Мексико, Род-Айленд и Вермонт, разрешили использование «легких» наркотиков с существенными оговорками. В месте с тем Национальный институт здравоохранения США все-таки принял рекомендацию по использованию каннабиса (марихуаны) при некоторых тяжелых заболеваниях. Тем не менее, в большинстве штатов существует наказание не только за хранение и употребление, но и даже за попытку приобретения наркотических средств. В частности, социологические исследования США в конце прошлого века показывают, что лица под действием наркотиков совершают в 6 раз больше убийств, в 4 раза больше нападений, почти в 1,5 раза больше ограблений, по сравнению с теми лицами, кто совершает преступление ради того, чтобы достать деньги для приобретения наркотиков [5; 6; 20, с. 59]. Однако принятые комплексные меры в сочетании с мощной информационно-пропагандистской работой за последнее десятилетие способствовали, с одной стороны, увеличению количества конфискованных наркотиков, что свидетельствует об успешной работе соответствующих органов, ведущих борьбу с наркоманией, с другой – сокращению количества латентных лиц, употребляющих наркотики. Этому содействовала также общенациональная борьба с наркоманией под лозунгом «За Америку, свободную от наркотиков». Ключевые моменты этого движения – это признание проблемы наркомании общенациональной и выработка долгосрочной программы-стратегии на ближайшие десять лет; выделение необходимых финансов для ведения борьбы с наркоманией как внутри, так и за ее пределами; активное международное сотрудничество; пропагандистско-информационная кампания, направленная, прежде всего, на молодежь и подростков, начиная с десяти лет; максимальное использование возможностей семьи как основы противодействия наркотикам и т. д.

В настоящее время официальная политика США в борьбе с наркоманией основана на двух таких основных принципах, как всемерно *сократить потребление наркотиков* и *ограничить их иностранные поставки*. Известно, что до 80 % всех потребляющих наркотиков

в США поступают из-за границы. В частности, колумбийские и мексиканские преступные группы доставляют в страну *кокаин* и *героин*, наркодельцы из Израиля монополизировали «черный» рынок *экстази*, доставляемый из Западной Европы, а местные преступные группировки специализируются на производстве *ЛСД* и выращивании *марихуаны*.

Заметим, что отдельные исследователи не только США, но и Францию, Великобританию относят к группе «жесткого» контроля за всеми видами наркотиков.

В соответствии со ст. 58 Конституции Турции, государство должно принимать «необходимые меры для защиты молодых людей от пристрастия к... наркомании...». Поэтому, согласно действующему Уголовному кодексу (с 2005 г.), покупка наркотических средств в стране карается лишением свободы от 1 до 2 лет. Производство, ввоз или вывоз наркотиков, а также их продажа наказываются лишением свободы максимально до 10 лет. При этом, если вышеупомянутый незаконный оборот наркотиков был организован преступной группой или к нему были причастны врачи, фармацевты, медицинские сотрудники, а также, если в качестве наркотиков выступали «тяжелые» наркотики (героин, морфин, кокаин), то срок лишения свободы увеличивается вдвое. Альтернатива тюремного заключения – лечение от наркомании или испытательный срок до 3 лет. Однако, хотя в стране не ведется открытой статистики по линии наркомании, но, по данным независимой экспертной оценки, в Турции около 4 млн человек употребляют наркотические средства, это *опиаты*, *каннабис* (марихуана) и *кокаин*. Среди турецких подростков спросом пользуется синтетическая марихуана, известная в Турции под названием «*бронзай*». Примерно 20 % наркоманов, которые лечатся в стране от наркотической зависимости, – это подростки и юноши моложе 18 лет. Сегодня Турция используется наркодельцами для транзита: опиума в Западную Европу из Афганистана, каннабиса из Ливана, Албании и Афганистана. Через Турцию на рынок Дальнего Востока идет *метамфетамин* из Ирана, а таблетки наркотика *каптагон* поставляются в страны Ближнего Востока [15.5].

По данным независимых экспертов, в целом, из-за нестабильности политической обстановки в странах СНГ распространение незаконного оборота наркотических средств угрожает не только общественной, но и национальной безопасности государств, входящих в данное сотрудничество. В частности, в Азербайджане молодеет наркомания. По официальным данным, в стране в 2006 г. их число составило 6 тыс., в конце 2012 г. – свыше 27 тыс., а сегодня, по данным независимых экспертов, с учетом латентности это количество давно удвоилось. Это связано с тем, что на медицинском учете состоит далеко не каждый наркоман. Следует отметить, по рекомендации ООН, что-

бы определить реальное число наркоманов в какой-либо стране, необходимо количество наркоманов, состоящих на учете, помножить на четыре. По данным исследователей, число зарегистрированных наркоманов в Азербайджане ежегодно растет приблизительно на 1000–1500 человек, как правило, это представители молодежи. При любых количествах наркотиков производство, сбыт и пересылка влекут уголовную ответственность. Исторически с IX в. основным конопляным продуктом на территории государства, которое образовалось в 1918 г., является гашиш, одной из форм его применения – вместе с чаем.

Сегодня «*третий путь*» борьбы с наркоманией избрала Швеция – это сочетание правового запрета с активной антинаркотической пропагандой и социально-медицинской помощью наркоманам. Шведская модель национальной стратегии по борьбе с наркотиками основывается на следующих принципах: охрана национальных внешних границ, жесткое уголовное законодательство, эффективные профилактические меры, в первую очередь, среди подростков и молодежи с целью уменьшения и с последующей ликвидацией спроса на наркотики, уход за больными и их лечение, ликвидация уличной торговли наркотиками, содействие национальной политике страны в отношении наркотиков на международном уровне. Можно отметить, что мечта шведов – это общество, свободное от наркотиков. Сегодня принятые в стране меры борьбы с наркоманией являются одними из самых жестких в Западном мире. С 1968 г. в стране устанавливается уголовная ответственность за: незаконную передачу наркотиков другому лицу; их производство в целях злоупотребления; приобретение наркотиков с целью передачи их другому лицу; переработку, упаковку, транспортировку, хранение или другие действия с наркотиками, предназначенными для иных целей, чем личное употребление. С 1988 г. криминализовано употребление наркотиков без назначения врача, оно карается тюремным заключением на срок до 3 лет; наказания за тяжкие или особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, уголовным законодательством предусмотрено максимальный срок лишения свободы до 18 лет. Вместе с тем, исходя из практики шведских судов, имеет место замена уголовного наказания лечением лица в случаях, когда им совершено нетяжкое преступление против частной собственности с целью получения денежных средств на покупку наркотика для употребления или, если суммарное наказание за совершенное преступление не превышает 2 лет лишения свободы и подсудимый изъявит желание пройти курс лечения от наркомании, и др. случаях. Следует отметить, что в настоящее время оказание медицинской и реабилитационной помощи является одним из основных направлений всех программ и проектов, принимаемых в рамках шведской антинаркотической политики. В частности, шведское правительство ввело в школьное обучение весьма жесткую программу «наркотического воспитания». Одним словом, шведская стратегия очень практична, так как она основывается на достигнутом понимании общественных ценностей в борьбе с наркоманией: незаконное употребление наркотиков основывается на их предложении и спросе. Отсюда вывод об основных направлениях борьбы с наркотиками напрашивается сам по себе [15, 8].

Подчеркнем, что результаты последних многочисленных исследований специалистов показывают: система комплексных мер в борьбе с наркоманией в мире должна включить в себя основные взаимосвязанные направления, такие, как: борьба с незаконным оборотом наркотиков, сокращение спроса на них, а также лечение и реабилитация больных наркоманов [4–6, 16; 17; 20].

Исходя из вышеизложенного, ответ на поставленный нами вопрос: «как решить проблему наркомании?», должен быть один: долгосрочные усилия мирового сообщества должны быть направлены, в первую очередь, на

снижение, т. е. на уменьшение спроса на наркотические средства, так как только он рождает предложение. С этой целью приоритетное направление всех сил и средств мирового сообщества, на основе научно-практических методов, в первую очередь, должно быть ориентировано на здоровый образ жизни подрастающего поколения, с воспитанием с раннего детства здоровых поступков и привычек. Здесь уместно вспомнить слова известного английского писателя XIX в. Уильяма Теккерея, который в свое время писал о том, что, когда посеешь поступок, то обязательно пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу. Следовательно, первый шаг дальней дороги подростка, будущего наркомана, до его плачевной судьбы – это его первый нездоровый поступок, связанный с наркотиком. Мы всегда должны помнить об этом.

В заключении статьи приведем положительный мировой практический опыт, накопленный странами ООН в борьбе с наркоманией, нацеленный на сокращение спроса на наркотические средства, в первую очередь среди подростков и молодежи, а также снижение предложения на них:

- опыт Нью-Йоркской антинаркотической программы «СПЕКДА»: с помощью сил полиции и наркоманов, в том числе и бывших, школьникам, начиная с 4–5 классов, наглядно показывается уродливость потребления наркотиков и то, что оно ведет не только к моральному упадку, но и к физическому самоуничтожению. Представляет интерес, на наш взгляд, также опыт борьбы с наркоманией полицейского департамента в Лос-Анджелесе (штат Калифорния) совместно с окружной администрацией школьного образования. Специальный курс обучения методам воздержания школьников от употребления наркотических средств, при участии школьных врачей, включает в себя: подробную информацию о наркотиках; обучение детей методам сопротивления соблазну; воспитание умения принимать самостоятельные решения по отдельным видам деятельности как альтернативы наркомании. С целью снижения спроса на наркотики в США действуют также такие проекты, как тестирование учащихся на употребление наркотиков; общенациональные антинаркотические медиа-компании; анонимные пункты доверия и реабилитационные центры и другие;

- с 2014 г. в Китае действует проект под названием «Всекитайская мобилизация на борьбу с наркоманией», главный лозунг которого: «Недопущение наркотиков в моей семье». Острие данной программы направлено на обеспечение здорового образа жизни молодой семьи и противостояние наркомании подростками и молодежью;

- в Колумбии действует проект «Колумбия – территория, свободная от наркотиков». К реализации программы привлечены силы общественности и все средства массовой информации. Основная цель программы – пропаганда здорового образа жизни;

- в истории антинаркотической борьбы в США важное место занимает программа «СNET», разработанная еще в 1991 г. федеральным правительством с целью остановить контрабанду наркотических средств. В рамках этого проекта, с помощью специально подготовленных собак, предотвращалось распространение наркотиков;

- в США одним из условий успешной реализации программы выявления наркоманов считается знание нескольких десятков опознавательных признаков наркомана. Наиболее характерными из них, на наш взгляд, являются: внешность наркомана (расширение или сужение зрачков глаз, или характерный их блеск, или мутные глаза, или покраснение глазных яблок, выпадение зубов и волос, расщепление ногтей, резкое похудание и т. д., в зависимости от вида употребления наркотиков); его замедленная речь или хронический кашель, его личное имущество; устойчивый запах, исходящий от одежды; его периодическое отсутствие во время работы; резкое улучшение или ухудшение материального положения и т. д. [4; 10];

- опыт местной полиции г. Каракаса (Венесуэлы): в свое время проводился специальный курс обучения молодых львов для привлечения к поиску наркотических средств (специалистами установлено, что у молодых львов обоняние в 10 раз сильнее, чем у собак);

- в Японии оперативные работники, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, применяют бабочек-наркоманок в местах скопления молодежи (в кафе, ресторанах и других общественных местах). В частности, бабочки, выпущенные оперативными работниками, садятся только на курящих наркоманов;

- в рамках общенациональной компании борьбы с наркоманией не только в ночных клубах, дискотеках, но и в других заведениях, в средних школах Малайзии для выявления наркоманов среди учеников установлены новейшие *биосканеры*, считывающие информацию с сетчатки глаз школьников. По данным экспертов, биосканеры фиксируют не только факт употребления наркотиков, но и также распознают его вид. Данная информация выводится на экран. Заметим, что выявленные ученики-наркоманы не передаются представителям правоохранительных органов, а направляются для сдачи соответствующих анализов. Страдающих от наркотической зависимости школьников направляли на специальные курсы для лечения и реабилитации;

- из истории борьбы с наркоманией, на наш взгляд, представляет интерес также проект «Автобус профилактической помощи наркозависимым Санкт-Петербурга» – 1997 г., который инициировала организация «Lien-Tacis» Европейского сообщества, а исполнителями явились Французская ассоциация «Врачи мира» и благотворительный фонд «Возвращение» Санкт-Петербурга. Заметим, что стоянками данного «Автобуса» были места наибольшей концентрации наркозависимых. На каждой стоянке он работал по 3 часа в день. Работают коллектив «Автобуса» включал в себя координатора данного проекта, врача-терапевта, психолога, 2 медсестер, социального работника и водителя. Кроме указанных лиц, в работе «Автобуса» принимали активное участие бывшие пациенты, находящиеся в ремиссии. Кроме определенных услуг наркоманам и анонимных опросов, желающих направляли в центр профилактики СПИДа для обследования на ВИЧ-инфицированность и другие тяжелые болезни. При выявлении различных заболеваний больные направлялись в специализированные медицинские учреждения [19, с. 72–79]. Заметим, что данный проект действует в Осло (Норвегии) с 1988 г. Работники проекта осуществляют обмен игл, проводят профилактическую работу с группами риска и тестирование на ВИЧ-инфекцию, консультируют по безопасному употреблению наркотиков и т. д.;

- использование старинного метода лечения, ныне называемого «*кодированием*», которым пользовались жрецы Древнего Египта. В современной медицине данный метод носит название «*шоковая терапия*»;

- лабораторией молекулярной нейробиологии Института мозга человека Академии наук РФ разработан препарат, который блокирует функции определенных рецепторов от наркотического воздействия;

- к безнадежно больным наркоманам, которые безрезультатно испробовали иные методы лечения, Новокузнецкий институт усовершенствования врачей РФ применяет хирургический метод лечения – путем операций на головном мозге. Однако стоит отметить, что серьезные оппоненты-специалисты утверждают, что такие операции, в конечном итоге, приводят к потере интеллекта, к ослаблению памяти, эмоций и т. д.;

- основным достижением медицины Китая в области наркологии, по мнению специалистов-врачей, является высокоэффективный препарат на основе *белини*, который снимает наркотическую зависимость, не вызывает привыкания и восстанавливает иммунитет;

- в современной израильской клинике «Берегите

жизнь» лечение и перевоспитание – реабилитация наркоманов осуществляется через труд;

- буддистские монахи на Тибете при наркозависимости лечат воздействием на сознание наркомана горными травами и бамбуковыми палками;

- в США действуют около 5 тыс. медицинских концепций-программ лечения и реабилитации наркоманов (детоксикация, проводимая в стационарных условиях; амбулаторное лечение тех, кто решил покончить с наркотиками; лечение с помощью химических средств в частных клиниках и на дому в течение 3–4 недель; групповое терапевтическое лечение по месту жительства в течение 18 месяцев; экстренное лечение от наркотической зависимости путем блокирования медицинским препаратом наркотического воздействия на мозг и др.);

- с 2002 г. в Москве действует центр медико-социальной помощи наркозависимым подросткам под названием «*Преодоление*». Основная цель центра – полная физическая, психологическая и морально-нравственная реабилитация подростков для нормальной социальной жизни. В программу реабилитации входят занятия с психологом и психотерапевтом, а также спортивные и общеукрепляющие мероприятия и процедуры, арттерапия, встречи со священнослужителями и т. д.;

- по сообщению независимых экспертов, австралийские ученые-исследователи нашли способ блокировать наркотическую зависимость. Они выявили небольшую группу нейронов, т. е. специальных рецепторов, которые отвечают за удовольствие и наслаждение и научились воздействовать на них. Данная методика, по утверждению самих австралийских ученых-исследователей, способствует также облегчению состояния больных, мучающихся тяжелыми заболеваниями;

- один из эффективных норвежских проектов в борьбе с наркоманией, представляет деятельность одного из старейших центров реабилитации наркоманов под названием «ALFA Behandlingsstез AS», который находится в лесном массиве в 85 км от Осло. Работают в Центре врачи-терапевты, а также бывшие наркоманы. Врачи-наркологи посещают данное заведение один раз в неделю. Реабилитация наркоманов проходит в течение 6–8 недель, стоимость составляет около 85 тыс. норвежских крон. Если в Центр приходит пациент без направления социальной службы или органа здравоохранения, то платит он сам. Финансовой поддержки от государства Центр не получает. В качестве программы излечения используются из 12 шагов только первые пять шагов модели Миннесота. Используются лекарства только для вывода наркомана из состояния опьянения в течение первой недели с момента его поступления в Центр. В среднем Центр, на добровольной основе, вмещает 24–25 человек. В Центре действуют строгие правила, нарушение которых влечет за собой вынесение предупреждения, вплоть до исключения из Центра. Распорядок дня ограничивает выход за пределы Центра. В течение двух лет после выхода из Центра персонал осуществляет наблюдение за пациентами. Дальнейшая реабилитация проходит в обязательном порядке в группах по месту жительства;

- проект «Schuckii» предусматривает концепцию реабилитации наркозависимых, состоящую из следующих основных правил: квалификация действия врача по отношению к больному наркоману с позиций минимизации неприятных последствий лечения и финансовых затрат на него, четкое представление врача о естественном течении заболевания на основании соответствующих знаний об особенностях конкретного вида наркотико-лекарственной зависимости; необходимо учесть опасность переоценки и критичности; по отношению к новым методам лечения от наркомании, целесообразно учесть и адекватность наиболее простых методов лечения; выбор (по возможности) объективных диагностических критериев лечения, определение реальных целей и основных задач лечения наркомана; знание основной цели обра-

ния больного к врачу; осуществлять настройку пациента на длительный процесс реабилитации, когда он должен будет встречаться и работать с врачом и другими работниками; при проведении курса больничной реабилитации, он должен быть как можно короче (как правило, до 4 недель); поддерживать контакт с пациентом, по крайней мере, в течении до 12 месяцев; при проведении реабилитационных мероприятий с больным необходимо использовать возможности его окружения (семьи, родственников, сотрудников по работе и т. д.), предпочтительнее отдавая не индивидуальным, а групповым методам реабилитации больных наркоманов; относиться с пониманием и состраданием в процессе реабилитации наркозависимых, при этом не ущемляя его прав; нельзя брать всей полноты ответственности за действия лечащегося наркомана, он сам должен отвечать за свои действия и т. д. [20, с. 365–369];

• «многоликость», многоплановость и динамичность наркомании сегодня требует от нас учета многих факторов при разработке комплексных мер в борьбе с ней. Наиболее эффективным опытом борьбы с наркоманией представляется использование информационно-логической модели для системного исследования наркомании, при помощи ЭВМ, которая была апробирована в Москве и Ереване. Данный проект включает в себя реализацию трех этапов. *Первый этап* – это разработка самой информационно-логической модели наркомании в виде трех взаимосвязанных структурных элементов – «Вход», «Процесс» и «Выход», т. е. набора характеризующих показателей наркомании, их кодирование и ввод в ЭВМ. При этом «Вход» включает в себя информационное описание с кодификацией на ЭВМ данных личности наркомана и наркотических средств. «Процесс» включает правонарушения, связанные с наркотиками, и характерные правонарушения, совершаемые наркоманами, и «Выход» – результаты правонарушений, связанных с наркотиками, а также результаты характерных правонарушений, совершаемых наркоманами. В среднем на одного наркомана заполняется до 500 данных. *Второй этап* – это наполнение самой информационно-логической модели данными наркоманов и совершаемых ими преступлений, с последующим вводом в ЭВМ. И последний, *третий этап*, включает в себя расчеты на ЭВМ, т. е. получение данных, по которым можно определить возможные направления мероприятий по борьбе с наркоманией.

Данный проект системного исследования наркомании, апробированный на материалах уголовных дел Москвы и Еревана, способствует формированию единого банка данных, обеспечивает возможность выявления и изменения корреляционных связей между факторами (показателями), характеризующими наркоманию, что, в целом, позволяет в условиях большого города, сложной, меняющейся оперативной обстановки более успешно осуществлять раннюю профилактику, оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия. Необходимо отметить, что предложенный проект отличается особой устойчивостью, так как с годами увеличивается вводимый кодированный статистический материал для АИПС ЭВМ. А с изменением оперативной обстановки в регионе изменяется и содержание АИПС ЭВМ, соответственно, и направление выявленных корреляционных (тесноты) связей между существенными данными (показателями, факторами), характеризующими наркоманию. Указанный процесс будет протекать постоянно, в условиях изменяющейся оперативной обстановки, характеризующейся большим числом факторов.

Данная методика системного исследования наркомании озвучена на международных научно-практических конференциях, а также подробно описана в монографии «Наркомания и методы борьбы с ней» [4–6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков: сборник документов / сост. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. М.: ИНФРА-М, 2005. 624 с.
2. Наркотики: социальные, медицинские и правовые аспекты / сост. И.Н. Кузнецов, С.К. Купрейчик. Минск: Новое знание, 2001. 399 с.
3. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / под ред. А.Н. Сергеева. М.: Щит-М, 2000. 638 с.
4. Авакян Р.О. Пути повышения эффективности проводимых профилактических и оперативно-розыскных мероприятий, связанных с наркотиками, на основе использования информационно-логических моделей и ЭВМ // Материалы межвузовской научно-практической конференции МВД СССР. Ереван: ЕрГУ, 1987. С. 164–167.
5. Авакян Р.О. Наркомания и методы борьбы с ней. Ереван: Айастан, 1990. 323 с.
6. Авакян Р.О. Организационно-правовые и информационные основы деятельности ОВД в борьбе с наркоманией: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 436 с.
7. Авакян Р.О., Авакян Р.Р., Авакян Е.Р. Антология памятников права народов Кавказа. Ч. 2. Памятники права Армении. Т. 20. Истоки памятников армянского права. Ростов н/Д.: Альтаир, 2014. 919 с.
8. Виды наркотиков. Новые виды наркотиков. URL: russian.ru.
9. Габиани А.А. Наркотизм. Конкретно-социологические исследования по материалам Грузинской ССР. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977. 307 с.
10. Габиани А.А. Наркотизм вчера и сегодня. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988. 256 с.
11. Криминология / под ред. Д.Ф. Шели. СПб.: Питер, 2003. 864 с.
12. Курение каннабиса // Википедия свободная энциклопедия. URL: ru.m.wikipedia.org.
13. Мировой опыт в борьбе с наркотиками // РИА Новости. URL: ria.ru.
14. Новый вид наркотиков. URL: rutube.ru.
15. РИА Новости. URL: ria.ru.
- 15.1 Опыт Индонезии в борьбе с наркоманией.
- 15.2 Опыт Италии в борьбе с наркоманией.
- 15.3 Опыт Малайзии в борьбе с наркоманией.
- 15.4 Опыт Таиланда в борьбе с наркоманией.
- 15.5 Опыт Турции в борьбе с наркоманией.
- 15.6 Опыт Франции в борьбе с наркоманией.
- 15.7 Опыт Чехии в борьбе с наркоманией.
- 15.8 Опыт Швеции в борьбе с наркоманией.
16. Пятницкая И.Н. Наркомания: руководство для врачей. М.: Медицина, 1994. 544 с.
17. Романова Л.И. Наркомания и наркотизм. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 479 с.
18. Страны, в которых легализованы наркотики // РИА Новости. URL: ria.ru.
19. Чеурсон В., Соломзес Д., Соколовский Г. Наркотики и общество. М.: Иллайн, 1998. 192 с.
20. Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомания: патопсихология, клиника, реабилитация. СПб.: Лань, 2000. 368 с.
21. Опыт Нидерландов в борьбе с наркоманией. Справка // РИА Новости. URL: ria.ru/beznarko_help/20110915/438053943.html#ixzz48plqyYdJ.
22. Наркомания. URL: wemontzeal.com.
23. BBC. URL: bbc.com.
24. Аудионаркотики – цифровые наркотики. URL: russlav.ru/narkotik/audionarkotiki.html.

**DRUG ADDICTION, ORIGINS AND INTERNATIONAL COMBAT.
PART III. ADDICTION: TRENDS AND MEASURES TO OVERCOME**

© 2016

R.O. Avagyan, Doctor of Law, Professor, Vice-President Bar Association of the Caucasus, Academician MANEB and Pan-Armenian National Academy of Security, rector
Yerevan University "MANZ", Yerevan (Armenia)

Keywords: drugs; drug addiction; narcotic; illegal turnover; origin; combating; global practice.

Abstract: This article deals with one of the most important tasks of modernity i.e. drug addiction and its antisocial manifestation. The article includes not only systemic analysis of the experience of combating drug addiction in the USSR, in Armenia, as well as in Moscow and Yerevan based on the examples of the research on criminal cases and drug addicts made in 1976–1979 and 1982–1989, as well as the contemporary global practice in drug combating, taking into consideration the recent analysis of the scientific literature on the subject.

The author substantiates the urgency of the chosen topic. The international practice of combating drug addiction and illegal turnover of drugs is considered.

Special attention is paid to the close cooperation between science and practice issues in the domain of activity of the relevant bodies for fortifying introduction of scientific achievements in combating drug addiction.

**СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ СУПРУГОВ
ПРИ РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА**

© 2016

А.Г. Антонов, специалист (по воспитательной работе) группы по работе с личным составом
отдельного батальона дорожно-патрульной службы
ДПС ГИБДД УМВД России по г. Тольятти, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: раздел имущества супругов; общая совместная собственность; защита прав.

Аннотация: В статье рассматриваются способы защиты прав супругов при разделе общего имущества. Автор выделяет гражданско-правовые и семейно-правовые способы защиты. В качестве гражданско-правовых способов автор называет контроль сделок с общим имуществом супругов, раздел общих долгов супругов, предъявление регрессного требования, солидарную ответственность супругов по общим долгам. В качестве семейно-правового способа рассматривается отступление от принципа равенства долей при разделе имущества.

Несмотря на то, что вопросам защиты семейных прав супругов уделено не так много внимания в семейном законодательстве, а лишь называются органы, полномочные защищать семейные права, ст. 4 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) устанавливает возможность субсидиарного применения положений гражданского законодательства к семейным правоотношениям. По верному замечанию С.Ю. Чашковой, положения ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ст. 8 СК РФ схожи в приеме дозволения осуществлять защиту семейных прав способами, предусмотренными соответствующими нормами [1]. Можно выделить следующие способы защиты прав супругов при разделе общего имущества. Во-первых, контроль сделок с общим имуществом, предполагающий, что для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Например, принятие супругом решения о введении в состав участников общества нового участника с внесением им неэквивалентного дополнительного вклада в уставный капитал общества может рассматриваться как сделка, противоречащая п. 2 ст. 35 СК РФ, поскольку такое действие является по существу распоряжением общим имуществом супругов, влекущим уменьшение действительной стоимости доли супруга в обществе. Выход супруга из общества с последующим распределением перешедшей к обществу доли другому участнику (или третьему лицу) также является распоряжением общим имуществом супругов и может рассматриваться как сделка, противоречащая п. 2 ст. 35 СК РФ. Такие сделки могут быть признаны недействительными по иску другого супруга или его наследника, если имеются доказательства, что приобретающий долю участник знал или заведомо должен был знать о несогласии другого супруга на совершение сделки. Наследник супруга в таких случаях на основании п. 2 ст. 167 ГК РФ с учетом характера данных правоотношений вправе требовать присуждения ему части доли в обществе или действительной стоимости этой части от участника, приобретшего долю, в размере, который мог бы требовать умерший супруг при разделе общего имущества супругов (ст. 39 СК РФ). В случае отсутствия у этого участника перешедшей к нему доли ввиду ее дальнейшего отчуждения (или перераспределения долей иным образом) наследник супруга вправе требовать восстановления корпоративного контроля от последующего приобретателя такой доли в причитающейся ему соответствующей части, если докажет его недобросовестность, либо взыскания стоимости части доли с участника, который произвел последующее отчуждение (перераспределение) доли [2].

Во-вторых, раздел общих долгов супругов. Общие долги супругов при разделе общего имущества супру-

гов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям, что выражает принцип равенства прав супругов на общее имущество в целях обеспечения баланса имущественных интересов и их защиту [3]. Как указал Верховный суд РФ, согласно ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья и др.). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Как предусмотрено ст. 39 СК РФ, при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами. Общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям.

Таким образом, положения ч. 3 ст. 39 СК РФ не препятствуют разделу между супругами общих долговых обязательств вне зависимости от наличия между ними спора о разделе совместно нажитого имущества, регулируя только порядок раздела общих долгов при наличии такого спора.

С учетом того, что гражданским законодательством доли супругов в совместно нажитом имуществе признаются равными, запрета на раздел общих долговых обязательств супругов без раздела или до раздела судом их общего имущества приведенная выше норма права не содержит [4].

В-третьих, предъявление регрессного требования. Как указал Конституционный Суд РФ, п. 3 ст. 39 СК РФ направлен на защиту имущественных прав граждан и, не препятствуя взысканию денежных средств с бывшего супруга в пользу другого бывшего супруга, исполнившего, в том числе в части, после расторжения брака возникшее в интересах семьи обязательство [5].

В-четвертых, солидарная ответственность супругов по общим долгам. Как указала Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с п. 3 ст. 39 СК РФ общие долги супругов при разделе общего имущества супругов рас-

пределяются между супругами пропорционально присужденным им долям.

Согласно п. 2 ст. 45 СК РФ взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи.

Чтобы возложить солидарную обязанность по возврату заемных средств на обоих супругов обязательство должно являться общим, то есть, как следует из п. 2 ст. 45 СК РФ, возникнуть по инициативе обоих супругов в интересах семьи, либо являться обязательством одного из супругов, по которому все полученное было использовано на нужды семьи.

П. 2 ст. 35 СК РФ, п. 2 ст. 253 ГК РФ установлена презумпция согласия супруга на действия другого супруга по распоряжению общим имуществом.

Однако положения о том, что такое согласие предполагается также в случае возникновения у одного из супругов долговых обязательств с третьими лицами, действующее законодательство не содержит.

Напротив, в силу п. 1 ст. 45 СК РФ, предусматривающего, что по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, допускается существование у каждого из супругов собственных обязательств.

Следовательно, в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга [6].

В-пятых, семейно-правовым способом защиты имущественных прав супругов является отступление от принципа равенства долей при разделе общего имущества. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [7], при разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, суд в соответствии с п. 2 ст. 39 СК РФ может в отдельных случаях отступить от начала равенства долей супругов, учитывая

интересы несовершеннолетних детей и (или) заслуживающие внимания интересы одного из супругов [8].

Таким образом, учитывая то обстоятельство, что имущественные отношения супругов находятся в плоскости регулирования не только семейного права, но и гражданского, законодатель и судебная практика допускают сочетание семейно-правовых и гражданско-правовых способов защиты прав супругов при разделе общего имущества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чашкова С.Ю. Способы защиты имущественных прав супругов: толкование положений семейного законодательства Конституционным Судом Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2015. № 5. С. 25–28.
2. Обзор правовых позиций Президиума ВАС РФ по вопросам частного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 6. С. 66–73.
3. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2011 г. № 1354-О-О; от 24 декабря 2013 года № 2077-О // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
4. Определение Верховного Суда РФ от 24.09.2013 № 69-КГ13-3 // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Бурковской Натальи Александровны и Никифоровой Анны Дмитриевны на нарушение их конституционных прав пунктом 3 статьи 39 СК РФ: определение Конституционного суда РФ от 20 марта 2014 г. № 544-О // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
7. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15: ред. от 06.02.2007 // Российская газета. 1998. № 219. 18 ноября.
8. Определение Верховного Суда РФ от 14.07.2015 № 41-КГ15-11 // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.

WAYS TO PROTECT THE PROPERTY RIGHTS OF SPOUSES IN THE DIVISION OF COMMON PROPERTY

© 2016

*A.G. Antonov, specialist (for education) group to work with the staff of a separate battalion of traffic police
Traffic police Ministry of internal Affairs of Russia on Tolyatti, Tolyatti (Russia)*

Keywords: division of property of the spouses; the total joint ownership; protection of rights.

Abstract: This article discusses ways to protect the rights of spouses in the division of the common property. The author distinguishes civil and family legal protection methods. As a civil-law methods author calls control deals with the common property of the spouses, the spouses section overall debt, recourse, the spouses jointly and severally liable for the debts of the general. As a family-law method is considered a departure from the principle of equal share in the division of property.

Ключевые слова: гражданское право; жилищное право; приватизация; бывшие члены семьи; собственник жилья; римское право; о переходе права собственности.

Аннотация: В статье выполнен анализ современных правовых норм права пользования жилым помещением бывших членов семьи, отказавшихся от приватизации, и условий сохранения данного права приводится в качестве обоснования полученных выводов мнение Верховного и Конституционного суда РФ, проводится аналогия с римским правом.

В соответствии с законодательством РФ, приватизация предполагает передачу гражданам и членам их семей занимаемого жилого помещения бесплатно на праве общей долевой собственности. В данном случае участниками приватизации жилья становятся собственники, приобретающие таким образом равные права и обязанности. Следовательно, данными гражданами осуществляется приобретение одинаковых жилищных прав на приватизированное жилье, и не допускается отказ от жилищных прав одними собственниками в пользу других.

На практике широко распространены случаи, когда от некоторых членов семьи нанимателя, осуществляющих совместное с ним проживание, изначально был получен отказ от участия в приватизации жилья, при этом они выражали согласие на осуществление данной приватизации в пользу других лиц. Граждане, отказавшиеся от приватизации, в этом случае сохраняют права на бессрочное проживание и пользование жилым помещением. В связи с возникновением данной ситуации, целесообразно рассмотреть границы и условия осуществления данных прав, поскольку реализация жилищных прав гражданином, который отказался от приватизации, давая при этом согласие на осуществление приватизации и являющимся бывшим членом семьи собственника, является сегодня спорным вопросом.

В соответствии с общими правилами жилищного законодательства, существует возможность выселения бывших членов семьи на основании требований собственника по решению суда. Существующими правовыми нормами, в частности ч. 4 ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) [1], регулируется данный вопрос в той части, когда при прекращении семейных отношений с собственником жилого помещения, не сохраняются права бывшего члена семьи собственника на пользование данным жилым помещением, при отсутствии соглашения между собственником и бывшим членом его семьи. При отсутствии у бывшего члена семьи собственника жилого помещения возможности приобретения или осуществления пользования иным жилым помещением, бывший член семьи собственника жилого помещения может пользоваться жилым помещением на основании требований суда. Также бывший член семьи при наличии особого имущественного положения и других заслуживающих внимания обстоятельств, при отсутствии возможного получения или приобретения иного жилого помещения, может сохранить право пользования жилым помещением, которое принадлежит иным собственникам, на определенный срок на основании решения суда. При этом, по решению суда, собственник жилого помещения обязан гарантировать обеспечение жилого помещения бывшего члена семьи, в пользу которого собственник осуществляет исполнение алиментных обязательств.

Однако в соответствии со ст. 19 Федерального закона от 29.12.2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» [2], распространение действий положений части 4 ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации не осуществляется

на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения в ситуации, когда при приватизации данного жилого помещения указанными лицами имелись равные права пользования данным помещением с лицом, которое его приватизировало.

Действием данной правовой нормы является прямая защита жилищных прав граждан, которые отказались от участия в приватизации, но выразили при этом согласие на осуществление приватизации. Формирование данной точки зрения законодателя осуществлялось в связи с условием, что бывшие члены семьи в момент приватизации данного жилого помещения обладали равными правами по пользованию данным помещением с лицом, которое его приватизирует, при отсутствии иных требований, установленных законом или договором.

Таким образом, законодатель закрепляет за бывшими членами семьи собственника жилого помещения, отказавшихся ранее от участия в приватизации, но давших согласие на приватизацию, право бессрочного пользования жилыми помещениями.

Однако в «Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за январь – июль 2014 г.» утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 01.09.2014 г., даны разъяснения, из которых следует, что в случае выезда в другое место жительства, бывший член семьи собственника теряет право пользования приватизированным жилым помещением, независимо от того, что в момент приватизации это лицо имело равное право пользования данным жильем с приватизировавшим его лицом.

В данном случае статья 19 Вводного закона не применяется, поскольку ею предусматривается распространение действия положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения при условии, что на момент приватизации данного жилого помещения у указанных лиц имелись равные права пользоваться данным помещением. При этом, как следует из названия ст. 31 ЖК РФ, в данном случае идет речь о регламентации прав и обязанностей исключительно граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении. Следовательно, при выезде в другое место жительства, может быть право пользования жилым помещением бывшего члена семьи собственника, прекращено.

Таким образом, в настоящее время, учитывая изложенную выше позицию Верховного Суда РФ, при решении спорных вопросов о правах пользования помещением бывших членов семьи, отказавшихся от приватизации ранее, требуется установление их участия в приватизации данного жилого помещения, а также фактическое проживание в этом жилом помещении на момент смены его собственника.

Рассмотрим отдельно вопрос сохранения права на проживание в жилом помещении социального найма бывших членов семьи, отказавшихся от приватизации. В соответствии со ст. 2 Закона РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» [3] граждане РФ, которые занимают жилые помещения по условиям договоров социального найма, входящие в государствен-

ный и муниципальный жилищный фонд, имеют право, при согласии всех совершеннолетних членов семьи, которые проживают совместно с ними, осуществлять приобретение данных помещений в собственность. Условия данного приобретения предусмотрены указанным Законом, также регулирование данного вопроса осуществляют иные нормативные акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Как следует из указанных правовых норм, осуществление приватизации жилого помещения является возможным исключительно при наличии обязательного согласия на приватизацию всех совершеннолетних членов семьи нанимателя, в том числе, в соответствии с ч. 4 ст. 69 ЖК РФ, сюда относятся бывшие члены семьи нанимателя. Данной нормой не устанавливаются какие-либо исключения для проживающих совместно с нанимателем членов его семьи.

Верховным Судом РФ было определено, что согласие лица, ранее не участвовавшего в приватизации, совместно проживающего с собственником жилого помещения, выступает в качестве обязательного условия при приватизации. В то же время, нужно осознавать, что, согласившись приватизировать жилое помещение, лицо руководствовалось тем, что право пользования таким жилым помещением для него являлось бессрочным, а значит, его права должны были учитываться в процессе перехода права собственности на жилое помещение другому лицу, так как иное толкование составляло бы нарушение положений ст. 40 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе иметь жилище и никого нельзя в произвольном порядке лишить жилища.

В данном случае можно обнаружить истоки норм о сохранении права пользования жилым помещением у бывших членов семьи в римском праве, в котором существовали два способа приобретения права собственности – первоначальный, когда право собственности приобреталось впервые или не зависело от права предыдущего собственника, и производный, основанный на праве предыдущего собственника.

Права третьих лиц, как правило, не утрачиваются при смене собственника вещи, в том числе при национализации, приватизации, реквизиции, отчуждении недвижимости в связи с изъятием земельного участка при невозможности сохранения права собственности на него у собственника и пр. Следует подчеркнуть, что приобретенное подобным способом имущество, как и в римском праве, защищается от третьих лиц. В Риме подобная владельческая защита осуществлялась посредством иска *actio Publiciana* [4]. В данном случае, при рассмотрении прав бывших членов семьи. Также идет речь о сохранении за ними права пользования жилым помещением, независимо от смены собственника данного жилого помещения.

Как гласит п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», бывшие члены семьи собственника жилого помещения не подпадают под п. 2 ст. 292 ГК РФ, ведь соглашаясь приватизировать занимаемое по договору социального найма жилое помещение, без которого она была бы невозможна (ст. 2 Закона РФ от 04.07.1991 г. №1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»), они учитывали, что право на использование данного жилого помещения для них будет бессрочным и, соответственно, его необходимо учитывать при переходе права собственности на жилое помещение по определенному основанию к другому лицу (к таким относят куплю-продажу, мену, дарение, ренту, наследование).

Однако, в рамках исследования данного вопроса, особый интерес представляет Определение Судебного Комитета по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.05.2015 г. № 81-КГ15-2 [5], в котором Суд отменил принятые до этого судебные решения, направив

дело на новое рассмотрение, признав, что факт наличия у ответчиков права использования жилым помещением на момент его приватизации при последующем их добровольном отказе от этого права – это не безусловное основание для вывода о сохранении за ними права пользования жилым помещением в бессрочном порядке.

Гражданин обратился в суд в целях добиться признания ответчиков утратившими право пользования квартирой, требуя расторгнуть с ними договор найма жилого помещения. Как было указано истцом, ответчики являлись бывшими членами его семьи.

На начальной стадии спора рассматриваемую квартиру предоставили в социальный наем. Затем ее приватизировал истец. Ответчики согласились с данной приватизацией без их участия, а затем добровольно выехали из данного жилья.

По мнению судов двух инстанций, требования являлись необоснованными. Причем необходимо было руководствоваться тем, что ответчики при приватизации истцом спорного жилья располагали равным с ним правом пользования данным помещением. Но, вместе с тем, в ЖК РФ регламентируются права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему помещении. Таким образом, если предвидится выезд на постоянное место жительства в иное помещение, право пользования помещением бывшего члена семьи собственника, проживавшего там же, может прекратиться. Причем такое право может прекратиться независимо от того, что в момент приватизации спорного помещения бывший член семьи имел равные права на использование данного жилья с лицом, которое его приватизировало.

Таким образом, согласно мнению Верховного Суда было признано, что сам по себе факт того, что ответчики имели право пользоваться жильем на момент его приватизации, при дальнейшем их добровольном отказе от этого права, не может рассматриваться как безусловное основание, чтобы вывести сохранение за ними этого права на бессрочное пользование.

Далее необходимо рассмотреть вопрос заключения договора купли-продажи жилья, при наличии ситуации, когда в жилом помещении проживают бывшие члены семьи. Как предусмотрено в ч. 1 ст. 558 ГК РФ, продажа жилого дома, квартиры, части жилого дома сопровождается условием совершения сделки, выраженным перечнем лиц, которые сохраняют по закону право на пользование жилым помещением после того, как его приобретет покупатель, при указании их прав на пользование продаваемым жилым помещением, в котором проживают такие лица. При несоблюдении этого требования заключить договор невозможно – ввиду недостигнутого соглашения по ряду существенных условий. Однако на практике бывает, что, невзирая на требование закона, об указании лиц с бессрочным правом пользования жилым помещением, имеет место заключение договора.

В пунктах договора купли-продажи, как правило, гарантируется, что до момента подписания данного договора указанная квартира не обременена правами третьих лиц. Существенное значение имеют условия о предмете договора и условия, названные в законе или прочих правовых актах существенными или необходимыми для договоров данного вида, а также весь комплекс условий, в отношении которых по заявлению одной из сторон нужно достигнуть соглашения. Исходя из п. 1 ст. 558 ГК РФ, отчуждение жилого помещения предполагает указание в договоре правого лица, которое в нем проживает, на пользование этим жилым помещением, в ином случае договор может быть не заключен, поскольку не достигнуто соглашение по всем ключевым условиям.

Следовательно, при наличии у бывшего члена семьи собственника жилого помещения равных прав на момент приватизации с лицом, осуществляющим в дальнейшем приобретение данного жилого помещения в собствен-

ность, но отказавшегося от приватизации в пользу приватизации жилого помещения иным лицом, переход права собственности на жилое помещение не предполагает выселение бывшего члена семьи из данного жилого помещения, так как он имеет право пользоваться данным жилым помещением бессрочно. Некоторые суды ссылаются на то, что бывшие члены семьи не являются сторонами договора купли-продажи, и тем обосновывают отрицательное решение по сохранению права пользования жилым помещением данными гражданами, что является крайне неверным.

В соответствии с общими положениями законодательства РФ, сделка, которая не соответствует требованиям закона, является ничтожной (ст. 168 ГК РФ [6]). Предъявление требований о признании сделки недействительной и реализации последствий ничтожной сделки может осуществляться любым заинтересованным лицом, а также по инициативе суда (п. 2 статьи 166 ГК РФ).

Указанную позицию Верховного Суда РФ можно считать обоснованной, поскольку основанием для признания договора недействительным является его заключение, при условии отсутствия достижения всех существенных условий, а отказ от участия в приватизации жилья бывшими членами семьи, которые дали согласие на ее осуществление, определяет их особый статус, исключающий их выселение. Иные условия договора в данном случае противоречат законодательству и превращают его в недействительный.

Подводя итоги исследования проблемы жилищных прав граждан, отказавшихся от участия в приватизации, но давших согласие на ее осуществление, можно сделать вывод, что гражданами, не участвующими в приватизации, но давшими согласие на ее осуществление, приобретаются права, аналогичные правам граждан, которые получают данное жилое помещение в собственность.

Граждане, которые отказались от участия в приватизации, но дали согласие на ее осуществление, получают право бессрочного пользования жилым помещением, в отношении их исключается применение правовой нормы, установленной в ч. 4 ст. 31 ЖК РФ по отношению к вопросу выселения бывших членов семьи собственника жилого помещения, но, как определил Верховный

Суд РФ, граждане, оказавшиеся от приватизации, но давшие права на осуществление приватизации социального жилого помещения, сохраняют право пользования жилым помещением при условии проживания граждан в данном помещении.

Осуществление сделки купли-продажи жилья, в котором проживают бывшие члены семьи собственника, имеющие право пользования данным жильем, должно в обязательном порядке включать перечень этих лиц с указанием их жилищных прав, что является существенным условием договора. Несоблюдение данного условия будет являться основанием для признания сделки недействительной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: по состоянию на 25 января 2016 года: с комментариями к последним изменениям / сост. А.А. Кельцева, С.Е. Прыгунов. М.: Эксмо, 2016. 286 с.
2. О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 189-ФЗ: ред. от 29.02.2016 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
3. О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации: закон РФ от 4 июля 1991 г. N 1541-1 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
4. Новицкий И.Б. Римское право. М.: Зерцало-М, 2016. 310 с.
5. Суд отменил принятые ранее судебные решения и направил дело на новое рассмотрение, поскольку факт наличия у ответчиков права пользования жилым помещением на момент его приватизации при последующем их добровольном отказе от этого права не является безусловным основанием для вывода о сохранении за ними права пользования жилым помещением бессрочно: определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 мая 2015 г. № 81-КГ15-2 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. М.: Статут, 2016. 830 с.

THE RIGHTS OF THE FORMER FAMILY MEMBERS WHO HAVE REFUSED PRIVATIZATION

© 2016

L.A. Vasilika, undergraduate of the department «Civil Law, Civil Procedure and Labor Law»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: civil law; the housing right; privatization; the former family members; the homeowner; the Roman right about transition of the property right.

Abstract: In article the analysis of modern precepts of law of preservation of use of premises of the former family members who have refused privatization and conditions of preservation of this right is made, the opinion of the Supreme and Constitutional court of the Russian Federation is given as justification of the received conclusions, an analogy to the Roman right is drawn.

Е.А. Верхова, адвокат Палаты адвокатов Самарской области, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: права адвоката-защитника; допустимость доказательств; опрос лиц.

Аннотация: В статье исследуются проблемы применения прав адвоката-защитника, закрепленные в Федеральном законе № 63 от 26.04.2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Федеральный закон от 26.04.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.06.2016 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в части 3 ст. 6 закрепил права адвоката, согласно чего последний имеет право:

1) собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций. Указанные органы и организации в установленном порядке обязаны выдать адвокату запрошенные им документы или их копии;

2) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь;

3) собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

4) привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи;

5) беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности;

6) фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну;

7) совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Построение уголовного судопроизводства на принципе состязательности сторон (ч. 1 ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) определяет особое место адвоката в доказывании, которое включает выявление, собирание, закрепление и представление доказательств. Все доводы, обосновывающие невиновность подзащитного или смягчающие ответственность, должен выявлять, собирать, закреплять и представлять дознавателю, следователю, прокурору, суду именно адвокат. Собранные и представленные адвокатом доказательства составляют основание для выдвижения и проверки имеющихся и новых версий по делу, производства различных процессуальных действий.

Согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ уголовное судопроизводство, в том числе и на досудебной стадии, должно быть состязательным. Право адвоката самостоятельно собирать доказательства есть самое важное проявление состязательности процесса.

Российское уголовно-процессуальное законодательство впервые закрепило положение о том, что защитник вправе собирать доказательства в п. 2 ч. 3 ст. 53 УПК РФ, а в ч. 3 ст. 86 УПК РФ обозначены и способы такой деятельности. Данная новелла представляет собой значительный шаг в направлении формирования и развития института адвокатского расследования.

Законодательное закрепление права защитника со-

бирать доказательства, безусловно, относится к числу положительных моментов, поскольку направлено на обеспечение принципа состязательности судопроизводства, гарантированного ст. 123 Конституции РФ, хотя и порождает ряд недоумений.

В связи с этим, интересно сравнить положения ст. 86 УПК РФ с соответствующими положениями Федерального закона РФ от 26.04.2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В двух Федеральных законах одна и та же по существу норма сформулирована в отношении прав адвоката-защитника различно: по Уголовно-процессуальному кодексу защитник может собирать доказательства, а по Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат-защитник может собирать сведения, опрашивать лиц, собирать и предъявлять предметы и документы, которые могут быть признаны в дальнейшем доказательствами.

Казалось бы, в тех и других нормах речь идет об одном и том же – о передаче следователю или суду письменных документов и предметов, которыми располагает то или иное лицо, но доказательствами они становятся только после того, как следователь или суд их примет и решит приобщить к делу.

Ключевой нормой здесь выступает перечень доказательств, закрепленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В качестве доказательств в соответствии с данной статьей, допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

Как видно, формулировка четкая и однозначная – только эти семь разновидностей процессуальной информации являются доказательствами по уголовному делу. Среди них нет ни опросов лиц, ни предметов, документов, «собранных» адвокатом – защитником на основании ст. 86 УПК РФ. Показания лиц, как известно, появляются в деле только посредством допросов, очных ставок, т. е. следственных действий, исключительное право на проведение которых имеют только специально уполномоченные органы уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ). Вещественными доказательствами признаются предметы только в том случае, если они исследовались следователем и приобщены к делу его специальным постановлением (ст. 81 УПК РФ). Есть «иные документы», которые приобщаются к делу опять же по усмотрению следователя (ст. 84 УПК РФ).

Поэтому до признания представленных сведений, документов и предметов доказательствами они не имеют такого статуса. С этих позиций представляется спорной позиция законодателя о том, что защитник вправе собирать доказательства.

Как представляется, верную позицию в этом вопросе занимает С.А. Шейфер, который указывает: «Признать представленный объект доказательством, ввести его в дело, т. е. включить в систему уже собранных доказательств – это исключительная прерогатива органа расследования, прокурора и суда. Принятие решения о приобщении предмета или документа к делу, в сущ-

ности, представляет собой акт закрепления доказательств, завершающий момент собирания (формирования) доказательств. Пока такое решение не принято – доказательства еще не существуют. Оно еще «не собрано, не сформулировано» [1, с. 26].

Справедливо отметил судья Верховного Суда РФ Колоколов: «Часть 3 статьи 86 УПК РФ подвигла некоторых теоретиков к спешной разработке стратегии, тактики и методики сбора доказательств защитой. Это и неудивительно, поскольку законодатель, признав за адвокатом такое право, забыл урегулировать порядок его реализации» [2, с. 67]. Действительно, пробел в этом отношении очевиден и порождает значительные проблемы в практической деятельности.

В настоящее время поток объяснений от граждан, отобранных адвокатами, в суды не прекращается. Однако практика идет по такому пути, что судьи и следователи игнорируют такую форму информации. В связи с этим проблема опроса лиц как способа собирания доказательств со стороны защиты становится весьма актуальной. Этот путь собирания доказательств защитником применяется только с согласия опрашиваемых лиц и представляет собой на первый взгляд непроцедурный, ничем не регламентированный диалог защитника с лицом, предположительно располагающим сведениями, которые относятся к предмету доказывания по уголовному делу. Практика в этом отношении разобщена: сложились различные формы фиксации сведений, полученных при опросе, начиная от обычной записи в блокнот адвоката, заканчивая формальными объяснениями, заявлениями, сообщениями, то есть составлением документа.

Анализируя полномочия адвоката, указанные в ст. 2 закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», можно отметить, что, оказывая юридическую помощь, защитник имеет право составлять заявления, жалобы, ходатайства и другие документы правового характера, которые в ряде случаев можно отнести к иным документам по смыслу п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

По мнению В. Фалилеева, Ю. Гармаева, сведения, полученные защитником при опросе, станут допустимыми доказательствами лишь тогда, когда компетентные субъекты допросят это лицо [3, с. 91].

Подобная точка зрения, по мнению И. Маслова, обоснована, поскольку законодатель в ч. 3 ст. 86 УПК РФ недвусмысленно говорит о том, что защитник вправе собирать доказательства, то есть собранные адвокатом сведения являются доказательствами по делу, но оценивать их допустимость у защиты права нет. Одной из наиболее приемлемых форм фиксации результатов опроса является протокол опроса [4, с. 36].

На наш взгляд, теоретическое решение изучаемой проблемы – удел науки уголовно-процессуального права. Между тем в доктрине на сей счет ограничиваются воспроизведением предписаний закона либо весьма категорическими суждениями, а не аргументированными выводами, предложениями, основанными на обстоятельном анализе всех норм современного российского законодательства, регламентирующего рассматриваемый вопрос.

И.Б. Михайловская считает, что «несмотря на указанное в ч. 3 ст. 86 УПК РФ право защитника собирать доказательства, его содержательное раскрытие свидетельствует о том, что сведения, собранные им, не имеют надлежащей процессуальной формы и в силу этого не могут иметь статуса доказательств» [5, с. 149]. «Указанные документы», – завершает свою мысль И.Б. Михайловская, – «приобретают такой статус только после решения суда, прокурора, следователя, дознавателя о приобщении их к материалам дела» [5, с. 151].

Приведенные И.Б. Михайловской аргументы некорректны, ибо противоречат закону – п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, в котором указано, что защитник полномочен «собирать и представлять доказательства, необходимые для оказа-

ния юридической помощи, в порядке, установленном частью третьей статьи 86 настоящего Кодекса».

Кроме того, И.Б. Михайловская не упоминает о том, что защитник не только выявляет, собирает и фиксирует сведения, необходимые для осуществления защиты, но и вправе получать предметы, документы, привлекать специалистов для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов (п. 3 ч. 1 ст. 53, ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Выявленные и собранные адвокатом в предусмотренном законом порядке сведения, предметы, документы являются допустимыми доказательствами, а с момента приобщения их к делу они становятся его материалами.

Данную позицию поддерживают и В. Фалилеев и Ю. Гармаев, которые считают, что даже если защитник получил во время опроса сведения, интересующие сторону защиты, то они станут допустимыми доказательствами лишь тогда, когда компетентные субъекты допросят это лицо. Более того, если защитник требует приобщить к делу протоколы опроса, а следователь не может допросить такое лицо, то такие доказательства не являются допустимыми и юридической силы не имеют [3, с. 91]. Если защитник в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ добыл или получил от третьих лиц предметы или документы, оправдывающие или смягчающие вину его подзащитного, то следователь должен произвести выемку такого предмета или документа у защитника.

Несмотря на то, что УПК РФ конкретно не предусматривает процессуального документа такого рода, ст. 475 УПК РФ расширяет право должностного лица со стороны обвинения при отсутствии требуемого процессуального документа в перечне бланков процессуальных документов, предусмотренных гл. 57 УПК РФ, составлять его с соблюдением структуры аналогичного бланка и требований УПК РФ, регламентирующих осуществление соответствующего процессуального действия.

Стоит согласиться с В. Стройковым в том, что это право может быть уравновешено аналогичным правом защиты, в том числе составления протокола опроса лица, проводимого с его согласия [6, с. 53]. Указанный протокол может быть составлен защитником с соблюдением требований ст. 166 УПК РФ, за исключением того, что в нем должны быть ссылки, что лицо дало свое согласие на опрос, не предупреждалось об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Безусловно, слабостью опроса является отсутствие регламентированной процедуры и ее гарантий. В законе нет запрета на использование адвокатом аудио- и видеозаписей, кино съемки в целях фиксации процедуры. Кроме того, такая форма позволит адвокату обезопасить себя от необоснованных подозрений в каких-либо нарушениях с его стороны.

Наряду с протоколом, возможно собственноручное написание опрошенным заявления, в котором излагаются факты, имеющие значения для дела. Круг вопросов, по которым защитник может опрашивать лиц с их согласия законом не определен. Представляется, что может быть получена любая информация, имеющая отношение к делу. Но прежде, чем приступить к указанным действиям, необходимо выявить свидетеля, который может, например, подтвердить алиби подзащитного уже на предварительном расследовании.

Е.Г. Мартынич полагает, что адвокат может побеседовать с таким свидетелем и убедиться в том, что он обладает такой информацией, затем зафиксировать ее в соответствующей форме, и только в таком случае в ходе судебного разбирательства он сможет заявить обоснованное ходатайство о допросе свидетеля, который подтвердит алиби подсудимого [7].

По мнению Конституционного Суда, праву защиты собирать доказательства по делу корреспондирует обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих

уголовное судопроизводство, рассмотреть каждое ходатайство, заявленное в связи с исследованием доказательств [8].

Полагаем, что ст. ст. 159, 274 УПК РФ исключают возможность произвольного отказа в получении доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты, так и в приобщении к материалам уголовного дела и исследовании представленных ею доказательств. В связи с чем такой отказ возможен лишь в случаях, когда соответствующее доказательство не имеет отношения к уголовному делу, по которому ведется расследование, и не способно подтверждать наличие или отсутствие события преступления, виновность или невиновность лица в его совершении, иные обстоятельства, подлежащие установлению при производстве по уголовному делу, когда доказательство, как несоответствующее требованиям закона, является недопустимым, либо когда обстоятельства, которые призвано подтвердить указанное в ходатайстве стороны доказательство, уже установлены на основе достаточной совокупности других доказательств.

Следует согласиться с предложением Е.Г. Мартынчик об изменении названия и дополнения содержания ст. 166 УПК следующим образом: назвать ст. 166 УПК РФ «Протокол следственного и иного процессуального действия», а затем ч. ч. 1, 2, 3 ст. 166 УПК РФ дополнить словами «протокол следственного или иного процессуального действия». Таким путем право адвоката совершать иные процессуальные действия по сбору доказательств на досудебном производстве обретет форму, в которую эта деятельность должна быть облечена [9].

На основании вышеизложенного считаем, что при принятии решения должностное лицо обязано объективно рассмотреть ходатайство и обосновать свое решение, при этом ссылаясь на конкретные доводы, подтвержда-

ющие неприемлемость доказательства, об истребовании и исследовании которого заявляет защита. В противном случае, защитнику придется обжаловать данное решение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Инфра-М, 2008. 240 с.
2. Колоколов Н.А. Параллельное адвокатское расследование // Адвокатская практика. 2005. № 3. С. 12–13.
3. Фалилеев В., Гармаев Ю. Пределы полномочий защитника по собиранию доказательств (взгляд с позиции обвинения) // Уголовное право. 2003. № 1. С. 90–91.
4. Маслов И. Адвокатское расследование // Законность. 2004. № 10. С. 34–36.
5. Михайловская И.Б. Эволюция уголовно-процессуального законодательства: 2001–2011 гг. // Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации 2001–2011 гг. М.: Норма, 2013. С. 3–23.
6. Стройков В. Реализация прав защитника на опрос лиц // Законность. 2004. № 6. С. 52–54.
7. Мартынчик Е.Г. Адвокатское расследование: понятие, природа, особенности и сущность (к разработке модели) // Адвокатская практика. 2005. № 1. С. 9–14.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 г. № 467–0 по жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Конституционный суд Российской Федерации. URL: doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15122.pdf.
9. Конституционный суд Российской Федерации. URL: doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33560.pdf.

TO THE QUESTION ABOUT GATHERING EVIDENCE ATTORNEY

© 2016

E.A. Verkhova, a lawyer of Chamber of lawyers of the Samara region, senior lecturer of the chair «Criminal process and criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: rights of defense counsel; the admissibility of evidence; interviewing persons.

Abstract: The article studies problems of application of the rights of defense counsel, as enshrined in the Federal law № 63 dated 26.04.2002 «On advocate activity and advocacy in Russian Federation».

© 2016

Е.А. Верхова, адвокат Палаты адвокатов Самарской области, старший преподаватель кафедры
«Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: категория преступления; фактические обстоятельства дела; смягчающие наказание обстоятельства; отягчающие наказание обстоятельства.

Аннотация: В статье исследуются проблемы применения п. 6 ст. 15 Уголовного кодекса РФ, основания для снижения категории преступления.

В части 6 статьи 15 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) закреплено: «С учетом фактических обстоятельств дела и степени его общественной опасности преступления, суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при условии, что за совершение преступления, указанного в части третьей настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее 5 лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части пятой настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы».

С учетом этих положений материального закона реформирована и ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). В части 1 этой статьи введен п. 6.1, согласно которому при постановлении приговора суд в совещательной комнате разрешает вопрос, есть ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Такого рода новеллы многие ученые юристы считают антиконституционными, поскольку суд наделяется полномочиями законодателя. Изменение категории преступления выходит за пределы полномочий суда как органа правосудия. Это нововведение ставит под сомнение не только институт категоризации преступлений в российском уголовном праве, но и институт общественной опасности. В частности, эту норму называют «миной замедленного действия» [1, с. 26–27].

Критерием классификации преступлений, закрепленной в ст. 15 УК РФ, является характер и степень общественной опасности деяний, а средствами индивидуализации наказания являются открытый перечень смягчающих обстоятельств, отягчающих обстоятельства, перечисленные в законе, назначение наказания по правилам ст. ст. 62, 63-1, 64, 65, 66, 67, 68 УК РФ. Основания для применения ст. 62, 64, 74 УК РФ те же, что и для изменения категории преступлений: это совершение преступления при наличии смягчающих обстоятельств, отсутствии отягчающих обстоятельств, фактические обстоятельства дела, существенным образом влияющие на назначение наказания.

А.В. Елинский справедливо указывает на то, что «отнесение преступления к той или иной категории должно определяться исходя из санкции, предусмотренной за данное преступление нормой Особенной части УК РФ, не может и не должно зависеть от срока или размера наказания, назначаемого виновному лицу приговором суда» [2, с. 211].

А.Э. Жалинский высказывал следующую позицию, в соответствии с которой несправедливым является распределение преступлений по категориям, когда тяжесть деяния зависит от размера санкции конкретной статьи, а не от реально назначенного наказания [3, с. 307].

Согласно Определением Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 г. № 489-0 [4] от 20.11.2008 г.; № 779-0 [5], от 19.02.2009 г.; № 90-0 [6] Конституционный Суд РФ

констатировал, что установленные ст. 15 УК РФ критерии определения степени тяжести преступления в зависимости от предусмотренной конкретной статьей максимальной границы санкции, а не от реально назначенного наказания, не нарушают конституционные права заявителей.

Обосновывая данные решения, Конституционный Суд РФ указал следующее: «Статья 15 УК РФ относит преступление к той или иной категории преступлений исходя из их характера и степени их общественной опасности. При этом в качестве формального критерия для отнесения преступления к конкретной категории используется размер максимального наказания, указанных в соответствующих статьях Особенной части кодекса (а не размер наказания, фактически назначенного подсудимому). В соответствии с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ) ч. 3 ст. 30 УК РФ относит к покушению на преступление умышленные действия (бездействия) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам, а ч. 3 ст. 66 УК РФ предписывает в таких случаях назначить наказание в размере не свыше трех четвертей максимального срока или размера наиболее строго наказания, предусмотренное за оконченное преступление соответствующей статьей Особенной части УК РФ».

По мнению А.В. Кудрявцева, Ю.А. Воронина, норма, которая регулирует условия назначения наказания за неоконченное преступление, устанавливая предписания о пропорциональном сокращении максимального наказания вне зависимости от того, какой статьей Особенной части УК РФ предусмотрен соответствующий состав преступления, не может применяться при определении категории преступления. Таким образом, ст. 15 УК РФ во взаимосвязи со ст. 30 и ст. 66 данного Кодекса направлена на недопущение избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения, и сама по себе конституционные права не нарушает [7, с. 49–51].

Анализ судебной практики по рассматриваемому вопросу позволяет выделить внимание на некоторые общие ошибки при применении указанных выше норм. Однозначно можно констатировать, что изменения категории преступления в судебной практике на менее тяжкую крайне редки.

Юристами ставился вопрос о возможности применения обратной силы закона в отношении положений ч. 6 ст. 15 УК РФ и пересмотра приговоров по этому вопросу в кассационном и надзорном порядке. Ожидался вал обжалований судебных решений в связи с введением ч. 6 ст. 15 УК РФ. Однако этого не произошло.

Вопросы, связанные с изменением судом категории преступления на менее тяжкую, носят не только материальный, но и процессуальный характер. В судебной практике встречаются несправедливые обвинительные и оправдательные приговоры, постановления по усмотрению судьи без соответствующего обоснования.

В то же время в случаях применения судами ч. 6 ст. 15 УК РФ суды зачастую необоснованно применяют положения этой нормы. В приговорах не приводятся

надлежащие мотивы в обоснование вывода о наличии оснований для применения описанной нормы, в них содержатся лишь общие фразы такого рода «фактические обстоятельства совершения преступления и степень его общественной опасности позволяют изменить категорию преступления».

Анализ кассационной практики свидетельствует о том, что, как правило, судами обсуждается вопрос о применении либо неприменении ч. 6 ст. 15 УК РФ. При отсутствии таких оснований суды обоснованно указывают, что фактические обстоятельства совершенного преступления и степень его общественной опасности не позволяют применить положения данной нормы. Однако в отдельных приговорах этот вопрос не обсуждается. Такие случаи необходимо исключить.

Анализируя судебную практику, судья Тверского областного суда В.В. Павлова указала, что суды неправильно применяют положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, необоснованно изменяя категорию преступления. В приговорах не приведены надлежащие мотивы в обоснование вывода о наличии оснований для изменения категории преступлений, выводы суда содержат общие суждения о том, что фактические обстоятельства совершенного преступления и степень его общественной опасности позволяют изменить категорию преступления.

В качестве примера можно привести приговор Бежецкого городского суда Тверской области от 13 апреля 2012 года в отношении двух лиц, признанных виновными в растрате вверенного имущества с использованием служебного положения и служебном подлоге, а также в пособничестве в растрате. Согласно установленным судом обстоятельствам виновные осуждены за растрату федеральных бюджетных средств, предназначенных для оплаты расходов колледжа, в том числе командировок сотрудника учреждения. Растраченные денежные средства в размере 7 900 рублей были израсходованы виновными на цели, не связанные со служебной деятельностью, – оплату носящего частный характер мероприятия в честь празднования нового года. Изменяя категорию преступления с тяжкого на преступление средней тяжести, суд указал, что фактические обстоятельства совершения растраты, характер и степень общественной опасности данного преступления, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, наличие смягчающих обстоятельств позволяют суду применить положения ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Таким образом, суд в приговоре изложил лишь общие суждения в обоснование своих выводов, не конкретизировал, какие именно фактические обстоятельства совершенного преступления позволили изменить категорию преступления. Суд также не указал, какие данные, свидетельствующие о меньшей степени общественной опасности преступления, явились основанием для принятия такого решения.

Следует отметить, что ни в одном из представленных на обобщение приговоров не содержались надлежащие мотивы в обоснование выводов о наличии оснований для изменения категории преступления. Из изложенных в судебных решениях обстоятельств дела не следовало, что имелись основания для применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Надлежащие мотивы не содержались и в приговоре Бельского районного суда Тверской области от 9 февраля 2012 года. Виновная была осуждена за кражу музыкального центра с колонками с незаконным проникновением в жилище на сумму 1 000 рублей.

Данное дело рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства. Суд первой инстанции счел возможным в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ с учетом фактических обстоятельств преступления, степени его общественной опасности изменить категорию преступления, поскольку установил смягчающие наказание обстоятельства, позволяющие назначить виновной наказание ниже пяти лет лишения свободы.

Этот пример также свидетельствует о том, выводы суда об изменении категории преступления содержат формальные суждения суда о наличии условий и оснований для применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ.

В 2012 году при рассмотрении 4 уголовных дел Торопецким районным судом изменена категория совершенных осужденными преступлений. Так, приговором от 8 августа 2012 года виновная была осуждена по ч. 3 ст. 160 УК РФ за растрату вверенного ей имущества с использованием своего служебного положения. В результате преступных действий осужденной юридическому лицу причинен материальный ущерб в размере 80 035 рублей 79 коп. Суд изменил категорию преступления и указал в приговоре, что подсудимая совершила преступление, относящееся к категории тяжких, в ее действиях отсутствуют обстоятельства, отягчающие ответственность, поэтому имеются основания для изменения категории преступления в связи со вступлением в силу ФЗ от 7 декабря 2011 года «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ».

Какие ошибки допустил суд, принимая такое решение. Во-первых, суд не указал основания для изменения категории преступления: такие фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности, которые позволяют сделать такой вывод. Во-вторых, эта формулировка не содержит условий для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ – наличие смягчающих наказание обстоятельств, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств. В-третьих, суд не обсудил вопрос о назначении наказания, не превышающего предусмотренного законодателем в ч. 6 ст. 15 УК РФ для определенной категории преступления.

Таким образом, не наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, которые следует рассматривать как условия, а фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности являются основаниями для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Между тем, степень общественной опасности инкриминируемого осужденного преступления судом не оценена. Оснований для учета категории преступления не имелось, однако суд ее принимает во внимание.

Приговорами Торопецкого районного суда от 13 марта 2012 года в отношении в отношении осужденных за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ, также изменена категория преступления на менее тяжкую. При этом суд назначил виновным наказание за содеянное без учета изменения категории преступления, то есть неправильно применил уголовный закон.

Суд не принял во внимание положения ч. 1 ст. 56 УК РФ о недопустимости назначения наказания в виде лишения свободы лицам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств.

Осужденным назначено наказание за совершенное им преступление в виде лишения свободы условно. Поскольку указанные лица впервые совершили преступление небольшой тяжести, отягчающих наказание обстоятельств не имелось, санкция ч. 1 ст. 318 УК РФ предусматривает наряду с лишением свободы наказание в виде штрафа, в силу ч. 1 ст. 56 УК РФ им не могло быть назначено наказание в виде лишения свободы.

В результате изучения практики применения ч. 6 ст. 15 УК РФ установлено, что вывод об изменении категории преступления содержится в резолютивной части приговора, что является правильным.

При приведении приговоров в соответствии с требованиями ст. 10 УК РФ также необходимо разрешать вопрос о наличии либо отсутствии оснований для изменения категории преступления. Однако в отдельных постановлениях, законность и обоснованность которых проверяется в кассационном порядке, этот вопрос не обсуждается. Этот недостаток необходимо устранить.

Пересматривая приговоры по ходатайствам осужден-

ных, суды не изменяют категорию преступлений и в обоснование своих выводов приводят такие же мотивы, как и при рассмотрении уголовных дел по существу.

Однако постановлением Ржевского городского суда от 18 мая 2012 года категория совершенных осужденным преступлений была изменена. При этом, приводя состоявшиеся по делу судебные решения в соответствие со ст. 10 УК РФ, суд переквалифицировал содеянное виновным на уголовный закон, улучшающий его положение, и снизил назначенное наказание. Кроме этого, в описательно-мотивировочной части постановления указано, что суд изменяет категорию преступления на менее тяжкую по тем основаниям, что осужденному было назначено наказание без учета правил, предусмотренных ч. 2 ст. 68 УК РФ.

Если проанализировать это решение, то можно прийти к выводу, что суд неправильно применил Общую часть УК РФ. Более того, можно говорить о небрежности при составлении постановления. Назначение наказания судом при рассмотрении дела по существу без учета правил рецидива преступлений не является основанием для изменения категории преступления.

По мнению судьи В.В. Павловой, применяя положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, следует учитывать, что изменение категории преступления влечет весьма значимые юридические последствия, которые, в частности, могут выражаться в назначении другого вида исправительного учреждения, в ином исчислении сроков погашения судимости, изменении условий для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, необходимости применения положений ч. 1 ст. 56 УК РФ. На наш взгляд, лишь исключительные обстоятельства могут являться основанием для изменения категории преступления.

В теории и судебной практике нет полной ясности в вопросе о том, исходя из каких фактических обстоятельств совершения преступления и степени его общественной опасности, суд может (или должен) принять решение об изменении категории преступления на менее тяжкую. Нередко наличие смягчающих обстоятельств судьи необоснованно трактуют как основание для изменения категории преступления на менее тяжкую. Повидимому, по рассматриваемому вопросу необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Некоторые судьи в качестве обстоятельств, смягчающих наказание относят признание подсудимым своей вины в совершении преступления, его раскаяние в содеянном и то, что ранее он не был судим, а преступление совершил впервые. Между тем, по смыслу ч. 1 ст. 61 УК, в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, ни одно из указанных в приговоре суда обстоятельств не может быть признано.

Применять положения ч. 6 ст. 15 УК РФ без устного и непосредственного установления судом в судебном заседании фактических обстоятельств дела не следует. В ином случае лишь материалы досудебного производства по уголовному делу будут основанием для принятия решения судьей (судом) об изменении категории преступления на менее тяжкую. При применении ч. 6 ст. 15 УК РФ судья должен учитывать лишь смягчающие обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Таким образом, изменение категории преступления судьей (судом) допустимо лишь в случаях, когда судебное разбирательство по уголовному делу проводилось в полном объеме. В случае рассмотрения уголовного дела в особом порядке применение ч. 6 ст. 15 УК РФ

недопустимо. Это обосновывается тем, что судье (суду) необходимо устанавливать фактические обстоятельства совершения преступления и факт снижения степени его общественной опасности, а это возможно лишь в рамках устного и непосредственного исследования обстоятельств дела в судебном заседании.

В приговоре суда необходимо должно быть указано, с учетом каких конкретных фактических обстоятельств совершено преступление и почему суд считает, что степень общественной опасности этого преступления снижена.

Вопрос о возможности изменения категорий преступлений возникает в контрольных и надзорных стадиях уголовного процесса. В настоящий период, апелляционный порядок обжалования действует не только для решений мировых судов (ст. 31 УПК РФ), но и для судов иных звеньев, обуславливая возможность изменения категории преступлений в суде апелляционной инстанции при исследовании в судебном разбирательстве доказательств и фактических обстоятельств дела непосредственно.

А.В. Кудрявцева и Ю.А. Воронина полагают, что если суд первой или апелляционной инстанций не усмотрел оснований для изменения категории преступлений, то кассационная инстанция самостоятельно этого сделать не сможет [7, с. 49–51].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возможно изменение категории преступления с тяжкой на менее тяжкую, только при условии рассмотрения дела в общем порядке, поскольку при рассмотрении дела в особом порядке не в полном объеме исследуются фактические обстоятельства дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крылова Н.Е. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 6. С. 26–34.
2. Елинский А.В. Уголовное право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2011. 250 с.
3. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2014. 400 с.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крупецкого Сергея Львовича на нарушение его конституционных прав ст. 15 УК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 г. № 489-0 // Конституционный суд Российской Федерации. URL: doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision17530.pdf.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав ст. 15 УК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2008 г. № 779-0 // Конституционный суд Российской Федерации. URL: doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision17820.pdf.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кривчикова Юрия Ивановича на нарушение его конституционных прав ст. 15 УК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2009 г. № 90-0-0 // Конституционный суд Российской Федерации. URL: doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18696.pdf.
7. Кудрявцева А.В., Воронина Ю.А. Уголовно-процессуальные аспекты изменения категории преступлений в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 20. С. 49–51.

THE ISSUE OF CHANGING THE CATEGORY OF CRIME

© 2016

E.A. Verkhova, a lawyer of Chamber of lawyers of the Samara region, senior lecturer of the chair
«Criminal process and criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: crime; the facts of the case; mitigation of punishment; aggravating circumstances.

Abstract: The article studies problems of application of section 6 of article 15 of the criminal code, the grounds for reduction of crimes.

**ПРАВОО ПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ВОПРОСАХ СКЛОНЕНИЯ
К УПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

© 2016

Е.А. Верхова, адвокат Палаты адвокатов Самарской области, старший преподаватель кафедры
«Уголовный процесс и криминалистика»*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)**А.В. Грищенко*, адвокат*Палата адвокатов Самарской области, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: наркотические и психотропные средства; понятие склонения к употреблению; понуждение к потреблению.

Аннотация: В статье исследуется регулирование борьбы с преступлениями, связанными со склонением к употреблению наркотических средств и психотропных веществ.

Употребление наркотических средств или психотропных веществ предполагает введение их в организм человека любыми способами. Это может быть прием внутрь таблеток, инъекции, курение, вдыхание, жевание и другие способы.

Согласно ст. 230 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), под склонением к употреблению наркотических веществ или психотропных веществ понимаются любые умышленные действия, в том числе однократного характера, направленные на возбуждение у другого лица желания их употребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.), а также выражающиеся в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к употреблению наркотических средств или психотропных веществ лицом, на которое оказывается воздействие. Если лицо, склонявшее к употреблению наркотических средств или психотропных веществ, при этом сбывало указанные средства или вещества либо оказывало помощь в их хищении или вымогательстве, приобретении, хранении, изготовлении, переработке, перевозке или пересылке, его действия надлежит дополнительно квалифицировать при наличии к тому оснований по соответствующим частям ст. ст. 228, 228.1 или 229 УК РФ.

Пункт 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указывает, что для признания склонения оконченным преступлением не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство или психотропное вещество.

Вместе с тем полагаем, что при решении вопроса о моменте окончания склонения к употреблению наркотических средств необходимо принимать во внимание также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», определяющее момент окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий. Пункт 42 данного постановления устанавливает, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 150, 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством).

В рамках уголовно-правовой проблематики, связанной со ст. 230 УК РФ, важное теоретическое значение придается исследованию такого понятия, как «склонение» и смежное с ним правовое понятие «вовлечение». Дан-

ные термины неоднократно использованы законодателем при определении преступных деяний. Однако разграничение «склонения» и «вовлечения» вызывает определенные трудности, поскольку уголовный закон не содержит норм, дающих четкое определение их признаков. Большинство диспозиций, в которых использованы данные термины, являются простыми, а единственная описательная диспозиция (ст. 150 УК РФ), где содержание «вовлечения» раскрывается через указание на способы преступления, не может быть применена по аналогии к иным статьям УК РФ, содержащим термин «вовлечение» в соответствии с принципом законности (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Уточнение содержания данных понятий и приведение законодательной терминологии к единообразию будет способствовать лучшему пониманию закона, внесет значительную ясность в понимание объективной стороны ст. 230 УК РФ. Так как термины «вовлечение» в ст.ст. 150, 151 УК РФ и «склонение» в ст. 230 УК РФ совпадают по содержанию, полагаем, что они должны трактоваться одинаково.

Ряд ученых, исследовавших данную проблему, предлагают термин «склонение» заменить на термин «вовлечение». В обоснование своей позиции они приводят общеязыковые определения слов «склонение» и «вовлечение». Вовлечение подразумевает «втягивание кого-либо во что-либо», а склонение – только «уговоры», следовательно, вовлечение шире склонения по содержанию в части способов, а именно может совершаться как насильственным, так и не насильственным путем, тогда как склонение – только ненасильственным. Законодатель не разграничивает по признаку насильственного способа эти два понятия. В ст. 230, 150 и 151 УК РФ предусмотрена ответственность как за ненасильственные, так и за насильственные способы преступлений [1; 2].

Практическим толкованием ст. 230 УК РФ разъясняется, что «склонение может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их употребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к употреблению наркотических средств или психотропных веществ лицом, на которое оказывается воздействие».

Считаем, что по способу насилия отграничивать склонение от вовлечения представляется нецелесообразным. По нашему мнению, термин «вовлечение» должен присутствовать в составах, где посягательство направлено на побуждение лиц к совершению общественно вредных и иных аморальных деяний. В свою очередь, термин «склонение» должен применяться в тех случаях, когда закон предусматривает ответственность за подстрекательство к совершению преступления, но, по сути, образует самостоятельный состав преступления.

Различное толкование терминов «вовлечение», «склонение», «принуждение» ставит вопрос об их приведении к единообразию.

По мнению А.М. Шукина и Д.А. Бражникова, использование термина «вовлечение» вместо термина «склонение» предпочтительнее с практической точки зрения. Такой подход позволяет рассматривать преступление оконченным с момента, когда склоняемое лицо фактически употребило наркотическое вещество, психотропное средство или их аналог [3, с. 81].

Однако, на наш взгляд, более актуальна точка зрения Н.Н. Бугера, считающего, что для конструкции ст. 230 УК РФ больше подходит термин «склонение», подразумевающий преступное действие независимо от наличия факта употребления наркотических средств склоняемым лицом, в то время как «вовлечение» подразумевает участие в чем-либо (результативное действие). На наш взгляд, точкой зрения Н.Н. Бугера подчеркивается формальный состав деяния, предусмотренный ст. 230 УК РФ [4, с. 35, 39].

К причинам, обуславливающим низкую выявляемость склонения к употреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, относится непонимание момента окончания данного преступления. В существующем разъяснении Постановления Пленума ВС РФ указания на признаки склонения определены не совсем очевидно, разъяснения в части окончания преступления трактуются с точки зрения материального состава, последствия которого заключаются в том, что у лица «сформировалось желание употребить наркотики». По нашему мнению, такое положение не соответствует диспозиции статьи, где указание на какие-либо последствия отсутствуют. Следовательно, данный состав следует относить к формальному.

Так, согласно вступившему в законную силу приговору № 1-3/2016 1-82/2015 от 18.01.2016 г. по делу № 1-3/2016 [5] Малодербетовского районного суда Республики Калмыкия Скляр А. был признан виновным в незаконном хранении и приобретении наркотических средств (ч. 1 ст. 228 УК РФ) и склонении к употреблению наркотических средств (ч. 1 ст. 230 УК РФ). Скляр А. обнаружил на заднем дворе своего домовладения произрастание одного куста дикорастущей конопли. Зная о наркосодержащих свойствах дикорастущей конопли, сорвал её листья и верхушечные части и пошел к знакомому Гробову, которого дома не оказалось. Во дворе последнего, спросив разрешения у его жены, объяснив последней, что хочет пожарить щавель, развел костер и, обжаривая сорванные части конопли, приготовил гашишное масло, называемое «Кузьмич». Во время процесса приготовления наркотического средства домой пришел Гробов, которому Скляр А. дважды предложил употребить указанное наркотическое средство, на что последний отказался. При этом Скляр рассказывал о превосходном состоянии после употребления наркотика. Скляр, употребив приготовленное наркотическое средство, удалился. Оставшиеся листья и соцветия конопли Скляр оставил храниться в сарае во дворе Гробова. Позднее, Скляр, находясь в состоянии алкогольного опьянения пришел домой к Гробову, которого дома не оказалось, предложил выпить с ним супруге Гробова, на предложение которого она ответила отказом и стала его выгонять. В ответ он начал с нею ссориться, в результате чего ударил ее кулаком два раза в лицо и в область груди. В связи с чем, она обратилась к участковому и сообщила о случившемся. Затем к ним подъехали сотрудники полиции, которым Скляр А. выдал из сарая полимерный пакет с листьями и соцветиями дикорастущей конопли.

Квалифицированным составом рассматриваемого преступления является совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в отношении двух и более лиц, либо применением насилия или угрозой его применения.

Мы солидарны с мнением И.А. Биккинина, Г.Р. Мясгутовой, считающих необходимым включение в квали-

фицированный состав пункта, касающегося склонения к потреблению наркотических средств посредством обмана на основании соображения, что при прочих формах склонения у потерпевшего есть возможность отказаться от употребления наркотических средств, то есть существует возможность выбора. В случае же обмана у потерпевшего такой возможности нет [6, с. 187]. Особо квалифицированным составом является совершение деяния в отношении несовершеннолетнего, либо деяние, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла. Цель и мотивы для квалификации значения не имеют. Мотивом совершения, как правило, является необходимость развития у потерпевшего зависимости от употребления наркотических средств в силу появления у последнего заболевания наркоманией. Как следствие, виновный приобретает постоянного клиента для сбыта наркотиков.

Не является склонением к употреблению наркотических средств описание ощущений от потребления, отрицательное отношение и рассказ об отсутствии негативного воздействия на организм, рассказ о том, как изготавливается и как употребляется, если это не является навязыванием человеку конкретного желания к потреблению. В определенных случаях объективная сторона может состоять в разговорах о «необыкновенных ощущениях» и об «отсутствии привыкания» в совокупности с предложением «попробовать», что может свидетельствовать о наличии факта убеждения.

Субъект преступления общий – лицо, достигшее 16 лет. По нашему мнению, необходимо снизить возраст наступления уголовной ответственности до 14 лет в силу ценности объекта посяательства, позволяющего определить соответствующую степень общественной опасности. Кроме того, необходимо учитывать, что молодые люди являются наиболее уязвимыми в плане подверженности склонения к употреблению наркотических средств, а распространителями, как правило, являются лица, пользующиеся доверием и авторитетом в молодежной среде.

Предметом преступного посяательства, предусмотренного ст. 230 УК РФ, являются наркотические средства или психотропные вещества, в отличие от ст. 151 УК РФ, где выделяются только одурманивающие вещества.

Потерпевшим в преступлении о склонении к употреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов может являться лицо любого возраста, пола, положения, состояния здоровья. Однозначным является факт, что преступные действия в отношении несовершеннолетнего обладают наивысшей степенью общественной опасности, что выражено особо квалифицированным составом ст. 230 УК РФ.

Не может быть оставлена без внимания точка зрения А.И. Ролика, считающего, что не может считаться потерпевшим лицо, ранее употреблявшее наркотические или психотропные вещества. И.А. Биккинин и Г.Р. Мясгутова вероятно соглашались с этим мнением на том основании, что под склонением понимаются любые умышленные действия, направленные на возбуждение у других лиц желания попробовать наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги. В случае склонения лица, ранее употреблявшего наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги речь идет не о склонении, а о продолжении потребления данных препаратов. Более того, в данном случае не будет состава преступления, так как круг наркоманов не пополняется еще одним потребителем наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Однако вполне можно считать склонением к употреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов действия лица, направленные на убеждение склоняемого лица

принять более сильный наркотик. Увеличение лиц, употребляющих сильные наркотики, представляет большую общественную опасность, так как данные виды наркотиков причиняют больший вред здоровью, и такие больные труднее поддаются лечению [6, с. 188].

По нашему убеждению, при рассмотрении вышеупомянутых точек зрения, необходимо брать во внимание немногочисленные, к сожалению, ситуации, когда лицо, ранее употреблявшее наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги пытается прекратить употребление или ценой огромных усилий даже прекратило употребление этих препаратов и веществ. В результате «повторного» склонения лицо, едва встающее на путь выздоровления от наркомании, будет вновь, вероятнее всего безнадежно отброшено в упомянутый выше круг наркозависимых.

Одним из вероятных способов совершения преступления может быть неоднократное насильственное или обманное введение в организм жертвы наркотических средств, психотропных веществ. По мнению Т.В. Кондрашевой, такие действия должны быть квалифицированы только по ст. 111 УК РФ. При этом не требуется дополнительной квалификации содеянного по ст. 230 УК РФ, так как деяние, предусмотренное п. «г» ч. 2 названной статьи, предполагает сознательные действия со стороны лица, склоняемого к потреблению этих веществ даже путем насилия и угроз, а не принудительное или обманное введение этих средств в его организм [7, с. 293].

Такая точка зрения представляется спорной, если насилие повлекло реальное причинение вреда здоровью, возникает конкуренция ст. 111 УК РФ и ст.ст. 111, 112, 115, 116, 119 УК РФ. В юридической литературе указывается, что предпочтение должно быть отдано ч. 2 ст. 230 УК РФ. Часть 1 ст. 111 должна вменяться с ч. 2 ст. 230 УК РФ лишь в том случае, если в результате насильственного склонения человека к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов он заболел наркоманией. Объясняется это тем, что ст. 230 УК РФ является формальным составом преступления и любые последствия склонения находятся за рамками ее состава, то есть требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 230 УК РФ, характеризуется двойной формой вины. Устанавливая умысел на склонение лица к употреблению наркотиков, законодатель предусматривает неосторожную форму вины в случае причинения смерти потерпевшему или наступления иных тяжких последствий. Двойная форма вины в данном случае не соответствует степени общественной опасности приобщения к незаконному потреблению наркотиков. Как представляется, в ч. 3 ст. 230 УК РФ идеальная совокупность преступлений, и предлагается исключить неосторожность как субъективный критерий вины, изложив редакцию 3 ст. 230 УК РФ следующим образом: «...повлекшие смерть потерпевшего

или иные тяжкие последствия».

Часть 1 и часть 2 ст. 230 УК РФ являются формальными составами, которые означают, что для квалификации содеянного не имеет значения, вызвали действия виновного желание у склоняемого к употреблению наркотических средств или нет. В то же время момент окончания данных составов преступления является противоречивым в теории уголовного права. Одни специалисты считают, что достижение цели несущественно, то есть потребление или появление желания потреблять. Другие считают, что преступление окончено, когда у склоняемого лица появляется желание употребить наркотики.

Если склоняемое лицо не показало свою готовность употребить наркотик, объективно выраженную в каких-либо действиях, правоприменителям будет сложно доказать преступление по ч. 1 ст. 230 УК РФ, хотя состав будет иметь место.

Деяние следует признать совершенным в том случае, даже если оно не приводит к непосредственному употреблению. На сегодняшний день содержание статьи 230 УК РФ обеспечивает именно такое толкование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 188 с.
2. Нагаева Т.И. Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве // Lex Russica. 2011. Т. LXX. № 3. С. 515–539.
3. Шукин А.М., Бражников Д.А. О некоторых проблемах выявления и раскрытия преступлений, связанных с организацией либо содержанием наркопритонов и склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3. С. 73–82.
4. Бугера Н.Н. Соотношение понятий «Вовлечение» и «Склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 35–40.
5. Приговор № 1-3/2016 1-82/2015 от 18.01.2016 г. по делу № 1-3/2016 Малодербетовского районного суда Республики Калмыкия // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru.
6. Биккинин И.А., Масыгутова Г.Р. Компаративный анализ законодательства о противодействии склонению (вовлечению) к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 2. С. 183–189.
7. Кондрашева Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой сферы и половой неприкосновенности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006. 320 с.

ENFORCEMENT ISSUES CONCERNING ENCOURAGEMENT OF THE USE OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

© 2016

E.A. Verkhova, a lawyer of Chamber of lawyers of the Samara region, senior lecturer of the chair «Criminal process and criminalistics»

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

A.V. Grischenko, lawyer

Samara Region Chamber of Advocates, Togliatti (Russia)

Keywords: crime category; the actual circumstances of the case; the circumstances mitigating punishment; aggravating circumstances punishment.

Abstract: The article studies the regulation of the fight against crimes related to the decline in the use of narcotic drugs and psychotropic substances.

О.А. Воробьёва, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юриспруденция; право; гражданское право; понятие и признаки принципов гражданского права.

Аннотация: Актуальность работы заключается в том, что сложившаяся система правового регулирования гражданско-правовых отношений нуждается в дальнейшем совершенствовании. В статье рассмотрены понятие и принципы гражданского права, основные направления развития отечественного гражданского законодательства. Рассмотрена терминология в отношении принципов права в различных нормативных документах. Дается характеристика признаков принципов гражданского права. Рассмотрено понятие защиты гражданских прав, а также восстановление гражданских прав, рассмотрена взаимосвязь восстановления и защиты гражданских прав. Принцип восстановления права рассмотрен в широком и узком смысле. Рассмотрены способы защиты гражданских прав. Также акцентируется внимание на том, что необходимо повышать уровень правоприменительной деятельности судов всех инстанций, поскольку от нее в первую очередь зависит авторитет и эффективность норм действующего права.

Гражданское право представляет собой отрасль частного права, совокупность норм которой регулирует инициативную деятельность участников общественных (гражданско-правовых) отношений, направленную на удовлетворение их собственных (частных) интересов.

Анализ гражданского законодательства Российской Федерации и накопленный опыт его практического применения позволяют сделать вывод, что в настоящее время система этого законодательства, основанная на Гражданском кодексе РФ и названных в нем федеральных законах, отражает особенности и задачи гражданского права. Эта система уже доказала свою способность успешно регулировать складывающиеся в Российской Федерации рыночные отношения. Она в целом может быть сохранена и на достаточно длительную перспективу. Вместе с тем сложившаяся система правового регулирования гражданско-правовых отношений нуждается в дальнейшем совершенствовании.

В статье 1 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) перечисляются основные начала гражданского законодательства, которые в доктрине принято называть основополагающими принципами права. Заметим, что в отношении принципов права в разных документах используется различная терминология. В Конституции РФ, ГК РФ и Трудовом кодексе РФ употребляется термин «общепризнанные принципы международного права», в ст. 92 Устава Организации Объединённых Наций (далее – ООН) – термин «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». В актах Европейского суда по правам человека употребляется термин «основополагающие принципы», закреплен он также в Декларации об основополагающих принципах и правах в сфере труда Международной Организации Труда 1998 г., в Хартии Европейского союза об основных правах № 2007/С 303/01 (принята в г. Страсбурге 12 декабря 2007 г.). Можно согласиться с В.В. Кулаковым в том, что термин «общепризнанные принципы» является предпочтительным, поскольку основан на терминологии, закрепленной в Уставе ООН [1].

К основным началам (принципам) гражданского права в соответствии с п.1 ст. 1 ГК РФ относятся: признание равенства участников отношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебная защита.

К признакам принципов гражданского права Г.А. Свердлык относит стабильный характер норм-принципов; принципы должны быть характерны гражданско-правовой действительности; они должны быть основой практической деятельности правотворческих органов, субъектов гражданского права и соответствующих юрисдикционных органов; и наконец, принципы олице-

творяют объективные закономерности развития имущественных и личных неимущественных прав [2, с. 15].

Обеспечение восстановления нарушенных гражданских прав достигается благодаря механизму гражданско-правового регулирования охранительных отношений, который состоит из следующих элементов, – это охранительные нормы, охранительные правоотношения, охранительные меры, охранительные соглашения и охранительное законодательство.

В ст. 1 ГК РФ перечислены основные начала (принципы) гражданского законодательства [3]. В их числе указан принцип обеспечения восстановления нарушенных гражданских прав, а также принцип судебной защиты прав. Данные принципы тесно связаны между собой. Иногда в юридической литературе они рассматриваются как единый принцип, что имеет под собой определенные основания. В широком смысле слова восстановление права совпадает в таком случае с защитой права независимо от того, осуществляется ли это в форме восстановления положения, пресечения нарушения, признания права и т. п. (ст. 12 ГК РФ). Содержание категории «восстановление права» (положения), использованной в ст. 1 и ст. 12 ГК РФ, не совпадает. В первом случае она используется в широком, а во втором – в узком смысле слова.

С точки зрения Е.А. Суханова, принцип всемерной охраны и судебной защиты гражданского права в целом характеризует правоохранительную функцию (задачу) гражданско-правового регулирования. В соответствии с ним участникам гражданских правоотношений предоставляются широкие возможности защиты своих прав и интересов: они могут прибегнуть как к их судебной защите, так и к самозащите, а также к применению некоторых других мер, оказывающих неблагоприятное имущественное воздействие [4, с. 54].

А.Я. Рыженков обосновывает существование необходимости судебной защиты как самостоятельного принципа гражданского законодательства [5, с. 56].

Восстановление гражданских прав – это результат применения охранительных норм гражданского права. В этих нормах содержатся меры гражданско-правовой охраны, которые реализуются в охранительных гражданских правоотношениях.

Можно согласиться с В.В. Тутуниной в том, что восстановление нарушенного права следует рассматривать в трех аспектах: как принцип защиты гражданских прав, означающий кроме прочего необходимость, обязательность восстановления нарушенного права; как одну из целей защиты гражданских прав, наряду с пресечением, предотвращением, устранением нарушений права; а также в качестве одного из способов защиты гражданских прав [6].

Защита гражданских прав – это предусмотренная законом система мер, направленных на обеспечение непри-

косновенности права, восстановление нарушенного права и пресечение действий, нарушающих право [7, с. 17].

Восстановление и защита права неразрывно связаны между собой. Защита права может быть осуществлена также путем пресечения действия или признания права. Но в широком смысле слова и в этом случае имеет место восстановление права в том виде и состоянии, как оно было до нарушения.

Как отмечает Д.Н. Кархалев, в ст. 12 ГК РФ перечислены способы защиты в «восстановительном смысле» этого слова, т. е. как действия, с помощью которых право приводится в «состояние», существовавшее до нарушения. Однако данные способы – это и меры принудительного воздействия (санкции). Охранительная связь является той формой, в которой существуют и реализуются способы защиты гражданских прав в двух обозначенных аспектах.

Поэтому мера принуждения и способ защиты права – категории, равнозначные по содержанию и назначению, но не всегда совпадающие по объему (только в этом смысле их можно рассматривать как самостоятельные). В ст. 12 ГК РФ перечислены способы, которые включают в себя несколько мер принуждения. Например, восстановление положения, существовавшего до нарушения, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, могут быть в виде реституции, виндикации, кондикции (меры принуждения).

Самозащита гражданских прав и оперативное возмездие также являются способами защиты гражданских прав [2].

Следует отметить, что отсутствие легального определения способа защиты гражданских прав наталкивает на необходимость констатации сущности такой правовой категории, что, в свою очередь, опять же приведет к повышению эффективности защиты нарушенных прав заинтересованным лицом.

В научной литературе содержатся различные определения данного понятия. А.П. Сергеев считает, что «под способами защиты субъективных гражданских прав понимаются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление нарушенных прав и воздействие на правонарушителя». Автор, таким образом, ставит знак равенства между способом и мерой защиты. Однако представляется, что данный подход не в полном

объеме раскрывает рассматриваемую дефиницию. Способ защиты, по сути, отождествляется здесь с гражданско-правовой санкцией. Однако для защиты нарушенного права не всегда обязателен принудительный характер соответствующих мер. Как раз такой способ защиты, как признание права, и невозможно определить в качестве меры защиты [1].

Следует отметить, что необходимо повышать уровень правоприменительной деятельности судов всех инстанций, поскольку от нее в первую очередь зависит авторитет и эффективность норм действующего права.

Подводя итог, можно согласиться с Д.Н. Кархалевым в том, что роль принципа восстановления права состоит в том, что при отсутствии охранительной нормы, с помощью которой возможно защитить право потерпевшего лица, суд, руководствуясь аналогией права (данным основным началом), выносит решение о восстановлении в полном объеме нарушенного права (того положения, которое существовало до нарушения) [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185–192.
2. Кархалев Д.Н. Принцип обеспечения восстановления нарушенных гражданских прав // Гражданское право. 2014. № 5. С. 15–18.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 03.07.2016: с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016 // Российская газета. 1994. № 238-239.
4. Суханов Е.А. Принципы гражданского права // Гражданское право. В 4 т. Т. 1. М.: Волтрес Клувер, 2005. С. 54–55.
5. Рыженков А.Я. Необходимость судебной защиты как принцип гражданского законодательства // Современное право. 2013. № 12. С. 56–60.
6. Тутынина В.В. Восстановление нарушенного права: принцип гражданского права, цель или способ защиты гражданских прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1. С. 86–92.
7. Сулейменов М.К. Понятие и способы защиты гражданских прав // Защита гражданских прав. Алматы: Зангер, 2011. С. 17–19.

PRINCIPLES OF CIVIL LAW

© 2016

O.A. Vorobyeva, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor
of the Department of Business and employment law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: law; right; civil law; concept and signs of the principles of the civil law.

Abstract: Relevance of work is that the developed system of legal regulation of the civil relations needs further enhancement. In article the concept and the principles of the civil law, the main directions of development of the domestic civil legislation are considered. Terminology concerning the principles of the right in various regulating documents is considered. The characteristic of signs of the principles of the civil law is given. The concept of protection of the civil laws, and also recovery of the civil laws is considered, the interrelation of recovery and protection of the civil laws is considered. The principle of recovery of the right is considered in an extended and confined sense. Methods of protection of the civil laws are considered. Also the attention is focused that it is necessary to increase the level of law-enforcement activity of the courts of all instances as the authority and efficiency of regulations of the law in force first of all depends on it.

А.А. Гогин, доктор юридических наук, профессор кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: административное право; реформа; власть; положение; санкция; высылка; взыскание; политика; интеллигенция.

Аннотация: В данной публикации в историческом аспекте рассматриваются некоторые вопросы становления и развития советского административного права в период 20–40-х годов прошлого века. Особое внимание уделено влиянию большевистских партийных установок на принятие отдельных нормативно-правовых актов, оказавших существенное воздействие на общественные отношения в стране в послереволюционный период. В статье по данному вопросу также представлены выводы отечественных ученых разного времени.

По мере укрепления советской власти на всей территории страны, партия большевиков и государство приступили не только к созданию управленческого аппарата на местах, но и наделили его необходимыми полномочиями для оперативного решения текущих вопросов. Одним из первых документов, закрепившим за местными органами власти право на обнаружение соответствующих актов, являлся Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июля 1922 г. «Об утверждении Положения о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [1].

На основании п. 1 Положения Губернские и Уездные Исполнительные Комитеты и их Президиумы издавали для населения подведомственных территорий обязательные постановления, связанные с управленческой деятельностью в сфере работы местных предприятий, заведений торговли, здравоохранения, поддержания и охраны общественного порядка.

Затем в 1926 г. очередным постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР принимается новое «Положение об издании исполнительными комитетами и городскими Советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [2].

По мнению А.А. Нестеровой, указанное Положение «по существу можно называть первой посылкой содержательного аспекта будущего Кодекса об административных правонарушениях РСФСР» [3, с. 864–869]. В определенной степени с таким утверждением можно согласиться, ибо в документе нашли свое отражение некоторые аспекты, раскрывающие предназначение административно-правового регулирования в различных сферах социальной жизни. Например, в качестве одного из основных видов административных взысканий выделено предупреждение, сохранившееся не только в последующих советских нормативно-правовых актах, но и закрепленное в действующем административном законодательстве.

В Положении выделялись конкретные условия обращения к данной мере: «постановления о предупреждении нарушителя выносятся в случае признания нецелесообразным применения штрафа или принудительных работ, ввиду незначительности нарушения, недостаточной осведомленности нарушителя и т. д.».

«Обладая, как и все иные санкции, общей и специальной превенцией, оно оказывает на правонарушителя моральное воздействие. Превентивная направленность и характер воздействия обуславливают несколько специфичное положение предупреждения в системе административных взысканий. Оно применяется не только в качестве «самостоятельного» вида наказания, но и используется для замены иных мер, когда для этого имеются соответствующие основания», – также отмечал Б.В. Дрейшев [4, с. 51–59].

В первые послевоенные годы, в соответствии со ст. 52 ГК РСФСР в нашей стране закреплялись следующие виды собственности: а) государственная (национализированная и муниципализированная); б) кооперативная; в) частная [5].

Поэтому российский рынок того времени характеризовался наличием значительного числа частных предприятий и кооперативов различного типа: производственные, потребительские, снабженческие, бытовые. В банковской сфере экономики присутствовали государственные, кооперативные, государственно-капиталистические и частнокапиталистические кредитные учреждения. Одновременно в финансовую систему входили кредитные кооперативы, сберегательные кассы, общества взаимного кредита, ломбарды.

Уже в 1925 г. удельный вес частного сектора в розничной торговле составлял 43 %. В указанное время на территории СССР осуществляли разнообразную деятельность 92 иностранных концессии, из них 43 в промышленности, где трудилось 54 тысячи рабочих и служащих.

Однако рассматриваемый период характеризовался не только позитивными явлениями, но и ростом различных противоправных деяний: экономических, финансовых, имущественных, преступлений против личности и т. д.

В немалой степени это вызывалось противоречиями рыночных отношений, расслоением общества, коррупцией, высоким уровнем безработицы. В частности, «переход от политики военного коммунизма к нэпу сопровождался значительным увеличением должностных преступлений и прежде всего взяточничества», – пишет Б.В. Волженкин [6, с. 34].

Многочисленные негативные факты такого рода есть следствие появления слоя управленцев-дилетантов, в значительной степени, вышедших из низших социальных слоев; отсутствие четких нормативно-правовых условий, регламентирующих ответственность государственных служащих; фактически не разработанные качественные структурно-функциональные методы руководства экономическими процессами.

Естественно, это потребовало от государства создания разветвленной системы контролирующих органов, в связи с чем постановлением ВЦИК РСФСР от 16 марта 1922 г. утверждается Положение о Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции [7].

Затем постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 г. вводится в действие Положение о прокурорском надзоре [8]. В частности, на основании п/п «а» п.2 означенного акта, на прокуратуру возлагались обязанности по осуществлению «надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений».

Вместе с тем, руководители партии большевиков полагали, что воссоздание рынка есть временное отступление тактического характера, поскольку за советским государством сохраняются «командные высоты», позволяющие диктовать свою волю всем и каждому.

В письме к наркому юстиции Д.И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической по-

литики» В.И. Ленин заявлял: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [9, с. 321].

Таким образом, председатель Совнаркома обосновал необходимость широкого административного вмешательства в любые экономические отношения, что в дальнейшем нашло полное практическое воплощение.

Анализ сложившейся ситуации говорит о том, что в действительности большевистские лидеры отводили гражданскому законодательству подчиненную роль и второстепенное место в сравнении с властным, директивным воздействием на рыночные отношения.

Фактически даже положения ст. 1 ГК РСФСР, которая гласила, что «гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением», не всегда выполняли задачи, свойственные цивилистическим отношениям.

Поэтому в одной из своих работ В.П. Грибанов признавал, что «несмотря на всю сложность ее понимания и применения, ст. 1 ГК РСФСР сыграла в период новой экономической политики важную роль средства борьбы с частнокапиталистическими элементами, допускавшими нередко злоупотребления предоставленными им гражданским законодательством правами. Она служила средством, обеспечивающим постепенное вытеснение капиталистических элементов из хозяйственной жизни нашей страны» [10, с. 73–74].

В это же время, исключительно по инициативе В.И. Ленина и под его крайне целенаправленным воздействием, в стране начинается кампания репрессий против представителей старой, немарксистской интеллигенции. В ней партийный лидер видел одну из серьезных угроз для советской власти. В своих обращениях, направляемых представителям высших государственных органов, он требовал не только готовить списки лиц, подлежащих изгнанию за рубеж, но и как можно быстрее реализовывать соответствующие мероприятия.

Об этих акциях необходимо сказать более подробно, ибо, с одной стороны, их проведение характеризует некоторые стороны общественной жизни советской страны в начальный период НЭПа, а с другой стороны, ясно показывают, как политические взгляды большевистских вождей приобретали статус нормативно-правовых установлений. Так, 19 мая 1922 г. В.И. Ленин направляет письмо следующего содержания:

«т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки. Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т. д.). Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Мои отзывы о двух питерских изданиях:

«Новая Россия» № 2. Закрыта питерскими товарищами.

Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам Политбюро и обсудить внимательнее. Кто такой ее редактор Лежнев? Из «Дня»? Нельзя ли о нем собрать сведения? Конечно, не все сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу.

Вот другое дело питерский журнал «Экономист», изд[ание] XI отдела Русского технического общества.

Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! Это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все – законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и выслать за границу.

Прошу показать это секретно, не размывая, членам Политбюро, с возвратом Вам и мне, и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение. Ленин [11].»

Для придания означенным акциям видимости законности, 10 августа 1922 г. принимается декрет ВЦИК «Об административной высылке» [12].

В его п. 1 подчеркивалось, что «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у Президиума Всероссийского Центрального исполнительного Комитета разрешение на изоляцию свыше двух месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке».

Согласно п. 6, срок административной высылки не мог превышать трех лет. Однако побег с места высылки или с пути следования к нему признавался уголовно наказуемым деянием и карался по условиям ст. 95 УК РСФСР 1922 г.

Следует полагать, что весьма не конкретная и расплывчатая дефиниция «лица, причастные к контрреволюционным выступлениям» введена в декрет не случайно. Под такое «резинное» понятие можно было подвести буквально все, начиная от конкретных действий до публичных высказываний, критических публикаций в прессе и пр.

30 августа 1922 г. газета «Известия», являвшаяся официальным органом ВЦИК, опубликовала интервью видного большевика, члена Политбюро РКП (б) и наркомвоенмора Л.Д. Троцкого, которое он дал американской журналистке А.Л. Стронг. Комментируя проблему, касающуюся представителей старой интеллигенции, он говорил: «те элементы, которые мы высылает или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений <...> все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военнополитической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением».

Отметим, что через несколько лет Л.Д. Троцкий, прозванный в народе «демоном революции», был выслан из СССР и что символично, на пароходе «Ленин» принудительно отправлен из Одессы в Турцию.

«Основным исполнителем решений Политбюро ЦК РКП (б), связанных с высылкой, было ГПУ, административная высылка стала методом борьбы с интеллектуальной оппозицией, считавшейся партийно-государственным руководством оппозицией политической. Этот метод отражал всю противоречивость государственного механизма диктатуры пролетариата начала 20-х гг. и привел к разрушению значительного числа состоявшихся научных школ, которые возглавлялись депортированными деятелями науки», – пишет Л.Г. Берляевский [13, с. 38].

Надо признать, что известная логика в поведении советских руководителей была существенной. Оппозиционность российской интеллигенции, по отношению к власти вообще, сложилась задолго до октябрьских событий. Прежде всего, этот специфический социальный слой всегда полагал себя «духовной элитой» общества,

но почти никогда не считал нужным опираться на отечественные исторические традиции и национальный опыт.

Большевики отлично понимали, что «гордость России – ее интеллигенция никогда не признавала себя тем, чем она фактически являлась – прозападной интеллектуальной элитой, самоотверженной и почти воспринявшей свое отчуждение от народа как естественное состояние», – констатирует А.И. Уткин [14, с. 5].

Еще до революции «во всеоружии своих теоретических познаний передовая русская общественность сгорала властолюбием. Она рвалась к власти на смену «отживающему самодержавию». Дабы применить эти теории на деле. Никто из этих самонадеянных доктринеров не сомневался в возможности и даже легкости управления громадной страной по самоучителю, к тому же заграничному», – также говорил историк-эмигрант А.А. Керсновский [15, с. 123].

Высылка, хотя и в несколько иной формулировке, сохранялась в советском законодательстве многие десятилетия. Как в качестве основного, так и дополнительного наказания она могла назначаться на срок от двух до пяти лет. Например, в комментариях к ст. 26 УК РСФСР 1960 г. подчеркивалось: «высылка выражается в принудительном выдворении осужденного из места его постоянного или временного жительства с одновременным ограничением права выбора места жительства путем запрещения проживания в некоторых местностях».

К началу тридцатых годов период НЭПа завершился. Поэтому директивные методы руководства принимали все более решительные формы. В Советском Союзе создавалась модель жесткой социалистической экономики, не предусматривающей наличия альтернативных начал. В силу ряда обстоятельств, прежде всего политического характера, государство осуществило ряд мероприятий по полной ликвидации частного сектора во всех отраслях производства, что кардинально изменило отечественную хозяйственную систему.

В стране закрепилась административно-командная вертикаль, базирующаяся на принципах безусловной субординации и подчиненности. Это полностью соответствовало взглядам В.И. Ленина, который прямо заявлял: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [16, с. 192].

С целью дальнейшего совершенствования работы органов советской власти на низовом уровне и придания единообразия их решениям, постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 г., утверждается «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [17].

Данный акт отменял все ранее принятые документы идентичного содержания, расширил и конкретизировал полномочия советского губернского, уездного и волостного управленческого аппарата.

В п. 1 данного акта подчеркивалось, что местные исполкомы и советы, а также их президиумы имеют право в пределах соответствующей территории издавать обязательные постановления, устанавливая в них для всего населения или отдельных его групп или учреждений, предприятий и организаций те или иные обязанности, несоблюдение которых влечет ответственность в административном или, в подлежащих случаях, в судебном порядке.

По сравнению с положениями ранее действовавших декретов, перечень полномочий, делегированных местным органам власти, значительно расширился и стал более конкретным. Назовем лишь некоторые вопросы, по которым, на основании п. 3 районные и приравненные к ним исполкомы и их президиумы, наделялись правом издавать обязательные решения:

а) охраны общественного порядка (борьбы с хулиганством, с нарушениями ночного отдыха и т. п.);

б) охраны здоровья населения (соблюдения санитарных правил, проведения мероприятий по оздоровлению населенных пунктов, общественного питания, санитарно-бытовых условий существования населения и по борьбе с болезнями;

в) борьбы со стихийными бедствиями (пожарами, наводнениями и т. п.);

г) охраны лесов и лесных насаждений от хищений, истреблений и пожаров;

д) порядка деятельности промышленных и торговых предприятий в области соблюдения требований общественной безопасности (правил хранения огнеопасных веществ и т. п.);

е) расквартирования проходящих войск;

ж) расквартирования гражданского населения в случаях стихийных бедствий.

В документе наиболее обширным по своему содержанию являлся раздел II «О наложении взысканий в административном порядке», где в п. 18 констатировалось, что за нарушение обязательных постановлений налагается в административном порядке одно из следующих взысканий: предупреждение, штраф или принудительные работы.

Необходимо отметить характерную особенность содержания статьи. Здесь так же, как и в некоторых вышеназванных декретах, говорится именно об административном взыскании. Применение данного термина является более правильным, чем, если бы законодатель говорил об административном наказании, как это в настоящее время сформулировано в ст. 3.2. КоАП РФ «Виды административных наказаний». В русском языке термин «взыскание» понимается как *требование*, а взыскательность – *строгость, требовательность* (курсив автorskий).

В частности, в ст. 19 Положения указывалось, что предельным размером взысканий, предусматриваемых обязательными постановлениями краевых, областных, районных и приравненных к ним исполкомов и их президиумов, а также горсоветов и их президиумов являются: штраф в размере не свыше 100 руб. и принудительные работы на срок до 1 месяца.

Предельными размерами взысканий за нарушение обязательных постановлений сельских и приравненных к ним советов и их президиумов являются: штраф до 10 рублей и принудительные работы на срок до 5 дней.

Отличительная черта означенного раздела заключалась в том, что в нем закреплялось неравенство различных слоев российских граждан перед законом. Это открыто декларировалось в нормах Положения, где излагались следующие установки: «предупреждение применяется лишь к нарушителям из трудящихся слоев населения или незначительности нарушения, при недостаточной осведомленности нарушителя и т. п. (ст. 20). При определении вида и размера взыскания орган, его налагающий, должен учитывать классовую принадлежность, материальное положение нарушителя, степень его сознательности, а также характер совершенного нарушения (ст. 21)».

Обращают на себя внимание положения ст. 25 Постановления. Здесь впервые существенное внимание уделено вопросам административной ответственности, связанной с соблюдением гражданами и водителями транспорта, правил уличного движения и порядок в общественных местах. В отношении виновных лиц, применялись санкции только в виде денежных штрафов, имеющих определенную дифференциацию.

Например, указанные штрафы налагались в следующих размерах:

а) за нарушение гражданами правил уличного движения в Москве и Ленинграде – не свыше 3 руб., а в остальных городах – не свыше 1 руб.;

б) за нарушение водителями транспорта правил уличного движения в городах, указанных в ст. 24, – не свыше

5 руб. и в остальных городах – не свыше 3 руб.;

в) за нарушение правил, регулирующих порядок в общественных местах в городах, указанных в ст. 24, – не свыше 3 руб. и остальных городов – не свыше 1 руб.

В Положении также формулировались правила принудительного взыскания штрафов, в случае его неуплаты нарушителем в установленный срок. В частности, таким правом наделялись органы, наложившее соответствующее взыскание. Однако через несколько лет Постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. означенный порядок был отменен и заменен судебными процедурами. Полагаем, что такое решение было правильным, ибо позволяло судам более детально проверить законность и обоснованность наложенного взыска

Вместе с тем, на фоне постоянного развития директивных требований, регулирующих практически все стороны социальной жизни, парадоксом выглядело официальное, крайне негативное отношение советской власти к административному праву, в реальности представлявшему собой самостоятельную отрасль права.

Не только во время революции, но и в период с 1928 по 1936 гг., оно подверглось очередным гонениям, как свойственное исключительно эксплуататорскому буржуазному обществу, где объективно существуют antagonистические классовые противоречия и полицейская система подавления пролетариата.

Лишь у отдельных видных большевиков наступало постепенное осознание, что «кавалерийскими атаками» проблемы права реализовать невозможно, ибо действительность более сложное явление, чем это излагалось в работах классиков марксизма-ленинизма.

Например, в 1918 г. автор «Руководства для устройства революционных трибуналов» и один из идеологов «красного террора» П.И. Стучка писал, что данные структуры в своих решениях «свободны в выборе средств и мер борьбы с нарушителями революционного порядка».

Через несколько лет, будучи Председателем Верховного Суда РСФСР, он формулирует несколько иную позицию: «мы должны избегать всяких теорий ревизионизма и экономизма, преподающих нам бессилие революционного закона над буржуазными производственными отношениями. Но мы одинаково осторожно должны относиться и к революционным законникам, верующим во всемогущество революционного декрета» [18, с. 179].

Отношение к проблеме менялось весьма медленно, под воздействием многих объективных условий, непосредственно связанных с управлением советским обществом. Так, с согласия партийных органов, по решению Президиума АН СССР от 5 октября 1936 г. создается Институт государства и права, где в его составе была образована секция «Государственное и административное право».

Одним из важнейших событий в истории развития отечественной юриспруденции явилось 1-е совещание научных работников права, проходившее в Москве 16–19 июля 1938 г., где активное участие принимал Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский.

Именно он, в своем заключительном слове, сформулировал определение, на многие будущие годы вошедшее в научную и учебную литературу: «право есть совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу [19, с. 183]».

На этом совещании принимается решение о восстановлении науки административного права. Отмечалось, что его роль возрастает в силу особой значимости государственного управления и необходимости разработки следующих вопросов: определение предмета и содержа-

ния науки советского административного права, а также полномочий органов государственного управления и методики анализа руководства социалистическим народным хозяйством. Вместе с тем, А.Я. Вышинский изложил два условия дальнейшего развития административного права: во-первых, его методологической основой должна выступать исключительно марксистско-ленинская идеология; во-вторых, обязательным элементом соответствующих научных разработок является критика системы буржуазного административного права.

В определенной мере, наличие означенных требований объяснялось тем, что «ближе к концу 1930-х гг. развитие государственного механизма происходило в уже окончательно сформировавшемся советском государстве с его тоталитарным политическим режимом, культом личности правителя, постоянным расширением территориального устройства и административно-командной системой управления» [20, с. 49–55].

В этом же году в университетах восстанавливается преподавание административного права. В журналах вновь появились статьи, посвященные проблемам этой отрасли. В них обсуждались вопросы о сущности и природе государственного управления, о его принципах и методах и ряд других актуальных тем.

Так, одним из активных сторонников восстановления и, своего рода реабилитации административного права в полном объеме, являлся С.С. Студеникин. Среди его работ того времени, увидевших свет в журнале «Советское государство и право» можно назвать статьи, имевшие основополагающее значение: «Некоторые вопросы советского административного права» (январь 1938 г.); «О предмете и системе советского административного права» (март 1939 г.).

В свою очередь, И.Н. Ананов в публикации «О кодификации советского административного права», появившейся на страницах журнала «Советская юстиция», поставил вопрос о продолжении исследований, связанных с созданием Административного кодекса (август 1939 г.).

Перед Великой Отечественной войной увидел свет первый в нашей стране учебник по советскому административному праву, подготовленный авторским коллективом в составе Г.И. Петрова, С.С. Студеникина и С.М. Чугунова [21].

В издании формулировались принципы, задачи, формы, методы и ряд иных вопросов, характеризующих систему государственного управления, сложившуюся в Советском Союзе. В частности, предмет административного права определялся через понятие исполнительно-распорядительной деятельности. В учебнике была обоснована фактически ставшая классической система административного права, состоящая из Общей и Особенной частей. Указанное деление существует и в настоящее время.

Кроме того, означенные специалисты подвергли анализу проблемы административной ответственности. В частности, предложили понятие административного правонарушения, обосновали необходимость его отграничения от преступлений и дисциплинарных проступков.

По мнению А.В. Кирина, «пусто и в идеологически выдержанной советской терминологии, в СССР была воспроизведена и фрагментарно даже развита принципиальная система и отчасти концепция дореволюционного полицейского (административного) права России, фактически подтвердившая преемственность и в советском праве значительной части традиций и наработок дореволюционной российской административно-правовой науки» [22, с. 36–41].

Таким образом, возрождение административного права как отрасли права необходимо отнести к последним предвоенным годам прошлого века. В решении столь фундаментальной задачи есть большая заслуга следующих ученых: И.Н. Ананова, С.М. Берцинского, В.А. Власова, Д.М. Генкина, В.Н. Дурденевского, В.К. Дябло, И.И. Ев-

тихиева, С.Ф. Кечекьяна, Б.А. Ландау, С.Л. Певзнера, К.И. Солнцева, И.С. Топчиева, А.М. Турубинера и др.

В своих трудах они обосновывали самостоятельность данной отрасли, раскрывали смысл и содержание государственной деятельности по управлению делами общества. Однако работу по расширенному анализу проблем административного права прервала начавшаяся Великая Отечественная война. Соответствующие изыскания возобновились лишь после победоносного разгрома нацистской Германии и ее сателлитов.

Уже в 1948 г. И.И. Евтихиевым была защищена докторская диссертация «Виды и формы административной деятельности», а в 1949 г. С.С. Студеникин также защищает докторскую диссертацию по теме: «Нормы административного права и их применение». Дальнейшие исследования актуальных проблем административного права и непосредственно административной ответственности вели ученые нового поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке: декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета и совета народных комиссаров // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 48. Ст. 603.
2. *Собрание узаконений РСФСР*. 1926. № 39. Ст. 304.
3. Нестерова А.А. История становления института административных комиссий // *Молодой ученый*. 2015. № 9. С. 864–869.
4. Дрейшев Б.В. Предупреждение как вид административного взыскания // *Правоведение*. 1970. № 3. С. 51–59.
5. О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР. изд. 1922 г., принятое на IV сессии 9 ноября 1922 г.: постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 70. Ст. 903.
6. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
7. Положение о Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции: декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 32. Ст. 384.
8. Положение о прокурорском надзоре // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 36. Ст. 424.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Прогресс, 1981. 417 с.
10. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Госполитиздат, 1965. 863 с.
12. Об административной высылке: декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 51. Ст. 646.
13. Берлявский Л.Г. Депортация ученых из советской России в 1922 г.: уроки истории // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2014. № 1. С. 29–41.
14. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. 640 с.
15. Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. Т. 3. М.: Голос, 1994. 352 с.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Госполитиздат, 1962. 584 с.
17. *Собрание узаконений РСФСР*. 1931. № 17. Ст. 186.
18. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. 748 с.
19. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы 1-го совещания научных работников права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 192 с.
20. Румянцев П.А. Развитие государственного механизма на уровне регионов страны в период становления советского государства // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2016. Т. 1. № 2. С. 49–55.
21. Петров Г.И., Студеникин С.С., Чугунов С.М. Советское административное право. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 431 с.
22. Кирич А.В. Этапы развития института административной ответственности в СССР // *История государства и права*. 2011. № 18. С. 36–41.

FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE SOVIET ADMINISTRATIVE LAW

© 2016

A.A. Gogin, doctor of Law, associate Professor Department of Theory of State and Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: administrative law; reform; power; position; sanction; expulsion; recovery; policy; intelligentsia.

Abstract: In this publication the historical aspect deals with some issues of formation and development of Soviet administrative law during the 20's – 40-ies of the last century. Particular attention is paid to the influence of the Bolshevik Party directives on adoption of certain legal acts that have had a significant impact on social relations in the country in the post-revolutionary period. The article on this issue also presents the findings of Russian scientists from various periods.

© 2016

Я.В. Гумениук, секретарь-референт управления по организационной работе и связям с общественностью мэрии г.о. Тольятти*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: структура права; норма права; гипотеза; санкция; диспозиция.

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме, поскольку норма права является структурной частью всей системы права и её основой. В статье рассматривается структура нормы права, проводится анализ различных точек зрения и взглядов на указанную юридическую категорию. Норма права рассматривается как первичный элемент механизма правового регулирования, проводится анализ точек зрения таких авторов, как А.Ф. Черданцев, А.Ф. Шебанов, С.С. Алексеев, Р.З. Лившиц. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в диспозицию нормы права включены, наряду с правами и обязанностями, запреты, ограничения и свободы. Еще одним заключением стало то обстоятельство, что регулятивные нормы имеют трехчленную структуру, в отличие от охранительных норм, состоящих из двух элементов.

В юриспруденции уже долгое время нормы права исследуют с точки зрения подхода, в соответствии с которым правильное понимание смысла норм зависит от понимания их структуры. Можно утверждать, что обращение к структуре права должно начинаться с рассмотрения вопроса о правовой норме. Подавляющее большинство юристов сходятся во мнении, что логическая структура правовой нормы выражается словесной формулой «если ... то ... иначе». В то же время в отношении обязательности присутствия в каждой правовой норме всех трех элементов, мнения рознятся. В качестве решения предлагается использовать дихотомию: норма права всегда или не всегда состоит из трех структурных компонентов [1; 2].

Понимается, что определение понятия «структура нормы права» является одним из основных моментов на пути концептуального перехода существующих знаний о норме права на новый уровень познания правовой материи. Например, понятие структуры это и есть основа при рассмотрении вопроса об ассоциативности норм, соотношении первичных и комплексных правовых средств, при анализе механизма реализации моделей поведения и эффекта асимметрии норм права. Выявление закономерностей взаимодействия составных частей нормы, способствующее преобразованию идеального (абстрактного) права в более стройную и логически выверенную систему законодательства просто невозможно без определения структуры нормы как таковой. Именно глубокая теоретическая проработка знаний о структуре позволяет последовательно развивать правовые суждения о функционировании, реализации, взаимодействии нормы с иными правовыми регуляторами и нормативными установлениями. По этой причине исследование существующих подходов к понятию структуры нормы крайне актуально [3].

Понятие структуры является основой при рассмотрении многих вопросов, касающихся нормы права. Выявление закономерностей при взаимодействии частей нормы дает преобразование идеального права в логически выверенную систему, которая не возможна без определения понятия структуры нормы. Ее глубокая проработка дает возможность развивать правовые суждения о взаимодействии с иными правовыми регуляторами. Поэтому исследование подходов к понятию структуры нормы очень актуально.

Рассматривая классическую структуру нормы права в регулировании социальных отношений, можно выделить три функциональные составляющие: выражение воли правотворческого органа в виде властного решения, общего правила; в виде критерия оценки людей (решение конфликтов, правовые споры); установление мер ответственности за неисполнение или несоблюдение. Именно в классическом виде норма права включает в себя три взаимосвязанных элемента: гипотеза, диспозиция и санкция [4].

Под гипотезой понимается какая-либо часть правовой нормы, указывающая на обстоятельства, при которых эта норма действует. Гипотеза придает обстоятельству юридический факт и описывает их. Рассматривая диспозицию, можно сказать, что это так же часть нормы права, но она указывает на то, каким должно быть поведение людей в тех или иных обстоятельствах, предусмотренных гипотезой. Совокупность мер государственного принуждения, которые применяются к нарушителю правовой нормы, называется санкция. Совокупность таких элементов образует логический смысл правовой нормы, который, в свою очередь, задается языковой формулировкой образующих её элементов [5]. А.В. Мицкевич подчеркивает, что структура правовых норм строится в виде трех структурных элементов деонтической логики (логики норм), получивших в правовой науке название гипотезы, диспозиции и санкции [6]. Вопрос о структуре правовой нормы является дискуссионным. Одни авторы считают, что норма права состоит из двух частей – гипотезы и диспозиции или диспозиции и санкции. Большинство же ученых-юристов придерживаются трехчленной структуры правовой нормы, состоящей из вышеперечисленных элементов: гипотезы, диспозиции, санкции.

У правоведов сходятся мнение по поводу того, что регулятивные нормы права имеют трехчленную структуру, в отличие от охранительных норм права. Относительно последних, правоведы склоняются к двучленной структуре, состоящей из диспозиции и санкции, а гипотезы нет. По мнению некоторых авторов, трехчленную структуру имеет и охранительная норма. Аргументируют это следующим: «диспозиция здесь – это всегда запрет совершать преступление. Запрет – не диспозиция нормы, а ее оператор, такой же, как дозволение или предписание. Дело в том, что диспозиция – не просто часть нормы права, а главный структурный элемент ее». По существу, диспозиция и есть норма права и как таковая она всегда должна содержать указание на положительный вариант поведения. В регулятивных нормах положительный вариант поведения, заключенный в диспозиции, дается обычно явно, открыто, поэтому обнаружить его легко. В охранительных нормах положительный вариант поведения, заключенный в диспозиции, чаще представлен в скрытом виде, поэтому его не всегда удается найти. Это и есть следствие недостаточно глубокого логического анализа структуры охранительной нормы, что ведет к неправильному выводу о том, что якобы охранительная норма, в отличие от регулятивной нормы, имеет двучленную структуру» [7].

Каждый из названных элементов имеет в структуре правовой нормы свое место и играет особую роль, вследствие чего, по справедливому суждению, сложившемуся в юридической науке, без гипотезы норма бессмысленна, без диспозиции немыслима, без санкции бессильна.

Вопрос о структуре правовой нормы является дис-

куSSIONным. Одни авторы считают, что норма права состоит из двух частей – гипотезы и диспозиции или диспозиции и санкции. Большинство же ученых-юристов придерживаются трехзвенной структуры правовой нормы, состоящей из вышерассмотренных элементов: гипотезы, диспозиции, санкции.

Нужно уделить внимание тому, что норма права и статья нормативного правового акта не всегда совпадают. Бывает, статья включает в себя несколько норм, бывает и наоборот – норма отражается в нескольких статьях, иногда в различных законах. Встречается выделение санкций тех или иных норм в отдельных статьях.

Под нормой права в литературе учебной и в науке также понимается нормативно-правовое предписание, которое обладает специфическими признаками (общеобязательное правило поведения, носит представительного-обязывающий характер и т. п.) и имеет специфическую структуру (гипотеза, диспозиция и санкция). Несмотря на это обнаружить норму права, которая состоит из трех составляющих крайне трудно. Как справедливо указывал Р.З. Лившиц, «по этой классической схеме правовая норма должна бы выглядеть примерно так: если имеют место такие-то обстоятельства (гипотеза), то участники отношений должны поступать так-то и так-то (диспозиция), в противном случае они подлежат такой-то ответственности (санкция). Но в законодательной практике нормы, построенные по этой классической схеме, почти не встречаются [7].

Некоторые авторы высказывают сомнения в отношении концепции о трехчленной структуре нормы права. Среди них А.Ф. Черданцев, который утверждает, что «следует иметь в виду, что между нормами права существует «разделение труда», то есть разделение их юридических функций: позитивное регулирование (регулирование нормы) и охранительное действие (охранительные нормы) и на этой основе – связи между нормами, их взаимодействие [8]. Нарушение регулятивной нормы включает действие нормы охранительной, предусматривающей принудительные меры штрафного (ответственность) или восстановительного характера. Ряд норм вообще не нуждается в такой части, как санкция, ибо их реализация может быть обеспечена иным способом. Например, в случае решения нормы, регулирующей отношения по купле-продаже (покупатель не оплатил купленный товар), суд может вынести решение на основе самой регулятивной нормы (ст. 454 Гражданского кодекса Российской Федерации), не имеющей санкции, обязав покупателя принудительным путем исполнить свою обязанность» [9].

Высказывания А.Ф. Черданцева заслуживают внимания, потому что за нарушение одной регулятивной нормы быть сразу несколько санкций, а вот второй довод вызывает сомнения, потому что неисполнение требований регулятивной нормы может вообще не повлечь за собой никаких правовых последствий. И приведенный Чердынцевым пример можно считать некорректным. С позицией о двучленной норме права был не согласен В.В. Субочев, считая, что такая структура упрощает механизм действия правовой нормы. С.С. Алексеев придерживается компромиссной позиции. Он выделяет нормы предписания и логическую норму, представляющую собой выявляемое логическим путем общее правило, которое воплощает органические связи между нормативными предписаниями (то есть внешними выражениями) и обладает полным набором свойств, раскрывающих их государственно-властную, регулятивную природу [10]. С.С. Алексеев говорит о том, в тексте нормативного акта логическая норма не представлена в виде одного целого фрагмента, а ее элементы разбросаны. Они находятся в ряде нормативных предписаний – это говорит о том, что расположены в различных статьях и других подразделениях текста акта или нескольких актов. Для этого понадобится логическая операция, которая включает анализ и синтез, для того, чтобы рассматривая фрагмен-

ты текста, выстроить из предписаний логическую норму. Алексеев делает вывод, что логическая норма – это сумма двух различных нормативных предписаний: одно состоит из гипотезы и диспозиции, а другое – санкции за нарушение диспозиции. При таком толковании нормы идет нарушение самих критериев деления нормы права на норму: предписание и логическую норму. На данный момент спектр определений структуры достаточно обширен [11].

Структура системы права – понятие, отражающее строение всего права в целом. Структурные связи системы права пронизывают все нормы права. Изучение структуры нормы права невозможно проводить в отрыве от структуры системы права, ибо структурные связи нормы права неразрывно связаны с внешней средой нормы права – системой права. Ровным счетом невозможно изучать структуру системы права без учета строения ее первичных элементов [12].

Исследуя варианты диспозиции нормы права (ограничительные диспозиции, закрепительные, рекомендательные, управомочивающие, обязывающие, поощрительные, представительного-обязывающие, запретительные, уполномочивающие) можно сказать, что в ней могут быть не только права и обязанности субъектов, но и запреты, полномочия, ограничения и свободы, которые и являются структурными элементами диспозиции нормы. В основном, определение санкции это и есть неблагоприятные последствия, которые возникают вследствие нарушения диспозиции правовой нормы. На данный момент можно говорить о том, что санкция нормы включает в себя и негативные последствия и позитивные – в виде наказания и поощрения. Это отслеживается в ряде фундаментальных и научно-исследовательских работ. Основным является обстоятельство, показывающее недостаточность отнесения содержания санкции нормы лишь к негативным последствиям для нарушителя, она гораздо глубже по своему функционалу. Вообще, принуждение – это обычный признак санкции норм права. Санкция отличается также содержанием в себе мер, которые по правовому эффекту не схожи со средствами, установленными в диспозиции. Эти меры – либо наказание, либо поощрение – влекут дополнительную выгоду или лишения для субъекта права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азми Д.М. Норма права: структура, форма, разновидности // Академический юридический журнал. 2010. № 3. С. 4–11.
2. Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Эксмо, 2009. 496 с.
3. Илалутдинов А.И. Понятие и сущность структуры норм права // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 74–80.
4. Илалутдинов А.И. Структура нормы права и правовые средства: вопросы соотношения // Актуальные проблемы экономики права. 2012. № 1. С. 207–211.
5. Поляков А.В. Общая теория права. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. 863 с.
6. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. М.: Норма, 1999. 832 с.
7. Лившиц Р.З. Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.
8. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М.: Юрайт-М, 2002. 432 с.
9. Рыбушкин Н.Н., Краснов А.В. Запрет и санкция нормы права в контексте предмета и метода правового регулирования // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 4. С. 36–43.
10. Субочев В.В. Законные интересы // Проблемы теории государства и права. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 362–380.
11. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010. 471 с.

12. Воронин М.В. Структура норм права как проявление системности права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4. С. 14–23.

THE STRUCTURE OF THE LAW

© 2016

Ya.V. Gumenuk, management administrative assistant for organizational work and public relations
Mayor G.O. Tolyatti
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: the structure of the law; rule of law; hypothesis; warrant; disposition.

Abstract: The article is devoted not today, as the rule of law is a structural part of the whole system of law and its foundation. The article discusses the structure of the law, analyzes various points of view and opinions on specified legal category. Rule of law is regarded as a primary element of the mechanism of legal regulation, the analysis of viewpoints of authors such as A.F. Cherdantsev, A.F. Shebanov, S.S. Alekseev, R.Z. Livshits. In result of the conducted research the author comes to the conclusion that the disposition of the law are included, along with rights and duties, prohibitions, restrictions and freedom. Another conclusion was the fact that regulatory standards have a tripartite structure, in contrast to the enforcement of norms, consisting of two elements.

А.В. Закомолдин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь; процессуальный статус; защита; адвокат-защитник; допрос; следственные действия; подозреваемый; обвиняемый.

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам юридической практики в уголовном судопроизводстве, а именно вопросам реализации права обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела; даны практические рекомендации по участию адвоката в уголовном судопроизводстве на основе современного законодательства.

Обращаясь к вопросу обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства со стороны защиты в досудебном производстве, представляется целесообразным обратиться к праву обвиняемого, а также его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела. Данное правомочие сложно переоценить, поскольку его реализация даёт возможность обвиняемому и его защитнику полностью изучить и оценить все собранные по делу доказательства и на основании этой оценки уточнить позицию защиты. Ознакомление с материалами уголовного дела также позволяет проверить всесторонность, полноту и объективность предварительного расследования.

Ознакомление с материалами уголовного дела следует рассматривать исключительно как право, а не обязанность стороны защиты, поскольку отказ от его реализации обвиняемым и адвокатом-защитником не станет препятствием к производству иных процессуальных действий по данному делу.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР) [1] предусматривал право адвоката и его подзащитного, в процессе ознакомления с материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме. В новом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ) законодатель определённым образом учел достижения технического прогресса и включил в текст ч. 2 ст. 217 возможность снимать копии с документов посредством технических средств (ч. 2 ст. 217 УПК РФ).

Однако, исходя из смысла и содержания ст. 47 УПК РФ, копии с материалов уголовного дела должны сниматься за счет средств обвиняемого. Иными словами, обеспечение обвиняемого (а также его защитника) специальным оборудованием для копирования документальных материалов не входит в должностные обязанности следователя.

В этой связи А.С. Епанешников считает, что «если адвокат участвует в предварительном расследовании по соглашению, то копирование материалов по его ходатайству или ходатайству подзащитного должно осуществляться за счет средств, предоставляемых адвокатом либо обвиняемым. Если же защита осуществляется по назначению органа предварительного расследования, то исполнение копий должно производиться за счет средств государственного бюджета» [3].

В контексте развития информационных технологий, ряд исследователей обоснованно обращает внимание на необходимость расширения возможностей, связанных с изготовлением «копий материалов уголовного дела в суде с целью соблюдения прав сторон, последующего снижения служебной нагрузки на судей и работников судов, которая будет иметь значение, разумеется, если у сторон будут копии материалов уголовного дела, собранных органами предварительного следствия» [4].

Для этих целей выдвигается идея использовать участки сканирования судебных дел, формируемые в судах в

соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 1735-р [5].

Кроме того, как отмечается некоторыми исследователями [4; 6] использование при ознакомлении участников процесса с материалами уголовного дела электронных копий судебных актов может помочь исключить возможность порчи процессуальных документов (в том числе умышленной).

Практике расследования многоэпизодных уголовных дел с большим числом лиц, привлекаемых к ответственности, знакомы случаи составления следователями специальных графиков ознакомления с материалами дела, однако, подобное не имеет под собой внятной правовой основы, поскольку УПК РФ не предусматривает данного процессуального документа.

В этой связи следует констатировать, что подобный график можно рассматривать лишь в качестве рабочего документа следователя, не имеющего процессуального значения. Соответственно, подписание такого графика является правом, а не обязанностью адвоката-защитника.

На основании ч. 3 ст. 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник не могут быть ограничены во времени, которое необходимо им для того, чтобы ознакомиться со всеми материалами уголовного дела. Такая норма в российском уголовном процессе стала своего рода новеллой, однако в июле 2003 г. редакция обозначенной статьи была дополнена положением о том, что в случае явного затягивания времени ознакомления с материалами дела обвиняемый, содержащийся под стражей, и его защитник могут быть ограничены во времени на ознакомление по судебному решению.

Таким образом, на законодательном уровне было обозначено, что «факты искусственного затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела имеют место на практике и такие ситуации нуждаются в урегулировании» [7].

Следует сказать о том, что, оценивая конституционность данной нормы, Конституционный Суд Российской Федерации не счёл положения ч. 3 ст. 217 УПК РФ неконституционными, поскольку она не предполагает произвольное и необоснованное принятие судом решения об установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела. В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ судебные решения должны отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, суд при установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела обязан привести фактическое и правовое обоснование такому решению, которое в целях обеспечения объективности и справедливости, во всяком случае, должно быть мотивировано ссылками на конкретные обстоятельства, а также на нормы материально-го и процессуального права [8].

Вместе с тем, следует отметить, что текст дополнения, внесённого в 2003 г. в рассматриваемую нами статью УПК РФ, был сформулирован неудачно: судом может быть принято решение об ограничении времени, от-

ведённого на ознакомление с материалами дела, только при вполне определённых условиях:

- если обвиняемый, затягивающий время ознакомления, *содержится под стражей*;
- если обвиняемый и защитник *явно затягивают* время ознакомления.

Толкование подобной нормы приводит к выводу о том, что инициатором искусственного затягивания времени на ознакомление с материалами дела может быть только обвиняемый, который содержится под стражей.

В 2009 г. ч. 3 ст. 217 УПК РФ претерпела очередное изменение, в котором законодатель всё же учёл обозначенную выше ошибку, убрав из текста статьи указание на «содержание под стражей».

Но как быть, если подобное действие совершает какой-либо иной участник уголовного процесса – например, потерпевший? В данном случае, исходя из толкования рассматриваемой нормы, следователь не уполномочен установить ограничение для данного лица по времени на ознакомление с материалами дела, даже если будет установлен и подтвержден факт явного затягивания процесса ознакомления. В подобной ситуации следователь может ходатайствовать перед руководителем следственного органа о необходимости продления срока предварительного следствия.

Законодателем также не было конкретизировано, в чем именно может заключаться явное затягивание ознакомления с материалами дела. По сути, у различных участников производства по делу будет разное понимание категории «явное затягивание». Можно ли расценивать в качестве факта явного затягивания времени обстоятельный, хотя и медленный, процесс изучения материалов уголовного дела?

Думается, что категория «явное затягивание» является оценочной. В каждой конкретной ситуации факт «явного затягивания» должен быть должным образом обоснован и подтвержден объективными данными.

Таким образом, рассмотренное право обвиняемого и

его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела оставляет открытым вопрос для научных дискуссий в связи с неоднозначностью толкования ряда законоположений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52-1. Ст. 4921.
3. Епанешников А.С. Защита прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого в российском досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 210 с.
4. Ринчинов Б.А. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2015. № 1. С. 24–26.
5. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.»: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 1735-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 40. Ст. 5474.
6. Коротков В. Электронные архивы судебных дел // Юридический мир. 2010. № 11. С. 63–64.
7. Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 230 с.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литовской Республики Паулюкаса Донатаса на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 г. № 1211-О-О // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.

ACQUAINTANCE WITH THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE

AS A PROBLEM OF THE RIGHTS REALIZATION OF THE ACCUSED AND HIS DEFENDER

© 2016

A.V. Zakomoldin, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the chair «Criminal procedure and criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: qualified legal aid; defend; defender; preliminary investigation; accused.

Abstract: This article deals with the problems of practice of law in criminal procedure and acquaintance with the materials of the criminal case as a problem of the rights realization of the accused and his defender; gives practical recommendations concerning participation of an advocate in criminal procedure on the basis of new legislation.

НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АКТОВ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА

© 2016

С.Б. Котляров, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права»
Е.А. Чичеров, кандидат философских наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права»
*Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
Саранск (Россия)*

Ключевые слова: правоприменительный акт; правовое регулирование; юридическая техника; административный регламент; унификация и стандартизация актов применения права.

Аннотация: В статье исследуется проблема совершенствования актов применения права. Показано, что акты применения права обладают юридической силой только в том случае, если изданы соответствующе уполномоченными властными субъектами. Авторы разрабатывают предложения по совершенствованию юридической техники составления актов применения права.

Современные темпы развития экономической, социальной, политической и иных сфер жизни общества обуславливают потребности внутреннего развития его правовой системы. Новые тенденции правового развития, необходимость учета требований, выработанных мировым сообществом, формируют новый облик правоприменительной практики, рассчитанной, прежде всего, на защиту прав людей, их коллективов и организаций.

К числу важнейших юридических средств правового регулирования относятся правоприменительные акты, порождающие индивидуально-определенные юридические последствия, связанные с удовлетворением личных и общественных интересов и потребностей.

В актах применения норм права, независимо от того, являются ли они решениями судебных органов или актами административных органов и должностных лиц, всегда усматривается авторитет и сила государства. Они охраняются и обеспечиваются государством в той же мере, что и нормативно-правовые акты, на основании и для исполнения которых создаются данные акты.

Именно качество правоприменительных актов, их соответствие целям и принципам правового регулирования являются важнейшим фактором эффективности права, ярким показателем правового развития общества.

В этой связи системное изучение природы и функций правоприменительных актов, их роли в механизме правового регулирования представляется как научно, так и практически значимым.

Более обстоятельное изучение требует технология подготовки и реализации правоприменительных актов, их действия во времени и пространстве, по адресатам, а также вопросы обеспечения качества и эффективности данного вида актов, проведения их мониторинга.

Цель и задачи правоприменительных актов определяют технологию их подготовки, приемы составления и оформления. Несмотря на многообразие правоприменительных актов, а значит, и технологических особенностей их создания и оформления, можно выделить ряд основных составляющих правоприменительной техники.

Во-первых, это правила изложения содержания. Например, для судебных решений законом предусмотрено изложение мотивов его принятия, краткое содержание заявленных требований и возражений, объяснений и ходатайств сторон. В описательной части судебного решения должны быть указаны фактические и иные обстоятельства дела, установленные соответствующим судом, доказательства, на которых суд основывает выводы и т. д. В мотивировочной части указываются юридические обоснования принятого судом решения, резолютивная часть данного вида акта содержит выводы об удовлетворении или отказе в удовлетворении (полностью или частично) каждого из заявленных требований.

Каждый из правоприменительных документов тем самым предполагает соответствующее изложение содержания, выраженное с использованием приемов юридической техники.

Следующим важным компонентом юридической техники правоприменительного акта являются логико-языковые правила. Они представляют собой установления логики и языковые приемы изложения содержания правоприменительного решения. Следует иметь в виду, что языковая и терминологическая основа правоприменительного акта не должна существенно расходиться с языком нормативно-правовых актов. Вместе с тем, стиль правоприменительных актов должен соответствовать их целевому назначению – регулированию конкретного индивидуально определенного юридического дела. Поэтому он предполагает использование иных стилевых требований. Нормативный стиль является более строгим, в его основе прискрептивная логика (логика повелевающих правил). В то время как индивидуально-правовые документы хотя и основаны на нормах права, используют единую с ними терминологию, но не повторяют, не дублируют правовых норм, а излагают фактические обстоятельства, позволяющие применять юридические предписания. В этом случае требуется более свободный стиль изложения.

Важное значение для повышения качества правоприменительного акта имеют четко выработанные правила построения текста документа. Индивидуальный акт должен иметь строго определенный предмет регулирования, он должен быть привязан с помощью соответствующей юридической конструкции к конкретным фактическим обстоятельствам. Этой логике соответственно должна быть подчинена и структура документа, строящаяся на логически последовательном изложении его содержания, отражающем суть и цель правоприменительного акта. Каждая часть документа выделяется с помощью правил рубрикации (абзацы, нумерация, интервалы и т. д.).

В частности, во вводной части предписания об устранении нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и нарушений природоохранных требований, выносимых Федеральной службой по надзору в сфере природопользования и ее региональными управлениями, указываются: дата и место его составления, нормативные акты, которыми руководствуется федеральный инспектор, номер документа, удостоверяющий его официальные полномочия, лицо, которому адресовано предписание.

Далее следует содержание самого предписания, сроки его выполнения, юридическое основание предъявляемых требований.

В заключительной части указываются права и обязанности сторон, меры ответственности за невыполнение предъявляемых требований.

К структурным правилам оформления правоприменительного акта тесно примыкают графические. В частности, способ или форма выражения структуры, композиция акта применения права. Тексты индивидуально-правовых актов зачастую символизированы различными рода тематическими изображениями. Так, на свидетельстве об отводе земли под индивидуальное жилищное

строительство сверху листа изображен дом и приусадебный участок. Таким образом, при помощи правоприменительной графики, ее реквизитов текст индивидуально-правового акта приобретает свою композиционную стройность, логическую последовательность, внешнюю индивидуальность.

Каждый правоприменительный акт должен иметь необходимые реквизиты, отражающие его юридическое предназначение, правовую определенность, юридическую силу, регулятивные свойства, пределы действия. Имеются в виду так называемые правила легализации или реквизитные правила. Правоприменительный акт должен иметь соответствующее наименование (определение, постановление, протест, заключение и т. д.), а также указание на орган, его издавший, дату, место принятия, содержание вопроса, в связи с которым он издается. Обязательным реквизитом должна быть подпись лица, от которого исходит правоприменительное решение, его должность.

Таким образом, несмотря на то, что техника составления правоприменительных актов во многом носит отраслевой характер, можно выделить и некоторые общие требования к их форме и содержанию.

Во-первых, правоприменительный акт, как и каждый официальный документ, должен быть надлежащим образом оформлен, иметь необходимые «привязки» к месту, времени, субъектам, обстоятельствам и т. д. Эти «привязки» находят выражение в реквизитах документа, в наименовании органа, издавшего или выдавший данный акт, в указании времени и места выдачи (или принятия), адресата, к кому он обращен (или которому выдан), подписи соответствующих должностных лиц, а в необходимых случаях и печать.

Во-вторых, данный акт должен иметь конкретизированное юридическое содержание (фиксация какого-либо юридического факта, решение органа). Он должен быть ясным, четким, кратким, однозначным, то есть не вызывающим двойственного толкования или сомнения.

В-третьих, язык правоприменительных актов по своей терминологии, стилю изложения не должен расходиться с языком нормативных актов. Отсюда большинство требований, предъявляемых к стилю нормативных актов, относится и к стилю индивидуальных юридических документов.

Основные требования, которые предъявляются к актам применения права, заключаются в том, чтобы они:

- строго соответствовали нормативным правовым актам, на основе которых они издаются;
- издавались в пределах компетенции правоприменительного органа и должностного лица;
- содержали глубокую и всестороннюю мотивировку;
- имели все необходимые реквизиты, придающие данным актам официальный характер [1, с. 331].

Важное техническое значение имеет выработка процессуального порядка подготовки и принятия правоприменительного акта. Существует достаточное число нормативных документов – административных регламентов, которые в существенной степени определяют процедуру подготовки, принятия и реализации правоприменительных актов. Например, действуют такие регламенты, как Административный регламент Федеральной налоговой службы исполнения государственной функции по бесплатному информированию налогоплательщиков о действующих налогах и сборах, порядке уплаты налогов и сборов, правах и обязанностях налогоплательщиков, полномочиях налоговых органов и должностных лиц, а также предоставлению форм налоговой отчетности и разъяснению порядка их заполнения; Административный регламент исполнения Федеральной регистрационной службой государственной функции по предоставлению апостиля на официальных документах, подлежащих вывозу за границу, Административный регламент Федеральной службы по надзору в сфере природополь-

зования по исполнению государственной функции по контролю и надзору за соблюдением в пределах своей компетенции требований законодательства Российской Федерации в области охраны атмосферного воздуха и др. Однако, единый законодательный акт, определяющий порядок принятия и структуру самих регламентов отсутствует.

Правоприменительных актов великое множество. Поэтому они, безусловно, нуждаются в определенной унификации, стандартизации, что не только облегчает их составление и использование, но и способствует упорядоченности правового регулирования.

Стандартизация и унификация позволяют рационализировать, удешевить и упростить создание документов, использовать для их составления менее квалифицированные кадры и простые средства оргтехники, электронно-вычислительную технику.

Унификация и стандартизация правоприменительных актов достигаются следующими путями:

- установления требований к документам в законах, утверждением соответствующими органами бланков, формуляров юридических документов;
- перечисления в соответствующих процессуальных нормах обязательных реквизитов и определения их структуры. Например, в ст. 127 Арбитражного процессуального кодекса РФ [2] определяется структура решения арбитражного суда, перечисляются необходимые реквизиты. То же самое мы находим и в других процессуальных кодексах; так, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ каждой составной части приговора посвящается отдельная статья.

Важное значение в технологии создания правоприменительного акта имеет стиль и логика изложения индивидуально-властного решения. Главное, что определяет стиль правового акта (в том числе и правоприменительного), состоит в том, чтобы обеспечить сочетание, с одной стороны, доступности и убедительности нормативных документов, а с другой – их точности, определенности и высокой юридической культуры.

Основные требования к стилю и языку актов выражаются, в частности, в необходимости использования в тексте терминов с четким и строго очерченным смыслом, употребления слов и выражений в прямом и непосредственном их значении, отказа от неоправданных неологизмов, неустоявшихся терминов, жаргонизмов, перебора с иностранной лексикой. В ряде европейских стран, например, во Франции, Великобритании, Испании и других, огромное внимание уделяется бережному отношению к национальным языкам не только в духовно-культурной сфере, но и в административно-государственной деятельности, правоприменительной практике [3, с. 93].

Юридическая техника непременно предполагает логически последовательное изложение содержания правового акта, строго выдержанный профессиональный стиль и язык и вместе с тем его простоту, понятность, доступность широким слоям населения. Трудно переоценить значение логики, ибо вряд ли можно назвать какую-нибудь иную область общественной практики, где алогично построенная фраза, разрыв между мыслью и ее текстуальным выражением, неверно или неуместно использованное слово способны повлечь за собой тяжелые, иногда даже трагические последствия.

Политические режимы выступают в качестве трансформации социальных систем любого общества. Под трансформацией следует понимать развитие политических режимов во времени и пространстве в рамках определенных механизмов, характеризующих кооперативное взаимодействие элементов систем, и развитие как особого рода связь состояний элементов систем. Основные признаки развития – это качественный характер изменений на уровне системы, необратимость и направленность. С учетом комплексности в представлении понятия развития можно говорить о внутреннем механизме

развития, в таком случае – это качественные, необратимые, направленные изменения, обусловленные противоречиями системы [4, с. 2].

Особые требования к техническому совершенствованию правоприменительных актов обусловлены его важной ролью в охране правопорядка, прав и законных интересов личности, общества и государства. В нем напрямую отражается компетентность и профессионализм управомоченного лица, применяющего нормативное предписание. Акт применения права выражает волю государства в решении наиболее важных проблем государственной и общественной жизни.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что каждый из правоприменительных документов предполагает соответствующее изложение содержания, выраженное с использованием приемов юридической техники. Этой логике соответственно должна быть подчинена и структура документа, правила легализации.

Главное, что определяет стиль правового акта (в том числе и правоприменительного) состоит в том, чтобы обеспечить сочетание, с одной стороны, доступности и убедительности документов, а с другой – их точности, определенности и высокой юридической культуры.

Важное техническое значение имеет выработка про-

цессуального порядка подготовки и принятия правоприменительного акта. На сегодняшний день существует множество административных регламентов, регулирующих процедуру подготовки и принятия правоприменительных актов в отдельных сферах управленческой деятельности, однако отсутствуют единые законодательные требования к их структуре и содержанию.

Преодолению проблем, связанных с множественностью правоприменительных актов, во многом призвана способствовать их унификация и стандартизация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юридический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2009. 816 с.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 86–96.
4. Лаврентьева Е.В., Котляров С.Б. Положительные и отрицательные стороны демократического и тоталитарного режима // STUDIUM. 2014. № 4-1. С. 2–5.

THE NEED FOR TECHNICAL IMPROVEMENT OF ACTS OF LAW

© 2016

S.B. Kotlyarov, candidate of historical sciences, associate professor of the theory and history of state and law
E.A. Chicherov, candidate of philosophical sciences, associate professor of the theory and history of state and law
Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Saransk (Russia)

Keywords: enforcement act; legal regulation; legal technician; administrative regulations; standardization of acts of law.

Abstract: In article the problem of improvement of acts of use of the right is investigated. It is shown that acts of use of the right have validity only if are published suitably by authorized imperious subjects. Authors develop suggestions for improvement of the legal technology of drawing up acts of use of the right.

К.Е. Кошелева, студент Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: фирменное наименование; средства индивидуализации; интеллектуальная деятельность; предпринимательская деятельность; государственная регистрация.

Аннотация: В данной работе рассматриваются вопросы правовой природы фирменного наименования, распространенные случаи возможного нарушения прав на фирменное наименование, а также проводится анализ научных трудов по тематике «Проблемы правового регулирования в сфере защиты прав юридических лиц на результаты интеллектуальной деятельности».

В эпоху бурного экономического развития во всем мире, и в России в частности, большое внимание уделяется различным средствам индивидуализации, как коммерческих организаций, так и индивидуальных предпринимателей и их правовой защите, без которой невозможно создать условия для предпринимательской деятельности связанной с извлечением прибыли.

В наше время перенасыщение рынка различными товарами и услугами является одним из условий существования рыночной экономики. При дальнейшей динамике появления все новых и новых товаров и услуг, обойтись без индивидуализации этих составляющих рынка не представляется возможным.

Средство индивидуализации – это обозначение, служащее для различения тех или иных товаров и услуг, предприятий и организаций, которые приравниваются к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности. К ним относятся фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, а также коммерческие обозначения.

Одним из средств индивидуализации юридических лиц является фирменное наименование, которое представляет собой название юридического лица, определенное в его учредительных документах и занесенное в Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГРЮЛИП).

Фирменное наименование является своего рода лицом определенного юридического лица. Оно помогает ему вести свою предпринимательскую деятельность, выполняя главную свою задачу – индивидуализация организации.

Анализируя понятия «фирменного наименования», можно выделить следующие мнения авторов (указан только один автор).

Г.Ф. Шершеневич считает, что фирменное наименование – это средство индивидуализации коммерческих юридических лиц, представляющее собой название организации. Оно есть у каждого коммерческого юридического лица, что отличает его от всех других средств индивидуализации.

В литературе советского периода можно встретить следующие определения: «фирма – это наименование предприятия; фирма – это юридическое лицо, выступающее в торговом обороте». Здесь можно подчеркнуть, что некоммерческие организации и индивидуальные предприниматели права на фирменное наименование не имеют. Наименование некоммерческой организации буквально охраняется законом, что следует из Федерального закона «О некоммерческих организациях», но суды в защите права на него, как правило, отказывают.

Согласно п. 3 ст. 1474 Гражданского кодекса Российской Федерации не допускается использование фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию другого юридического лица. Суммируя вышесказанное, можно сказать о том, что юридическое лицо может иметь фирменное наименование, которое:

1. Не было использовано другим юридическим лицом для осуществления аналогичной деятельности.
2. Не было включено в реестр ЕГРЮЛИП и закреп-

лено за фирмой, которая имеет сходную организационно-правовую форму с регистрируемым юридическим лицом.

Два этих компонента должны быть в совокупности. Данная модель была предложена В.В. Розенбергом и до сегодняшнего времени не претерпела каких-либо существенных изменений.

По мнению некоторых авторов, указание в законодательстве Российской Федерации на то, что юридические лица имеют право или должны иметь полное или сокращенное наименование, является основанием для выделения двух видов фирменных наименований: полное и короткое.

В силу множества различных спорных ситуаций и судебных разбирательств в этой сфере, очень важно знать, как правильно и с юридической точки зрения (разговорный стиль) грамотно защитить свои права, связанные с фирменным наименованием.

Обычно прибегают к следующим способам защиты фирменного наименования:

- требованию о смене названия юридического лица, нарушающего исключительное право;
- запрету использования обозначения, тождественного или сходного до степени смешения с наименованием. Например, запрет использования коммерческого обозначения;
- признанию недействительной правовой охраны товарного знака;
- возмещению убытков, причиненных незаконным использованием. Этот способ защиты используется крайне редко, поскольку по делам о нарушении прав на интеллектуальную собственность сложно доказать точный размер убытков.

Этот перечень не является исчерпывающим. В зависимости от обстоятельств дела защита фирменного наименования может осуществляться другими способами.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что право интеллектуальной собственности приобретает все большую актуальность в наше время. Сфера применения норм данной отрасли гражданско-правовых отношений необычайно широка. Поэтому понимать и правильно ориентироваться в этой сфере гражданских права просто необходимо, учитывая важность и многочисленность споров, которые возникают в ней в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс РФ. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. № 289. С. 543–544.
2. О некоторых вопросах возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ: постановление Пленума Высшего Арбитражного и Верховного суда РФ от 26.06.2009 // Федеральные арбитражные суды Российской Федерации. URL: arbitr.ru/as/pract/post_plenum/23485.html.
3. Розенберг В.В. Фирма. Догматический очерк. СПб.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1914. 189 с.

4. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. М.: Спарк, 1994. 336 с.

PROTECTION OF THE RIGHT TO A BRAND NAME

© 2016

K.Ye. Kosheleva, student of Law Institute
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: company name; means of an individualization; intellectual activity; entrepreneurial activity; state registration.

Abstract: This paper discusses the issues of the legal nature of a trade name, common cases of possible violations of the rights to the trade name, as well as an analysis of scientific papers on the subject of «problems of legal regulation in the sphere of protection of the rights of legal entities on the results of intellectual activity».

Е.Н. Крамаренко, начальник отделения

Следственное управление Управления Министерства внутренних дел по городу Тольятти, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: государство; закон; правоспособность; дееспособность; некоммерческие организации; статус; кодекс; позиция; ответственность.

Аннотация: В предлагаемой статье рассматриваются вопросы, характеризующие статус, права и обязанности некоммерческих организаций, действующих на территории Российской Федерации. Автор формулирует выводы о том, что в нашей стране соответствующие образования призваны сыграть достаточно весомую роль в развитии и становлении элементов современного гражданского общества.

В условиях существующих экономических реалий существенную роль в формировании гражданского общества играют некоммерческие организации (далее – НКО), которые приносят в общественные связи новые элементы самоуправления; акцентируют приоритет правовых ценностей; формируют уверенность граждан в равноправии их статуса в отношениях с государством.

Нередко они работают эффективнее, качественнее, с искренней заботой о людях. Во многих случаях указанные образования способны успешно заменить пассивность некоторых бюрократизированных органов исполнительной власти, призванных выполнять различные социальные программы.

Неслучайно Президент РФ В.В. Путин в своем Послании Федеральному собранию от 3 декабря 2015 года указал на необходимость уделить особое внимание деятельности НКО. В частности, глава государства предложил оказывать государственную поддержку некоммерческим структурам, имеющим социальную направленность. В этом плане некоторым из них может быть придан особый правовой статус.

В соответствии с данными информационного агентства России ТАСС на 17 июня 2016 г. Минюстом зарегистрировано 227 397 некоммерческих организаций, в том числе в Москве – 33 800, в Московской области – 15 000, в Санкт-Петербурге – 12 200.

Понятие НКО содержится в ст. 2 ФЗ РФ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 2 июля 2016 г.). Он определяет некоммерческую организацию «как не имеющую извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющую полученную прибыль между участниками» [1].

В свою очередь, Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ) сформулировано правовое положение потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций, (объединений), которые по своему статусу, в известной степени, сопоставимы с НКО [2].

На основании п. 1 ст. 49 ГК РФ некоммерческая организация может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в ее учредительном документе (уставе), и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Общая цель создания некоммерческих организаций заключается в достижении различных социальных благ.

Ведущие отличия между коммерческой и некоммерческой организацией лежат в области их правоспособности как субъектов предпринимательской деятельности. Участие некоммерческой организации в гражданских правоотношениях неизбежно обусловлено объемом ее правоспособности и дееспособности.

Все субъекты права обладают двумя юридическими качествами: правоспособностью и дееспособностью. В отношении физических лиц (граждан) данный вопрос детально урегулирован в российском законодательстве. Что же касается юридических лиц (организаций), то рассматриваемая проблема не нашла однозначного ответа в законодательстве и научных работах. Фактически

ГК РФ дает определение лишь правоспособности юридического лица, но ничего не говорит о его дееспособности. При этом в большинстве случаев вопрос дееспособности таких образований исследуется в совокупности с их правоспособностью.

Полагаем, что в гражданско-правовых отношениях категории правоспособности и дееспособности объективно зависимы друг от друга. Дееспособность выражается в поведении определенных физических лиц, выступающих от имени юридического лица. Между тем в случаях с НКО роль и влияние государственных органов на правовое регулирование дееспособности указанных образований весьма существенна.

Некоторые исследователи считают, что закрепление в законодательстве такой отдельной нормы, как «дееспособность юридического лица», имеет право на жизнь. При этом в научном и судебном сообществе должно сложиться четкое разграничение таких понятий, как «правоспособность юридического лица» и «дееспособность юридического лица», чтобы на практике не возникало коллизий закона. [3]

П. 1 ст. 49 ГК РФ устанавливает, что юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительном документе, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. В то же время коммерческие организации, за исключением предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом.

Толкование диспозиции данной статьи повлекло различные точки зрения по вопросу об объеме правоспособности юридических лиц. Большинство ученых была занята позиция о разделении правоспособности юридических лиц на два вида: общую (универсальную) и специальную.

Так, Е.А. Суханов считает, что правоспособность (правосубъектность) всех коммерческих организаций, за исключением предусмотренных законом, в отличие от правосубъектности некоммерческих организаций, является общей [4].

Идентичной позиции правоспособности коммерческих организаций придерживаются В.А. Рахмилович [5], М.И. Брагинский, В.В. Витрянский [6], В.В. Лаптев [7] и другие исследователи. Сходные выводы также изложены в совместном постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ [8].

Вместе с тем некоторые авторы не согласны с указанной трактовкой, считая, что правоспособность юридического лица всегда специальная. В соответствии с такой позицией юридическое лицо правоспособно лишь в пределах той цели, для достижения которой оно установлено.

Например, В.П. Мозолин полагает, что правосубъектность юридических лиц во всех случаях является специальной (целевой), поскольку в теории права под общей правосубъектностью понимают способность лица быть субъектом права вообще в рамках системы права, т. е. его

возможность иметь любые права и обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности.

Специальная (ограниченная, целевая) правосубъектность – способность лица быть носителем лишь определенного объема прав, выступать участником ограниченного (в той или иной степени) круга правоотношений [9].

Для более детального анализа понятия «специальная правоспособность», ключевое значение имеет такой термин, как «цель деятельности». Цели деятельности НКО устанавливаются законом и уставом (п. 1 ст. 52 ГК РФ). По определению в качестве основной цели деятельности означенных образований не может быть извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Примерный (открытый) перечень их основных общественно полезных целей деятельности прописан в п. 2 ст. 2 ФЗ РФ «О некоммерческих организациях».

Правоспособность НКО, как и любого юридического лица, возникает и прекращается в момент внесения в единый государственный реестр юридических лиц соответствующих сведений. Статус юридического лица позволяет НКО защищать свои имущественные права и интересы, а также обязывает их нести юридическую ответственность за ущемление прав и законных интересов других юридических и физических лиц.

Вопрос о содержании специальной правоспособности НКО являлся предметом дискуссий исследователей. Так, С.Н. Братусь [10], И.В. Елисеев [11] и другие ученые убеждены, что принцип специальной правоспособности состоит в том, что соответствующие юридические лица могут совершать только такие юридически значимые действия, которые отвечают целям их деятельности, предусмотренным в уставе или ином учредительном документе, и нести связанные с этой деятельностью обязанности.

Отдельные исследователи указывают, что специальная правоспособность означает соответствие видов деятельности организации не только целям ее деятельности, но и предмету, который согласно п. 2 ст. 52 ГК РФ, должен учитываться в учредительных документах НКО, унитарных предприятий и некоторых других организаций наряду с целями их деятельности.

Специальная правоспособность некоммерческих организаций, сформулированная в п. 1 ст. 49 ГК РФ и п. 1 ст. 24 Закона «О некоммерческих организациях» имеет существенные ограничения:

1) ограничения правоспособности, в равной степени распространяющимися на все юридические лица и установленные в зависимости от вида осуществляемой деятельности: прямо прописанный в законе запрет на осуществление отдельных видов деятельности, установленная государственная монополия и обязательность лицензирования отдельных видов деятельности;

2) отдельные ограничения деятельности, предусмотренные для всех некоммерческих организаций или для отдельных их видов;

3) ограничения, сужающие пределы правоспособности по воле учредителей, путем установления ими в учредительном документе (уставе) организации исчерпывающего перечня видов деятельности, которые такая организация вправе осуществлять.

Некоторыми авторами высказывается мнение, что специальная правоспособность НКО подразумевает возможность осуществления только тех видов деятельности, которые прямо перечислены в их учредительных документах [12]. Однако такая позиция представляется спорной.

Учитывая невозможность для учредителя заранее предусмотреть все возможные виды деятельности, представляется, что такое условие будет ограничивать некоммерческие организации в их экономической деятельности. Даже сформулировав в учредительных документах максимальное количество видов деятельности, учредители не застрахованы в последующем от необходимости внесения новых изменений.

На практике означенные документы некоммерческих организаций, как правило, не содержат исчерпывающего перечня всех видов деятельности, осуществляемых организацией. Учредители обходят формальные ограничения, закрепляя длинный перечень различных видов деятельности организации и включая в предмет деятельности формулировку «и иные виды деятельности, соответствующие целям деятельности организации».

В современной теории гражданского права стали выделять третий вид правоспособности юридических лиц – исключительную, определяемую как способность субъекта иметь гражданские права, необходимые для осуществления видов деятельности, представленных в законодательстве в качестве исключительных, и нести соответствующие данной деятельности гражданские обязанности [13].

Представляется, что основания для обособленного рассмотрения категорий «исключительная правоспособность», «исключительный вид деятельности» имеются, но требуется дальнейшая проработка данного вопроса.

По нашему мнению, причиной дискуссий о классификации видов правоспособности юридических лиц служит противоречивость отдельных нормативных установлений. Поэтому, в конечном итоге разрешение споров возможно только на законодательном уровне.

Полагаем, что категория «исключительная правоспособность» не получит общего признания и может быть отнесена к разновидности специальной правоспособности. Ее основным отличием является закрепление определенным нормативно-правовым актом разрешения на осуществление конкретного вида деятельности с одновременным установлением запрета на все другие виды деятельности.

В частности, такая практика касается, существующих в нашей стране, политических партий. Так, согласно п. 3–4 ст. 31 ФЗ РФ «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ [14] политическая партия, её региональные отделения и иные структурные подразделения вправе осуществлять следующие виды предпринимательской деятельности:

- информационная, рекламная, издательская и полиграфическая деятельность для пропаганды своих взглядов, целей, задач и обнародования результатов своей деятельности; изготовление и продажа сувенирной продукции с символикой и (или) наименованием политической партии, а также изготовление и продажа издательской и полиграфической продукции; продажа и сдача в аренду имеющегося в собственности политической партии движимого и недвижимого имущества. Иные виды предпринимательской деятельности политическая партия осуществлять не вправе.

Более подробно данные вопросы рассмотрены в монографии Э.А. Джалилова «Юридическая ответственность политических партий в Российской Федерации» [15].

Теоретическое обоснование принципа исключительной правоспособности основывается на установлении общего запрета (в отличие от принципа общего дозволения при специальной правоспособности) и критерия соответствия интересам (при специальной правоспособности таким критерием является следование частным интересам; для исключительной правоспособности основой: соответствие публичным интересам общества).

Ограничения правоспособности условно разделяются на три группы:

1) ограничения в равной степени, распространяющиеся на все юридические лица и установленные в зависимости от вида осуществляемой деятельности;

2) ограничения деятельности, предусмотренные для всех некоммерческих организаций;

3) ограничения деятельности, предусмотренные для отдельных видов некоммерческих организаций.

Общие для всех юридических лиц ограничения направлены, прежде всего, на защиту публичных интересов.

К числу таких ограничений относятся прямо прописанный в законе запрет, установленная государственная монополия и обязательность лицензирования отдельных видов деятельности.

Пределы специальной правоспособности некоммерческих организаций могут быть сужены учредителем (что является правом учредителя, но не обязанностью) путем установления в соответствующих документах организации исчерпывающего перечня видов деятельности, которые такая организация вправе осуществлять.

Весьма актуальным в гражданско-правовой науке является вопрос о правоспособности некоммерческих организаций в сфере предпринимательской деятельности. В силу закона, некоммерческие организации вправе осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их учредительными документами (уставами), но лишь в пределах, служащих достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям (п. 4 ст. 50 ГК РФ и п. 2 ст. 24 ФЗ РФ «О некоммерческих организациях»). При этом основной целью деятельности некоммерческой организации не может быть извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ).

Сама возможность осуществления некоммерческими организациями предпринимательской деятельности в современных кризисных условиях и постоянного недофинансирования данного сектора экономики позволяет не только выживать, но и развиваться многим некоммерческим организациям.

Поэтому действующее законодательство незначительно ограничивает предпринимательскую деятельность некоммерческих организаций и предоставляет им возможность достаточно активно участвовать в хозяйственном обороте.

Справедливо отмечено А.А. Гогиным, что современные социальные механизмы последовательно и продуктивно могут развиваться только на началах экономической, политической и личной свободы, демократии и разнообразия мнений. Однако они требуют умелого обращения, большого опыта и четкой регламентации. Эффективность правового регулирования зависит от того, насколько содержание законодательных положений адекватно потребностям общества и государства [16, с. 4].

В частности, правоспособность некоммерческих организаций в части права на совершения сделок мало чем отличается от правоспособности коммерческих организаций.

Так, некоммерческая организация, как юридическое лицо, может иметь обособленное имущество и отвечает (за исключением случаев, установленных законом) по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, то есть она обладает полноценной гражданской правоспособностью (п.1 ст. 50, п. 1 ст. 48 ГК РФ, п. 1 ст. 3 ФЗ «О некоммерческих организациях»).

По нашему мнению, в настоящее время в российском законодательстве отсутствует целостная система критериев разграничения допустимой хозяйственной (прежде всего предпринимательской) деятельности и основной (общественно полезной) деятельности некоммерческой организации.

Данный правовой пробел, в значительной мере, способствует тому, что под прикрытием некоммерческой организации имеют место факты осуществления предпринимательской деятельности, далекой от решения общественно полезных задач, но использующей льготы некоммерческого статуса.

Институт специальной правоспособности некоммерческих организаций, предусмотренный отечественным законодательством и допускающий возможность участия указанных организаций только в правоотношениях, соответствующих их уставным целям деятельности,

в науке гражданского права сомнению не подвергается. Взгляд представителей теоретической доктрины в этом аспекте совпадает с позицией законодателя.

Специальный (целевой) характер правоспособности некоммерческих организаций представляется обоснованным, поскольку освобождение таких организаций от уставных ограничений приведет к игнорированию интересов учредителей, преследующих вполне определенные социально полезные цели.

Некоммерческие организации наделены по закону специальной (целевой) правоспособностью не только в целях защиты интересов учредителей, но также в целях защиты публичного, общественного интереса.

В частности, это находит свое отражение в последствиях недействительности сделок некоммерческих организаций, совершенных с выходом за пределы их правоспособности.

Например, сделка некоммерческой организации, выходящая за пределы ее специальной правоспособности, на основании ст. 168 ГК РФ, признается как сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта. Она является оспоримой или даже ничтожной, если при этом посягает на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, если из закона не следуют другие последствия нарушения.

Сделка же, совершенная некоммерческой организацией в противоречии с ее уставными целями деятельности, на основании ст. 173 ГК РФ, может быть признана судом недействительной по иску самой организации, ее учредителя (участника) или иного лица, в интересах которого установлено ограничение, если будет доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать о таком ограничении.

Отметим, что для ликвидации НКО предусмотрен ряд особых оснований:

а) в случае если указанная организация совершила действия, противоречащие ее целям, ей может быть вынесено предупреждение в письменной форме органом, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц, или прокурором внесено представление об устранении нарушений;

б) в случае вынесения некоммерческой организации двух предупреждений или представлений соответствующая структура может быть ликвидирована по решению суда. Таким образом, правоспособность НКО на разных этапах ее существования может расширяться, сужаться, видоизменяться в соответствии с действующим законодательством.

Возрастающая коммерциализация НКО, отсутствие эффективных механизмов контроля их предпринимательской деятельности сглаживание границ между некоммерческими и коммерческими юридическими лицами – все это вызвало активность органов законодательной власти.

В ходе обновления гражданского законодательства вступил в силу целый ряд нововведений в нормативном регулировании деятельности НКО и уточнении их правового статуса.

На протяжении 2016 года, в законодательные акты, регулирующие деятельность НКО неоднократно внесены изменения и дополнения. Так, ФЗ РФ от 3 июля 2016 г. № 287-ФЗ (вступает в силу с 1 января 2017 г.) были включены отношения, связанные с участием некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг [17].

Законодателем введено понятие «некоммерческая организация – исполнитель общественно полезных услуг», под которой понимается социально ориентированная некоммерческая организация, которая на протяжении одного года и более оказывает общественно полезные услуги надлежащего качества, не является некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и не имеет задолженностей по налогам и

сборам, иным предусмотренным законодательством РФ обязательным платежам.

При соблюдении необходимых законом условий, такая организация может быть включена в реестр некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг, устанавливаемым Правительством РФ в соответствии с приоритетными направлениями, определяемыми Президентом РФ сроком на два года.

Наделение некоммерческих организаций статусом исполнителя общественно полезных услуг влечет предоставление льгот и преференций некоммерческим организациям, получившим такой статус.

В целом, до настоящего времени, поддержка некоммерческих организаций носила несбалансированный единичный характер и оказывалась отдельным организациям. На сегодняшний день, законодательство РФ в области поддержки организаций, так называемого третьего сектора предусматривает возможность предоставления государством различных форм поддержки (в том числе финансовой), начиная от прямого целевого финансирования до муниципальных грантов и государственного социального заказа. Помимо этого существуют льготы налогового характера.

В 2016 г. президент РФ В.В. Путин распорядился выделить 4,59 млрд руб. на поддержку некоммерческих организаций, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав человека. Денежные средства из федерального бюджета пойдут на проведение четырех конкурсов и на гранты по их результатам (в соответствии с данными информационного агентства России ТАСС).

Очевидно, что содержание правоспособности некоммерческих организаций переживает существенную трансформацию, но основной вектор развития этого института в российском законодательстве видится в ведении последовательной государственной политики в отношении НКО, выражающейся в развитии системы государственной поддержки, льготного налогообложения, стимулирующего данные виды деятельности и расширении возможностей организаций в выборе видов деятельности.

Выводы:

Анализ последних изменений, внесенных в ФЗ РФ «О некоммерческих организациях», показывает, что государством ставится задача по последовательному формированию четкой политики в отношении некоммерческих организаций;

- разрабатывается детальный механизм оказания эффективной поддержки НКО;

- уточняются условия юридической ответственности должностных лиц властных органов, задействованных в работе с НКО;

- коррективы, внесенные в законодательство, свидетельствуют о расширении правоспособности НКО, ибо им предоставляются дополнительные права на получение мер поддержки в виде налоговых льгот и субсидий из бюджета РФ;

- одновременно усилен контроль, осуществляемый при проведении федерального государственного надзора за соблюдением некоммерческими организациями требований законодательства РФ и целей, предусмотренных их учредительными документами;

- с позиции юридической науки, внесенные изменения позволяют более детально исследовать категории ограниченной, исключительной и дополнительной правоспособности;

- это послужит уточнению статуса НКО как юридических лиц, осуществляющих различные виды деятельности в интересах российского общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон Российской Федерации о некоммерческих организациях: от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Прошин С.Н. Дееспособность юридического лица – одна из составляющих его правоспособности // Нотариус. 2012. № 2. С. 26–30.
4. Суханов Е.Л. Юридические лица как участники гражданских правоотношений // Гражданское право. В 4 т. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 93–153.
5. Рахмилович В.А. Комментарий к статье 50 Гражданского кодекса Российской Федерации // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть первая). М.: КОНТРАКТ ИНФРА, 2003. С. 122–123.
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 1998. 847 с.
7. Лаптев В.В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. М.: Юристъ, 1997. 140 с.
8. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 года № 6/8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9. Ст. 52.
9. Гражданское право. Часть первая / отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: Юристъ, 2007. 719 с.
10. Братусь С.П. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 367 с.
11. Елисеев И.В. Юридические лица // Гражданское право. Т. 1. М.: ПРОСПЕКТ, 2006. С. 151–159.
12. Соловьев С.В., Тихомиров М.Ю. Некоммерческие организации: правовое положение, законодательство, учредительные документы. М.: Юринформцентр, 1998. 541 с.
13. Кванина В.В. О видах правоспособности юридических лиц // Предпринимательское право. 2007. № 2. С. 15–17.
14. Федеральный закон Российской Федерации о политических партиях: от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ: ред. от 9 марта 2016 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
15. Джалилов Э.А. Юридическая ответственность политических партий в Российской Федерации. Самара: Ас Гард, 2012. 182 с.
16. Гогин А.А. Правонарушение: общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2016. 376 с.
17. Федеральный закон Российской Федерации о внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг: от 3 июля 2016 г. № 287-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27-1. Ст. 4220.

LEGAL STATUS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

© 2016

E.N. Kramarenko, Department Director

Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs in the city of Togliatti, Togliatti (Russia)

Keywords: state; law; legal capacity; capacity; non-profit organizations; status; Code; position; a responsibility.

Abstract: This article addresses issues that characterize the status, rights and obligations of non-profit organizations operating in the territory of the Russian Federation. The author draws conclusions about that in our country the appropriate education to play quite a significant role in the development and establishment of modern civil society.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

© 2016

А.И. Моторин, магистрант Института права
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс; следователь; взаимодействие; оперативно-розыскные органы; правовое регулирование; проблемы.

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые проблемы правового регулирования взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов при производстве предварительного расследования. Обращается внимание на проблемы не полной регламентации процессуальных механизмов взаимодействия, проблему правовой неопределенности разграничения следственных и иных процессуальных действий, а также на проблему соотношения руководящей роли следователя и возможности поручения процессуальных действий оперативно-розыскным органам. Обосновывается необходимость дополнения федерального закона об оперативно-розыскной деятельности определениями оперативно-розыскных мероприятий, раскрывающими их содержание. Правовой анализ основан на диагностике правовых норм, оценке их содержания на соответствие нормам Конституции Российской Федерации. По результатам исследования сделаны краткие выводы и предложения по совершенствованию совместной деятельности оперативно-розыскных и следственных органов при производстве предварительного расследования. В статье обоснована необходимость использования возможности расследования следственной группой.

При производстве предварительного расследования основной процессуальной формой взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами является обязательное выполнение органом дознания поручений следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий. В п. 4 ч. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ) указано, что такие поручения возможны лишь в случаях и порядке, предусмотренных настоящим кодексом. Мы считаем такую формулировку не совсем корректной, так как в УПК РФ отсутствует достаточная регламентация всех случаев, в которых возможно поручение следователю органу дознания действий, перечисленных в п. 4 ч. 2 ст. 38, а общий порядок устанавливает лишь письменность поручения.

При производстве предварительного расследования непосредственно поручение производства следственных действий органу дознания следователем предусмотрено в УПК РФ только ч. 1 ст. 152 УПК РФ в случае необходимости их производства в другом месте, то есть не по месту предварительного расследования. Место производства предварительного расследования правомерно обозначать термином «подследственность» (территориальная подследственность) в силу прямого указания на этот термин в ч. 5 ст. 152 УПК РФ [1, с. 448].

В 1970 году А.М. Ларин высказал мнение, что поручение следователем отдельных следственных действий органу дознания возможно, в случае отсутствия у следователя возможности их выполнения, или в случае необходимости одновременного выполнения серии следственных действий [2, с. 117–118]. В 1979 году А.Н. Балашев назвал в качестве одного из условий необходимости поручения следственных действий органу дознания – отсутствие возможности произвести их лично [3, с. 39]. В действующем УПК РФ не регламентировано поручение производства отдельных следственных и иных процессуальных действий в случае отсутствия у следователя возможности выполнить их самостоятельно. Такие случаи могут быть обусловлены различными следственными ситуациями, тактикой и методикой расследования преступления, например, при необходимости одновременного производства обысков по нескольким адресам. Поэтому, в случае необходимости такого поручения, следователям, в качестве оснований для поручения отдельных следственных действий, приходится использовать указание об имеющихся у них полномочиях (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) и указание о том, что после направления уголовного дела

руководителю следственного органа, орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). Если ч. 4 ст. 157 УПК РФ косвенно указывает на допустимость производства следственных действий органом дознания по поручению следователя, то в отношении иных процессуальных действий отсутствует даже такая формулировка.

С точки зрения некоторых исследователей, в уголовно-процессуальном праве поручение отдельных следственных действий органу дознания не достаточно регламентировано. Субъективному толкованию подлежат: относимость процессуальных действий к следственным действиям; допустимость поручения всех видов следственных действий; соотношение объема отдельных следственных действий и всех следственных действий по уголовному делу.

На сегодняшний день отнесение процессуального действия к следственным является необходимым условием распространения на него диспозиции ч. 1 ст. 152 и ч. 4 ст. 157 УПК РФ. В научной дисциплине «Уголовный процесс» в настоящее время выработан подход, согласно которому под следственными действиями понимают действия следователя или дознавателя, направленные на собирание, проверку и оценку доказательств [4, с. 325; 5, с. 508]. К таким следственным действиям теория относит действия, предусмотренные главами 24–27 УПК РФ.

В УПК РФ имеют место правовые неточности, касающиеся неопределенности статуса процессуальных действий. Например, ч. 2 ст. 164 во взаимосвязи с п. 9 ч. 2 ст. 29 относит наложение ареста на имущество к следственным действиям. По буквальному смыслу п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ задержание привод и арест не отнесены ни к следственным, ни к иным процессуальным действиям.

Считаем необходимым дополнение ч. 1 ст. 152 УПК РФ разрешением поручения иных процессуальных действий следователю или органу дознания в случае необходимости их проведения в другом месте. Часть 4 ст. 157 УПК РФ также необходимо дополнить возможностью органа дознания производить иные процессуальные действия после направления уголовного дела руководителю следственного органа по поручению следователя. Поскольку в соответствии с УПК РФ иные процессуальные действия при производстве предварительного следствия орган дознания может производить и самостоятельно, в их отношении не следует применять формулировку «только по поручению следователя».

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследова-

ния и принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда необходимо решение суда или согласие руководителя следственного органа. Поскольку следователь вправе поручить органу дознания именно производство следственных действий, для поручения следственных действий, указанных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ следователем должно быть получено соответствующее решение суда.

Считаем неправомерным поручение следователя органу дознания о производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, связанных с принятием процессуальных решений в ходе предварительного расследования, потому что это обозначало бы переложение следователем своих полномочий по принятию решений на орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность. Недопустимо поручение органу дознания следующие следственные и иные процессуальные действия: назначение судебной экспертизы, избрание меры пресечения, предъявление обвинения, составление обвинительного заключения, вынесение постановлений, обжалование решений прокурора, возбуждение ходатайств.

Назначение судебной экспертизы, несмотря на то, что УПК РФ не содержит прямого запрета на поручение такого действия, мы считаем неприемлемым. Порядком назначения судебной экспертизы (ст. 195 УПК РФ) предусмотрено вынесение обоснованного постановления следователем. Назначение экспертизы следователем связано с принятием обоснованного решения о её необходимости и виде на основе материалов уголовного дела, находящихся в распоряжении следователя.

Поручение органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, всего объёма следственных действий также обозначало бы переложение на них своих полномочий следователем. Мы можем сделать вывод, что именно поэтому в соответствии с УПК РФ следователю вправе поручать органу дознания производство лишь отдельных, а не всех следственных действий. А.Н. Балашов указывал на недопустимость переложения следователем своей обязанности по доказыванию на орган дознания [3, с. 39].

В практике взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами существуют недочеты при направлении следователем письменного поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий, например: несоответствие поручения общей цели, изложенной в фабуле; формальность поручения; закрепление в характеристике поручаемых мероприятий оценочных терминов.

Одной из составляющих этой проблемы, по нашему мнению, является отсутствие правового регулирования содержания понятий оперативно-розыскных мероприятий.

О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г.Х. Шабанов считают, что содержательную сторону оперативно-розыскных мероприятий составляют действия, перечисленные в ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ-144), образующие конкретные виды этих мероприятий [6, с. 5]. Автор данной статьи не согласен с такой позицией и считаем, что название действий не раскрывает их содержания. Сложившаяся правовая ситуация создает условия для толкования содержания понятий оперативно-розыскных мероприятий по усмотрению субъектов оперативно-розыскной деятельности. В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий может возникнуть вопрос об их законности и отграничении от противоправных посягательств на права и свободы человека и гражданина. К числу часто оспариваемых в Конституционном суде Российской Федерации оперативно-розыскных мероприятий относится оперативный эксперимент, по мнению заявителей, отсутствие в федеральном законе об оперативно-розыскной деятельности подробной регламентации порядка и условий его проведения способствует созданию условий для провокации преступления сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [7, с. 19].

А.Ю. Шумилов соотносит понятие содержание с понятием состав и выдвигает теорию о составе оперативно-розыскного мероприятия, в которой определяет его как нормативную модель, в которой закреплены типичные признаки определенного оперативно-розыскного мероприятия, отражающие его общественно полезную сущность и ограниченность применения только в оперативно-розыскной деятельности [8, с. 187].

В законодательстве Российской Федерации содержание лишь некоторых гласных оперативно-розыскных мероприятий раскрывается в нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность органов, уполномоченных в соответствии со ст. 13 ФЗ-144 на осуществление оперативно-розыскной деятельности, или в ведомственных приказах этих органов.

Федеральным законом от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и общественной безопасности» в перечень оперативно-розыскных мероприятий ч. 1 ст. 6 ФЗ-144 внесен п. 15: получение компьютерной информации. В ФЗ-144 отсутствует понятие компьютерной информации, практика поручения такого оперативно-розыскного мероприятия на момент его введения отсутствует, поэтому у следственных органов могут возникнуть проблемы с его поручением.

П. б ст. 1 Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации содержит следующее определение: компьютерная информация – это информация, находящаяся в памяти компьютера, на машинных или иных носителях в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающаяся по каналам связи [9].

Новым оперативно-розыскным мероприятием законодатель обобщил разновидности уже содержащихся в ФЗ-144 оперативно-розыскных мероприятий по специфическому источнику происхождения и виду сведений, с целью отграничения правомерных действий сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность от действий, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного ст. 272 Уголовного кодекса РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации».

Мы считаем необходимым дополнение федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» определениями оперативно-розыскных мероприятий, раскрывающими их содержание. Это позволило бы следователю понять необходимость поручения проведения оперативно-розыскных мероприятий в конкретной следственной ситуации, на основе знаний о сущностной характеристике действий сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при реализации этих мероприятий, и предположений о том, какими могут оказаться результаты их проведения, а также отграничить законную деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, от противоправных посягательств на гарантированные Конституцией РФ права и свободы.

В национальном законодательстве об оперативно-розыскной деятельности некоторых стран СНГ уже введены определения, раскрывающие содержание конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Определения оперативно-розыскных мероприятий содержатся в ст. 1 Закона Республики Казахстан № 154-ХІІІ от 15.09.1994 года «Об оперативно-розыскной деятельности», сами мероприятия перечислены в ст. 11 этого нормативно-правового акта. В новом Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» содержанию каждого из оперативно-розыскных мероприятий, отведена отдельная статья.

При возникшей в настоящий момент неопределенности правового регулирования содержания понятий

оперативно-розыскных мероприятий и в дальнейшем, с учетом того, что следователь не всегда может быть компетентен в вопросах деятельности оперативно-розыскных органов, мы солидарны с позицией Е.Л. Никитина, который считает, что следователь не вправе указывать, какие конкретно оперативно-розыскные мероприятия должны быть проведены, он должен определять, какая информация ему необходима, а не каким способом эта информация должна быть добыта; выбор конкретных оперативно-розыскных мероприятий либо их комплекса всегда является прерогативой оперативно-розыскного органа [10, с. 30].

А.Н. Балашов обращал внимание на то, что при проведении следственных действий органом дознания, у следователя отсутствует возможность непосредственно воспринимать определенные обстоятельства следственных действий (например, психологические состояния при даче показаний на допросах), воспринимать их ход, содержание и результаты [3, с. 42]. А.В. Смирнов и К.Б. Калинин высказывают мнение, что даже в случае необходимости производства следственных действий в другом месте, следователь обязан выполнить их самостоятельно в случае их большого объема и в случае, когда они связаны с оценкой доказательств в их совокупности [1, с. 449].

Возникают следственные ситуации, в которых следователь не может в одиночку выполнить по уголовному делу весь объем следственных действий, что может повлечь за собой утрату важной доказательственной информации. Именно в случае сложности или большого объема предварительного следствия по уголовному делу, в целях реализации своих процессуальных обязанностей, органам предварительного следствия необходимо использовать возможности метода расследования следственной группой, предусмотренного ст. 163 УПК РФ.

В.О. Захарова обращает внимание на проблему субъективной оценки руководителем следственного органа необходимости поручения расследования группе следователей: «Законодатель, к сожалению, не дает определения категориям «сложности» или «большого объема» уголовных дел. В связи с этим, в каждом случае принятия решения о поручении предварительного следствия группе следователей, правомочное лицо руководствуется своим субъективным усмотрением» [11, с. 74]. По мнению В.О. Захаровой, можно выделить следующие объективные критерии оценки уголовного дела на предмет его сложности и большого объема:

- предполагаемый большой объем следственных и иных процессуальных действий;
- многоэпизодность уголовного дела;
- наличие в уголовном деле нескольких подозреваемых (обвиняемых);
- межрегиональный характер расследования эпизодов преступной деятельности [12, с. 84].

Следственная группа представляет собой закрепленную в уголовно-процессуальном праве форму бригадного расследования [13, с. 56; 14, с. 394] и является одной из форм взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов при производстве предварительного расследования. Согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Реализация публичных полномочий членами следственной группы, не позволяющая включать в её состав, объявляемый в соответствии с ч. 2 ст. 163 УПК РФ подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, потому что это противоречит принципам конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств, закрепленных в ст. 3 ФЗ-144. Мы считаем, что именно поэтому законодатель допустил лишь привлечение к работе следственной группы, а не включение в её состав, должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В определении от 27 мая 2010 г. № 627-О-О Конституционный суд РФ разъяснил, что должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привлеченные в соответствии с ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственной группы, не объявляемые подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, потому что они не наделены правом принимать по уголовному делу решения, связанные с производством следственных и иных процессуальных действий, не обладают иными процессуальными возможностями для активного участия в производстве по уголовному делу, на них не возложены публичные функции, связанные с самостоятельной деятельностью по доказыванию и оценке доказательств, а также контрольные полномочия [15, с. 2].

Считаем важным заметить, что ст. 163 УПК РФ не регламентирует какого-либо иного способа появления результатов оперативно-розыскной деятельности в материалах уголовного дела. Все отношения между следователями, входящими в состав следственной группы, и должностными лицами органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, реализуются выполнением органом дознания письменного поручения следователя и действием при производстве следственных действий. Преимущество взаимодействия в следственной группе заключается в том, что происходит персонификация органа дознания, выполнение поручений осуществляется конкретными должностными лицами органа дознания на постоянной основе. При этом следователи следственной группы не наделяются руководящими полномочиями по отношению к должностным лицам органа дознания, а их поручения по-прежнему даются органу дознания. Это соответствует норме ч. 3 ст. 16 ФЗ-144, которая гласит, что должностное лицо, уполномоченное на осуществление оперативно-розыскной деятельности, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий подчиняется только непосредственному и прямому начальнику.

В ч. 7 ст. 164 УПК РФ регламентирована форма взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов при производстве предварительного расследования: привлечение к участию в следственном действии должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о чем делается соответствующая отметка в протоколе. Эта норма регламентирует случаи и порядок указанного в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ содействия органа дознания следователю при производстве следственных действий. УПК РФ не ограничивает применение нормы ч. 7 ст. 164 УПК РФ определенным кругом следственных действий. Должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, допустимо привлечь к допросу подозреваемого, что подтверждается судебной практикой [16]. Часть 7 ст. 164 УПК РФ позволяет в наиболее простой форме, без поручения следователя, ввести в уголовный процесс результаты оперативно-розыскной деятельности, используя их для осуществления следственных действий, что предусмотрено ч. 1 ст. 11 ФЗ-144. В протоколе следственного действия при этом отмечается факт привлечения должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. М.: КНОРУС, 2007. 992 с.
2. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М.: Юридическая литература, 1970. 224 с.
3. Балашов А.Н. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1979. 112 с.
4. Гельдибаев М.Х., Вандышев В.В. Уголовный процесс. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 719 с.

5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М.: Норма, 2009. 1072 с.
6. Вагин О.А., Исиченко А.П., Шабанов Г.Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов. М.: ИД И.И. Шумиловой, 2006. 119 с.
7. Бахта А.С., Вагин О.А., Чечетин А.Е. Вопросы оперативно-розыскной деятельности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2012. 64 с.
8. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности. М.: ИД И.И. Шумиловой, 2008. 391 с.
9. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации: заключено в г. Минске 01.06.2001 г. // Исполнительный комитет СНГ: официальный сайт. URL: cis.minsk.by/page.php?id=866.
10. Никитин Е.Л., Дытченко Г.В. Прокурорский надзор за законностью проведения и документирования оперативно-розыскных мероприятий. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 224 с.
11. Захарова В.О. Расследование преступления следственной группой (уголовно-процессуальный аспект) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 2. С. 74–78.
12. Захарова В.О. Оптимизация осуществления уголовного преследования (на примере деятельности следственной группы) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1. С. 83–86.
13. Усынин В.М. Процессуальные формы взаимодействия органов предварительного следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 196 с.
14. Уголовный процесс. М.: Волтерс Клувер, 2011. 1056 с.
15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кармановой Ирины Николаевны и Комягина Михаила Михайловича на нарушение их конституционных прав статьями 38, 40 и частью второй статьи 163 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение КС РФ от 27.05.2010 № 627-О-О // Конституционный суд РФ. URL: doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision34430.pdf.
16. Приговор Курганского областного суда от 10.06.2014 по делу № 2-01/2014 // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTERACTION OF OPERATIVELY-SEARCH AND INVESTIGATIVE AUTHORITIES IN STAGE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

© 2016

A.I. Motorin, undergraduate of Law Institute
Samara State University of Economics, Samara (Russia)

Keywords: Code of Criminal Procedure; investigator; interaction; operatively-search authorities; legal regulation; problems.

Abstract: The article deals with some problems of legal regulation of the interaction of operatively-search and investigative authorities. In article marked the problems of the lack of complete regulation of the procedural mechanisms of interaction, the problem of legal uncertainty demarcation of investigative and other procedural actions, as well as the problem of correlation of the leading role of the investigator and his opportunity to entrust procedural actions to the operatively-search authorities. Proved the necessity to supplement of the federal law about operatively-search activity through the determination of the content of the operatively-search actions. Legal analysis is based on the diagnosis of the legal norms and the assessment of their content on compliance of the Constitution. According to a study were made brief conclusions and proposals to improve the joint activities of operatively-search and investigative authorities in stage of the preliminary investigation. The article also substantiates the necessity to using the possibility of an investigation by the investigation team.

Л.Т. Назаркулова, кандидат юридических наук, научный эксперт
М.С. Шугайнова, магистр международного бизнес-права, эксперт
ТОО «Консалтинговая группа «Болашақ», Астана (Казахстан)

Ключевые слова: энергетика; экология; экономическая интеграция; общий энергетический рынок; зеленая экономика.

Аннотация: Энергетика является не только одной из ключевых, но и оказывающей наиболее негативное влияние на экологию отраслей экономики. В этой связи одним из важных направлений международного сотрудничества государств в рамках ЕАЭС является сотрудничество в сфере экологии. Поэтому в международно-правовых актах, регулирующих данную сферу, прежде всего в Договоре ЕАЭС, необходимо предусмотреть нормы, направленные на охрану окружающей среды. В результате проведенного анализа международно-правовых документов, являющихся основой интеграции в сфере энергетики, можно заключить, что вопросам экологии здесь отводится неоправданно мало внимания. Это может повлечь за собой существенные экологические проблемы при формировании общих рынков энергоресурсов. Для решения возникающих проблем авторами вносится ряд предложений соответствующего характера.

Учитывая масштабы и последствия сложившихся в мире глобальных и локальных экологических проблем, в настоящее время широкое распространение сегодня приобретает процесс экологизации (озеленения) экономики. Опыт XX века со всей очевидностью доказывает, что преследование экономических целей государств и хозяйствующих субъектов, не должно приносить ущерба экологии. Более того, вопросы экологии носят трансграничный характер, требующий объединения усилий государств, и всего мирового сообщества в целом.

«Важнейшее право каждого человека на жизнь лежит в основе существования всего человечества. Экология в этом случае играет важнейшую роль, поскольку хорошо известно, что замедление решения как планетарных, так и региональных экологических проблем может привести к исчезновению всего живого на планете, в том числе и человека», – пишет Б.В. Ерофеев [1, с. 8].

Насколько это серьезно, в частности, говорит содержание Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

В п. 3 ст. 1 означенной директивы констатируется, что в 40 субъектах РФ более 54 % городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха. Объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или недостаточно очищенными, остается высоким.

В документе указывается, что практически во всех регионах сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель. Интенсивно развиваются процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и к выводу их из хозяйственного оборота. Опустыниванием в той или иной мере охвачены 27 субъектов страны на площади более 100 млн. гектаров.

Количество отходов, которые не вовлекаются во вторичный хозяйственный оборот, а направляются на размещение, возрастает. Однако условия хранения и захоронения отходов не соответствуют требованиям экологической безопасности [2].

В этой связи важно при развитии интеграционных процессов в сфере экономики в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) рассматривать их и с точки зрения влияния на окружающую среду, а одним из фундаментальных направлений международного сотрудничества государств в рамках ЕАЭС должно быть сотрудничество в сфере экологии.

Например, на сегодняшний день в мире синтезировано несколько миллионов новых химических веществ. В повседневной жизни людей используются десятки тысяч видов различной химической продукции. Из них около

40 тыс. обладают вредными для человека свойствами, а 12 тыс. являются токсичными, – пишут Г.А. Мисник и Е.П. Моторин [3, с. 17].

«На грани веков в связи с интенсивным развитием научно-технического прогресса резко возросло отрицательное влияние человеческой деятельности на окружающую природную среду. Наиболее интенсивно загрязняются атмосфера, вода, земля», – также отмечает А.А. Гогин [4, с. 348]. Справиться с такими и иными угрозами в одиночку не способна ни одна страна с самой высокоразвитой экономикой и наукой. Противостоять подобным вызовам можно лишь сплоченными усилиями всего цивилизованного мира.

Между тем, по мнению А.В. Малько, категория «качество жизни» является интегральной качественной характеристикой жизнеобеспечения, жизнедеятельности и жизнеспособности общества по эффективному осуществлению своих социальных, духовных и биологических функций [5, с. 95].

Поэтому в условиях глобализации рынка энергоресурсов не стал исключением топливно-энергетический сектор, интеграционные процессы в котором направлены на формирование общих энергетических рынков: электроэнергетики, нефти, газа и нефтепродуктов. Энергетика является одной из ключевых отраслей экономики, но именно она оказывает наиболее негативное воздействие на экологию. Очевидно, что в каждой из стран-участниц ЕАЭС сегодня имеются собственные экологические проблемы, возникающие в результате развития энергетики.

Бесспорно то, что интеграция в сфере энергетики, создание общего энергетического рынка влияет на окружающую среду. Рассмотрим отражение вопросов экологии в правовых актах, регулирующие интеграционные процессы в рамках ЕАЭС, прежде всего в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о ЕАЭС) [6].

Согласно статье 1 Договора ЕАЭС «Стороны учреждают Евразийский экономический союз, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза». Далее определяются принципы, цели Союза. Однако ни в одной из первых основных статей Договора вопросы экологии не отражены, – считает А. Курбаналиев [7, с. 16].

Согласно Договору о ЕАЭС в целях эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов, а также обеспечения национальных экономик основными видами энергетических ресурсов (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты),

государства-члены развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, проводят скоординированную энергетическую политику, осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов на основании соответствующих международных договоров с учетом обеспечения энергетической безопасности (пункт 1 статьи 79).

На основании заключенного соглашения мониторинг реализации Раздела XX Договора о союзе осуществляет ЕЭК. Далее сформулированы принципы взаимодействия в сфере энергетики (обеспечение рыночного ценообразования на энергетические ресурсы; обеспечение развития конкуренции на общих рынках энергетических ресурсов и др.).

Исходя из содержания закрепленных норм, очевидно, что основные интеграционные ориентиры и приоритеты сотрудничества государств-членов Союза в сфере энергетики – это преследование экономических целей: проведение скоординированной энергетической политики и создание общих энергетических рынков.

Мы согласны с тем, что создание указанных рынков позволит более эффективно использовать мощный энергетический потенциал Союза и решать проблемы энергообеспечения экономик стран-участниц; расширить экспортные возможности и транзитный потенциал; повысить устойчивость энергетического сектора и его инфраструктуры к внешним и внутренним воздействиям. Все это в целом положительно повлияет на экономический рост данных государств.

Вместе с тем, погоня за экономическим ростом не должна влечь за собой ущерб окружающей среде. В частности, вопросы экологии и экологической безопасности не нашли прямого отражения, как в указанных положениях, так и иных нормах Договора о ЕАЭС.

Лишь в отдельных правилах предусмотрены меры, косвенно способствующие обеспечению экологической безопасности. Так, статья 29 (Исключения порядка функционирования внутреннего рынка товаров) Договора формулирует право государств-членов применять ограничения во взаимной торговле товарами, основанных на защите жизни и здоровья человека; защите окружающей среды; защите животных и растительных видов и культурных ценностей; и другие. Также в разделах о сельском хозяйстве, транспорте закреплены некоторые статьи, косвенно регулирующие вопросы экологии.

Однако названные нормы не в полной мере обеспечивают стандарты предотвращения негативного воздействия на окружающую среду (например, такие, какие есть в Европейском Союзе). Статья 52 раздела X (технический регламент) определяет, что технические регламенты должны быть приняты в рамках Союза в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, и обеспечения энергетической эффективности и инженерных ресурсов в рамках Союза. Отсюда следует, что некоторые экологические проблемы в рамках ЕАЭС могут регулироваться отдельными нормативными актами.

Вместе с тем, согласно Протоколу о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики (Приложение № 22 к Договору ЕАЭС) Государства-члены осуществляют поэтапное формирование общего рынка газа Союза, а также обеспечивают доступ к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам государств-членов, исходя из в том числе основного принципа – обеспечение экологической безопасности [8].

Аналогичное условие предусмотрено в Протоколе о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов

(Приложение № 23 к Договору ЕАЭС), согласно которому обеспечение экологической безопасности является одним из основных принципов при формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза государств-членов (пункт 3 Приложения) [9].

Рассмотрим другие документы, являющиеся правовой базой интеграции в сфере энергетики в ЕАЭС.

Одним из ключевых направлений развития интеграционных процессов в сфере энергетики в ЕАЭС является формирование общих рынков энергоресурсов, что позволит устранить барьеры во взаимной торговле и обеспечить свободное перемещение энергоресурсов по территориям государств – членов Союза, создать конкурентную среду в сфере энергетики, обеспечить равный доступ к услугам естественных монополий в области транспортировки и транзита энергоносителей, совместное развитие инфраструктуры энергетических рынков и проведение согласованной тарифной политики, содействовать созданию равных условий для хозяйствующих субъектов государств-членов и увеличить объемы взаимовыгодных поставок этих ресурсов.

Так, согласно Договору ЕАЭС предусматривается создание следующих общих рынков энергетических ресурсов: электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов.

Формирование правовой базы данных рынков предполагается поэтапно: до 1 июля 2015 года предполагалось, что Высший совет утвердит в целях формирования общего электроэнергетического рынка Союза концепцию, а до 1 июля 2016 года программу формирования общего электроэнергетического рынка Союза, предусмотрев срок выполнения мероприятий программы до 1 июля 2018 года; по завершении выполнения мероприятий программы формирования общего электроэнергетического рынка Союза государства-члены заключат международный договор в рамках Союза о формировании общего электроэнергетического рынка Союза, содержащий в том числе единые правила доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики, и обеспечат вступление его в силу не позднее 1 июля 2019 года (пункты 2 и 3 статьи 81, пункты 2 и 3 статьи 104 Договора ЕАЭС).

Далее в целях формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Высший совет утвердит до 1 января 2016 года концепцию, а до 1 января 2018 года программу формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза, предусмотрев срок выполнения мероприятий программы до 1 января 2024 года.

По завершении выполнения мероприятий программы формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза государства-члены заключат международный договор о формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза, содержащий, в том числе, единые правила доступа к системам транспортировки нефти и нефтепродуктов, расположенным на территориях государств-членов, и обеспечат вступление его в силу не позднее 1 января 2025 года (пункты 6 и 7 статьи 104 Договора ЕАЭС).

Отметим, что указанные мероприятия в настоящий момент реализуются, а документы принимаются в срок. Так, разработана и утверждена 8 мая 2015 года концепция общего электроэнергетического рынка Союза (разработаны в рамках выполнения соответствующей НИР (исполнитель – СОПС). Что касается Программы, то 27 мая 2016 года на 9-м заседании Консультативного комитета окончательно согласован проект программы формирования ОЭР Союза (данные документы разрабатывались в том числе и по результатам проведения соответствующих научно-исследовательских работ) [10].

В результате проведенного анализа международно-правовых документов, являющихся основой интеграции в сфере энергетики, можно заключить, что вопросам экологии здесь отводится неоправданно мало внимания. Это может повлечь за собой существенные экологические про-

блемы при формировании общих рынков энергоресурсов. В этой связи нами вносится ряд предложений.

Прежде всего, важно в самых первых статьях Договора ЕАЭС, посвященных принципам и целям Союза, прописать в качестве одной из целей экономической интеграции развитие экономик не в ущерб экологии.

Кроме того, можно предусмотреть в Договоре ЕАЭС самостоятельный раздел, посвященный вопросам взаимодействия государств в сфере экологии, а в Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 года (утверждена 16 октября 2015 года на заседании Высшего Евразийского экономического совета) следует учесть взаимосвязь экономических задач с экологическими.

Одной из мер может стать гармонизация законодательств стран-участниц ЕАЭС в сфере регулирования экологических правонарушений и ответственности за них. Это значимо в связи с тем, что проблемы экологии в подавляющем большинстве своем носят трансграничный характер.

Поэтому для более эффективной борьбы с экологическими правонарушениями, обеспечения экологической безопасности важно не только принятие соответствующих правовых норм на национальном уровне, но и выработка единых международных стандартов, таких как определение круга деяний, рассматриваемых как экологические правонарушения; выработка единого понятийного аппарата и единой терминологии; пересмотр существующих правовых норм с учетом стандартов, установленных международно-правовыми документами.

Предлагаемые меры могут способствовать повышению международно-правовой охраны окружающей среды при формировании общих рынков энергоресурсов и иных интеграционных процессов в сфере экономики.

В ходе интеграционных процессов в рамках ЕАЭС вопросы экологической безопасности, наряду с вопросами развития экономики, должны быть обеспечены в приоритетном порядке. При формировании международно-правовой базы общего рынка энергоресурсов, основа для которой сегодня активно создается, необходимо уделить самое пристальное внимание вопросам охраны окружающей среды.

Республика Казахстан, выступившая инициатором многих важных интеграционных инициатив,

в состоянии взять на себя инициативу и в данном направлении, продвигая вопрос об охране окружающей среды в рамках ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерофеев Б.В. Экологическое право России. М.: Юриспруденция, 2000. 448 с.
2. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
3. Мисник Г.А., Моторин Е.П. Экологическое право. М.: Академцентр, 2013. 382 с.
4. Гогин А.А. Правонарушение: общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2016. 376 с.
5. Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
6. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240.
7. Курбаналиев А. Разработка механизмов формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза : дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. 142 с.
8. Протокол о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики: приложение № 22 к Договору ЕАЭС // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240.
9. Протокол о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов: приложение № 23 к Договору ЕАЭС // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240.
10. Проект Программы формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза (не утвержденный) // Официальный интернет-ресурс Евразийской экономической комиссии. URL: eurasiacommission.org/ru/act/energetika/infr/energy/Pages/Programma.aspx.

ENVIRONMENTAL ISSUES IN THE INTEGRATION PROCESSES IN THE ENERGY SECTOR IN THE FRAMEWORK OF THE EAEU (OVERVIEW)

© 2016

L.T. Nazarkulova, candidate of law science, scientific expert
M.S. Shugaipova, master of international business law, expert
 LLP «Consulting Group «Bolashak», Astana (Kazakhstan)

Keywords: energy; environment; economic integration; a common energy market; green economy.

Abstract: In the article discusses the incorporation of environmental issues in international legal acts regulating integration processes in the energy sector within the framework of the EAEU. Energy is one of the key, but has the most negative impact on the environment, and industries. In this regard, one of the important directions of international cooperation within the EEU should be cooperation in the field of ecology. And in international legal acts in this sphere, especially in the EAEC Treaty should include provisions aimed at the protection of the environment. In the result of the analysis of the international legal instruments underpinning integration in the energy sector, we can conclude that ecology is given unduly little attention. This can lead to substantial environmental problems in the formation of common markets of energy resources. In this regard, the authors propose certain measures.

С.А. Назаров, магистрант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: административные взыскания; наложение административных наказаний; проблемы наложения административных наказаний; лишение специального права; выдворение за пределы РФ иностранных граждан или лиц без гражданства; административный арест; дисквалификация; обязательные работы.

Аннотация: Предметом исследования выступают некоторые наиболее часто встречающиеся правовые проблемы, возникающие при наложении административных наказаний. В частности, при лишении специального права, выдворении за пределы РФ иностранных граждан или лиц без гражданства, административном аресте, дисквалификации и обязательных работах. В статье раскрываются сущности выявленных проблем, определены их вероятные неблагоприятные последствия, а также предложены возможные варианты их решения. Анализу подвергаются многие действующие правовые принципы как гуманизма, возможности обжалования решения суда и уполномоченных органов, свободы труда. В работе анализируется как действующее российское законодательство, так и законопроекты.

Будучи по своей структуре довольно сложной, система административных наказаний не исключает наличия определённых трудностей и проблем при её реализации. При этом стоит отметить, что наиболее часто последние проявляются уже в процессе наложения административных санкций. Данный вопрос является весьма важным, поскольку со стороны государства и уполномоченных органов должно обеспечиваться нормальное и полноценное функционирование системы административных наказаний.

Также данный вопрос остаётся дискуссионным и в доктринальной среде, ибо многие исследователи имеют свой индивидуальный подход к анализируемой проблеме, который иные правовые исследователи могут совсем не разделять. Тем не менее дискуссионность указанных вопросов не означает, что они должны замалчиваться. Скорее наоборот – плюрализм мнений позволяет подобрать наиболее оптимальный вариант оценки сложившейся ситуации.

Также данный вопрос остаётся дискуссионным и в доктринальной среде, ибо многие исследователи имеют свой индивидуальный подход к анализируемой проблеме, который иные правовые исследователи могут совсем не разделять. Тем не менее дискуссионность указанных вопросов не означает, что они должны замалчиваться. Скорее наоборот – плюрализм мнений позволяет подобрать наиболее оптимальный вариант оценки сложившейся ситуации.

В частности, имеется ряд трудностей при наложении такого вида административного наказания, как «лишение специального права». С них, пожалуй, и начнём. Как отмечает М. Аскеров [1, с. 143–144], законодателем в Кодекс административных правонарушений РФ (далее – КоАП РФ) [2] не предусматривается санкции в виде «лишения специального права» для юридических лиц. В статье 3.8. КоАП РФ упоминаются лишь физические лица. При этом, например, в статье 26 Федерального закона РФ «Об оружии» [3] предусматривается аннулирование лицензии на приобретение оружия или разрешения на хранение оружия, выданные юридическому лицу, судом на основании заявления органа, выдавшего указанные лицензию или разрешение, если в установленном судом срок административного приостановления деятельности юридического лица не были устранены допущенные им нарушения правил в сфере оборота оружия и патронов к нему, повлекшие наложение наказания в виде административного приостановления деятельности этого юридического лица. Таким образом, на практике мы видим, что нормы КоАП РФ не предусматривают наложение наказания в виде «лишения специального права» на юридическое лицо, в то время как в самом федеральном законодательстве фактически это допускается, что и вызывает противоречие. В качестве же решения данной проблемы можно предоставить возможность назначать «лишение специального права» в отношении юридических лиц путём внесения дополнения в статью 3.8. КоАП РФ. Также в качестве альтернативы имеет смысл внести изменение в статью 1.1. КоАП, добавив в источник помимо КоАП РФ и соответствующих законов субъектов об административных правонарушениях ещё и федеральные законы, а также дополнить статью 3.8. КоАП РФ перечнем специальных прав, которых могут быть лишены как физические, так и юри-

дические лица. Имеются и иные проблемы, связанные с данным видом административного наказания. В частности, в статье 3.8. КоАП РФ «лишение специального права в виде управления транспортными средствами не может применяться к лицу, которое пользуется транспортным средством в связи с инвалидностью». При этом данное правило предусматривает и ряд исключений, согласно которым административное наказание в виде лишения специального права управления транспортными средствами может быть назначено в отношении лица, признанного инвалидом, в случаях:

- управления транспортным средством в состоянии опьянения;
- передачи им управления лицу, находящемуся в состоянии опьянения;
- повторного совершения данного административного правонарушения;
- уклонения от прохождения в установленном порядке медицинского освидетельствования на состояние опьянения;
- оставления последним в нарушение существующих правил места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся.

При этом в статье 3.8. КоАП РФ так же определено, что «лишение специального права в виде права осуществлять охоту не может применяться к лицам, для которых охота является основным законным источником средств к существованию». В свою очередь, в качестве исключения предусматриваются лишь нарушение в соответствии с правилами охоты установленных сроков, а также использование недопустимых орудий и способов. Стоит отметить, что законодателем совсем не учитывается, что нарушение правил охоты теми же субъектами могут быть и повторяющимися, что, в свою очередь, допускает возможность злоупотребления со стороны данной категории лиц. В качестве решения данного вопроса можно добавить норму, согласно которой «лишение специального права» у данной категории лиц применяется в случае повторного совершения данного административного правонарушения.

Имеют место проблемы и при наложении такого вида административного наказания, как «выдворение за пределы РФ иностранных граждан или лиц без гражданства». В частности, как отмечает Ю.М. Осокина [4, с. 64–68], зачастую при назначении данного административного наказания судьями не учитывается факт наличия несовершеннолетних детей, не являющихся гражданами РФ, у данных категорий граждан даже при том, что данный факт вовсе не исключает применения принудительного выдворения. Тем не менее данная особенность не прописана в норме статьи 3.10. КоАП РФ, что вызывает ряд ошибок и неточностей. Автор отмечает, что в резолютивной части постановления по делу об административном правонарушении должно быть прописано, что

иностранный гражданин подлежит административному выдворению за пределы РФ вместе со своими несовершеннолетними детьми с подробным указанием фамилии имени отчества ребенка. При этом ситуацию значительно бы облегчило внесение соответствующего дополнения в норму статьи 3.10. КоАП РФ, раскрывающее, что иностранный гражданин подлежит административному выдворению вместе со своими несовершеннолетними детьми, не имеющими гражданства РФ. Стоит отметить, что в законопроекте нового КоАП РФ данный аспект уже привлёк внимание законодателя и решение данного вопроса может иметь место в ближайшем будущем. Однако на данный момент законодатель находит иной подход. В частности, в п. 3 ст. 4.14. проекта КоАП РФ [5] говорится, что «административное выдворение не может применяться к иностранным гражданам, постоянно или временно проживающим на территории РФ, военнослужащим – иностранным гражданам, к несовершеннолетним иностранным гражданам или лицам без гражданства, а также к иностранным гражданам и лицам без гражданства, состоящим в зарегистрированном браке либо имеющим фактические супружеские отношения с гражданином РФ, и (или) имеющим несовершеннолетних детей, детей инвалидов либо нетрудоспособных родителей, являющихся гражданами РФ». Отсюда видно, что со стороны законодателя скорее имеет место тенденция к либерализации наказания, в частности в отказе от применения выдворения к лицам, состоящим не только в браке с гражданином РФ, но и имеющим даже фактические супружеские отношения, то есть находящиеся в так называемом «сожительстве». Тем не менее данный вопрос по-прежнему остаётся открытым, и в ближайшем будущем возможны новые корректировки текста данного законопроекта.

Ряд сложностей и проблем при наложении имеет и административный арест. В частности, И.П. Долгих и Е.А. Супонина [6] отмечают, что согласно части первой статьи 32.8. КоАП РФ постановление о назначении наказания в виде административного ареста должно быть исполнено органами внутренних дел немедленно после его вынесения. При этом значение слова «немедленно», неоднократно употребляемого в КоАП РФ законодателем, не раскрывается. Отсюда следует, что оно может трактоваться правоприменителем по-разному в зависимости от субъективных представлений о понятии и обстоятельствах на текущий момент, в целом. Стоит отметить, что по общему правилу, установленному частью первой статьи 31.1. КоАП РФ, постановление по административному делу вступает в законную силу после истечения срока, установленного для его обжалования статьёй 30.3. КоАП РФ, – то есть по истечении десяти суток по общему правилу. При этом в статье 30.5. КоАП РФ законодатель отмечает, что жалоба на постановление об административном аресте подлежит рассмотрению в течение суток с момента подачи жалобы, если лицо, привлеченное к административной ответственности, отбывает административный арест. Сам КоАП РФ, при всём этом, не содержит нормы, согласно которой принесение протеста на постановление об административном аресте приостанавливало бы его исполнение. Отсюда следует, что формально постановление о назначении наказания в виде административного ареста исполняется органами внутренних дел ещё до его вступления в законную силу, а лицо, в отношении которого осуществляется производство по делу, фактически лишается предусмотренного Конституцией права на защиту своих прав и свобод. Исходя из сказанного, дабы исправить данное противоречие, законодателю надлежит более качественно продумать положения КоАП РФ в отношении исполнения административного ареста. В частности о том, где будет содержаться лицо в процессе обжалования и до вступления решения суда в силу. Конечно, можно предположить, что незамедлительное исполнение постановления об административном аресте может

быть обусловлено особым, специфическим характером данного вида административного наказания. Однако его сопряжение с ограничением основных и неотъемлемых прав человека, способствует тому, что юридические нормы, регламентирующие порядок его назначения и исполнения, должны быть максимально продуманными и не входить в противоречие с положениями Конституции Российской Федерации.

Имеют также место противоречия и проблемы при наложении такого вида административного наказания как дисквалификация. В частности, Д.А. Липинский [7, с. 86] обращает внимание на несогласованность длительности административного карательного воздействия с длительностью карательного уголовно-правового воздействия. Им отмечается, что в статье 47 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [8] установлено, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от одного года до пяти лет в качестве основного вида наказания и на срок от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного наказания. Административная дисквалификация, выступающая в роли административного аналога данного уголовного наказания, устанавливается на срок от шести месяцев до трех лет. Таким образом, имеет место совпадение пределов карательного уголовно-правового и административно-правового воздействия. Отсюда следует, что теоретически возможно за совершение административного правонарушения назначение административного наказания по своей длительности более строгого, чем предусмотренное УК РФ за более общественно опасное деяние – преступление. Потому законодателю следует более пристально рассмотреть и устранить указанное выше противоречие в плане соотношения аналогичных по сути видов наказания.

Имеется ряд сложностей, ошибок при исполнении и такого вида административного наказания, как обязательные работы. В частности, И.Н. Гайдарева и А.О. Поддубный [9, с. 235] утверждают, что зачастую перечень обязательных работ в муниципальных образованиях крайне мал и сами обязательные работы, как бесплатные общественно-полезные работы смещаются с общественными оплачиваемыми работами. Также, как отмечают авторы, нередки случаи и совпадения списков обязательных и исправительных работ, что является недопустимым в связи с их сущностью и уровнем общественной опасности совершённых деяний в целом, за которые данные наказания и были назначены. Кроме того, И.Н. Гайдарева и А.О. Поддубным отмечается, что имеют место случаи, когда главами некоторых муниципальных образований в перечень объектов обязательных работ включаются частные или коммерческие предприятия, на которых обязательные работы не должны отбываться в соответствии с российским законодательством. Также особые сложности с определением вида обязательных работ возникают в сельских поселениях, где зачастую одним из факторов выступают и неразвитость инфраструктуры в целом, отсутствие должного материального обеспечения. В свою очередь решение данных проблем может быть в более качественном нормативном урегулировании данного аспекта, выражающимся, в частности, в недопущении совпадения списков обязательных и исправительных работ и более чёткой их прописью.

Таким образом, являясь по своей структуре сложной, система административных наказаний не исключает наличия определённых трудностей и проблем при её реализации. При этом решение данных правовых проблем является обязательным для поддержания нормального и полноценного функционирования системы административных наказаний в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскеров М. Проблемы назначения наказания в виде лишения специального права // Бизнес в законе. Эко-

- номико-юридический журнал. 2013. № 3. С. 143–145.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
 3. Об оружии: федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
 4. Осокина Ю.М. Проблемы и ошибки в применении административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства как административного наказания // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых: сборник статей. Вып. 4. Барнаул: АлтАЭП, 2015. С. 64–68.
 5. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях на «1592» л. Проект № 957581-6. Вносится депутатами Государственной Думы В.А. Васильевым, В.Н. Плигиным, С.А. Поповым, Д.Ф. Вяткиным, В.А. Поневежским // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
 6. Долгих И.П., Супонина Е.А. Административный арест: спорные вопросы применения // Universum: Экономика и юриспруденция. 2014. № 11. С. 6–12.
 7. Липинский Д.А. О системе административной ответственности // Актуальные проблемы правоповедения. 2003. № 1-2. С. 83–87.
 8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
 9. Гайдарева И.Н., Поддубный А.О. Обязательные работы как вид административного наказания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 3. С. 232–236.

SOME PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE PENALTIES

© 2016

*S.A. Nazarov, master
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Keywords: administrative penalties; the imposition of administrative penalties; the problem of imposing administrative punishments; deprivation of special right; the expulsion from the Russian Federation of foreign citizens or stateless persons; administrative arrest; disqualification; mandatory works.

Abstract: The subject of research are some of the most common legal problems arising from the imposition of administrative penalties. In particular, deprivation of special right, the expulsion from the Russian Federation of foreign citizens or stateless persons, administrative arrest, disqualification and mandatory works. The article reveals the essence of the problems identified, to determine their probable adverse effects, and proposed possible solutions. Analysis subjected to many existing legal principles as a humanism, the possibility of appealing the decision of the court and authorized bodies, labor freedom. The paper analyzes how the current Russian legislation and bills.

Ключевые слова: принципы права; принцип состязательности; процессуальные права и обязанности; презумпция невиновности; недостатки; спорные положения; юридическая ответственность, конституция.

Аннотация: В данной публикации анализируются отдельные проблемы, связанные с реализацией одного из фундаментальных начал современного отечественного судопроизводства – принципа состязательности сторон в судебном процессе. Автором определяются наиболее серьезные нарушения при осуществлении данного принципа, которые существенно снижают качество судебных процессов и оказывают негативное воздействие на авторитет российской судебной системы в целом.

Судебная власть, как никакая другая, призвана осуществляться исключительно в строгих процессуальных формах. По своей сущности, они выражают собой важные гарантии свободы человека и потому имеют соответствующее закрепление в Конституции РФ. Наиболее фундаментальные из указанных гарантий закреплены в ст. 46–51 Основного закона нашей страны: презумпция невиновности, запрет повторного осуждения, право на пересмотр приговоров и др.

Одновременно ряд подобных принципов судопроизводства, также выступающими в качестве демократических гарантиями для граждан, сформулирован в ст. 123 Конституции РФ, где говорится следующее:

1. Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом.

2. Заочное разбирательство уголовных дел в судах не допускается, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом.

3. Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

4. В случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей [1].

Вышеприведенные конституционные положения следует считать универсальными началами, общепризнанными во всем мире, поскольку они зафиксированы в Международном пакте о гражданских и политических правах, ратифицированном нашим государством [2].

Между тем, анализ материалов опубликованной судебной практики, многочисленных статей и монографий, выступлений в СМИ по вопросам осуществления правосудия показывает, что при всей значимости принципов практическая их реализация в настоящее время имеет глубокие изъяны, в целом, негативно влияющим на авторитет отечественной судебной системы.

Например, достаточно распространенным недостатком при реализации принципа состязательности является нарушение судами обязанности разъяснять лицам, участвующим в деле, их права и обязанности.

В свою очередь, А. Давлетов полагает, что отрицательное воздействие на ход объективного рассмотрения дела, выступает не оказание судом содействия сторонам в реализации таких значимых прав, как получение необходимых доказательств, не разрешение вопросов о назначении экспертизы и вызове в судебное заседание экспертов и свидетелей [3, с. 17–24].

В.П. Божьев выделяет в качестве серьезного недостатка то обстоятельство, что нередко, на практике суд не создает условий для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств, правильного понимания и применения законов и иных правовых актов при разрешении дела. Лица, участвующие в деле, не всегда знают об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства.

Поэтому складывается ситуация, что в таких услови-

ях стороны не используют в полном объеме свои процессуальные возможности и не исполняют должным образом соответствующие процессуальные обязанности [4, с. 4–10].

В качестве наиболее распространенных нарушений при осуществлении принципа состязательности в уголовном судопроизводстве можно выделить следующие:

а) сугубо обвинительный либо оправдательный уклон в деятельности судебных органов. На данное обстоятельство неоднократно обращал внимание Пленум Верховного Суда РФ;

б) в силу различных причин органы дознания, предварительного следствия наряду с функцией уголовного преследования одновременно осуществляют и функцию защиты (например, при обнаружении оправдательных доказательств). При определенных условиях, они обладают полномочиями по разрешению уголовного дела. В частности, когда оно прекращается по реабилитирующим основаниям.

По нашему мнению, в этом проявляются недостатки нормативно-правового регулирования процесса возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. В данном случае следует согласиться с В.Т. Томиным, который полагает, что в досудебном производстве принцип состязательности имеет скорее формальное, чем реальное значение [5, с. 240].

Одним из распространенных нарушений является извещение участников о времени и месте судебного заседания.

В соответствии с законом лица, участвующие в деле и присутствующие в зале судебного заседания до объявления перерыва, считаются надлежаще извещенными о времени и месте судебного заседания, и их неявка после окончания перерыва не служит препятствием для продолжения заседания (п. 5 ст. 163 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [6].

Еще одним существенным недостатком в реализации принципа состязательности является невручение обвиняемым обвинительных заключений. Другое важное нарушение, имеющее принципиальное значение, – это отказ суда в предоставлении подсудимым не всегда последнего слова.

Рассмотрим несколько примеров типичных нарушений уголовно-процессуального законодательства, информация о которых имеется в открытом доступе, ибо размещена на официальных сайтах.

Так, кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда от 25 января 2005 г. (Дело № 22-141) по кассационному представлению государственного обвинителя на приговор Тотемского районного суда от 14 декабря 2004 г. приговор отменен и дело направлено на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе суда, так как в нарушение требований ст. 293 УПК РФ подсудимому Брагину не было предоставлено последнее слово, что согласно ст. 381 УПК РФ

является существенным нарушением норм уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора.

По данному основанию определением судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда от 22 апреля 2003 г. (Дело № 22 835) был отменен приговор Белозерского районного суда от 12 марта 2003 г. в отношении Амохина.

Одним из распространенных нарушений принципа состязательности является нарушение права на защиту. Так, суды кассационной инстанции рассматривают дела в отсутствие адвокатов.

Например, по приговору Чапаевского городского суда Самарской области от 24 ноября 2000 г. Власова осуждена по ч. 1 ст. 213, ч. 1 ст. 228, ч. 3 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [7]. Судебной коллегией по уголовным делам Самарского областного суда приговор изменен: Власова освобождена от наказания за хулиганство в связи с истечением срока давности, в остальном приговор оставлен без изменения.

По протесту заместителя Председателя Верховного Суда РФ президиум Самарского областного суда 14 февраля 2002 г. отменил кассационное определение, а дело направил на новое кассационное рассмотрение, указав, что «положения Конституции РФ предполагают необходимость законодательного обеспечения виновному лицу соответствующих возможностей для защиты своих прав и интересов при рассмотрении дела в кассационной инстанции».

При рассмотрении дела судом кассационной инстанции требования ч. 3 ст. 123 Конституции РФ не были выполнены. Несмотря на то, что в кассационной жалобе Власова просила участия адвоката в рассмотрении дела, последний о дате рассмотрения не был извещен и в рассмотрении дела не участвовал. Таким образом, нарушено право осужденной на защиту.

При рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей суд, например, необоснованно отклонил ходатайство подсудимого об отложении судебного заседания до явки защитника. При этом суды, как правило, страхуют себя, уведомляя, что при отсутствии защитника они предоставят бесплатного адвоката.

Нарушаются требования ст. 281 УПК РФ, согласно которым оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, допускается с согласия сторон в случаях наличия существенных противоречий между данными показаниями и показаниями, представленными в суде, а также их неявки в судебное заседание. В конечном итоге, несоблюдение всех указанных условий влечет нарушение принципа состязательности.

В свою очередь, согласно закону, изменение государственными обвинителем обвинения в сторону смягчения и принятия судом соответствующего решения может иметь место лишь после исследования значимых для дела материалов и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Однако суды этого мнения не выясняют (Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда от 20 мая 2004 г. Дело № 22-1051).

По нашему мнению, одной из ведущих юридических гарантий соблюдения принципа состязательности является совершенствование соответствующих процессуальных форм: конституционной, уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной, арбитражной и пр.

При этом особое место в процессуальной форме занимает реальное обеспечение для подсудимого права на защиту. Для ее качественного осуществления требуется равенство правовых возможностей сторон. Однако в действительности такое невозможно без оказания квалифицированной юридической помощи. Право каждого гражданина на получение квалифицированной юридической помощи гарантировано ч. 1 ст. 48 Конституции РФ; ст. 14

Международного пакта о гражданских и политических правах; ст. 5 и 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [8].

Между тем, в настоящее время в нашей стране, в результате кризисных явлений, экономическая ситуация весьма сложная. Для значительной части российских граждан квалифицированная юридическая помощь стала недоступной. Например, устная консультация лишь по одному правовому вопросу, в интересах физического лица, оценивается от пяти тысяч рублей и выше.

В таких условиях права человека и гражданина, гарантированные нормами отечественного и международного права, останутся декларативными, если их защитой не будут заниматься квалифицированные юристы.

Надо отметить, что российская адвокатура – это общественная организация, которая не имеет бюджетного финансирования. При наличии соглашения сторон, оплата работы адвоката производится на договорной основе. Однако из-за высоких цен на услуги квалифицированного специалиста граждане обращаются к системе представителей. В их роли нередко выступают лица, не имеющие юридического образования, либо юристы, у которых отсутствует опыт работы в суде, умения и знания в конкретной сфере судопроизводства.

Согласно закону, в нашей стране существует институт полного или частичного освобождения от оплаты услуг адвоката, то есть предоставление квалифицированной помощи за счет государства (ч. 5 ст. 50 УПК РФ). По своей сути, это является некоторой гарантией доступа малообеспеченных слоев населения к профессиональной защите в уголовном судопроизводстве.

Однако и здесь имеются определенные сложности, которые состоят в том, что многие адвокаты стараются уклониться от участия в таких категориях дел, или же их участие становится формальным.

По данным правозащитной Московской Хельсинской группы, одним из существенных нарушений права на защиту является распространенная практика органов следствия по навязыванию подследственному своего адвоката, который находится в дружественных отношениях со следователем или, по крайней мере, избегает вступать в спор со следствием [9, с. 7–8]. Если же подследственный выбирает адвоката по своему усмотрению, то его не допускают к делу по надуманным или сфальсифицированным обстоятельствам.

Нередко причина препятствия реализации принципа состязательности кроется в менталитете судей. Нередко федеральные и мировые судьи с самого начала процесса своим поведением, манерой отношения к сторонам дают понять, кого они поддерживают. В ходе прений они становятся активными участниками дискуссии, читают нравоучения свидетелям, другим участникам уголовного или гражданского процесса, комментируют показания свидетелей. Одновременно в ходе судебного заседания дают им оценку и диктуют секретарям судебного заседания указания, что должно быть занесено в протокол. По нашему мнению, такие поступки должны восприниматься как проявление необъективности и заинтересованности судьи в исходе дела.

Следует полагать, что многие недостатки теоретической основы УПК РФ связаны с односторонним пониманием принципа состязательности. Между тем, согласно представлениям Петербургской школы уголовного судопроизводства этот принцип – больше чем принцип, он определяет тип, форму или модель процесса, то есть само построение системы уголовного судопроизводства [10, с. 25–31].

В свою очередь, российское гражданское судопроизводство, также в соответствии с принципом состязательности, происходит в форме спора, где стороны сами несут ответственность за полноту представленных ими доказательств, от которых зависит правильность и объективность решения дела.

Процедуры возбуждения, продолжения и прекращения процесса, как правило, ставятся в зависимость от воли сторон, ограничиваемой судом лишь в редких случаях. Вместе с тем, многие нормы Гражданско-процессуального кодекса РФ рассчитаны на обязательное участие в судебных разбирательствах адвокатов и с той, и с другой стороны.

На практике это означает, что защитить права в суде и выиграть спор может тот истец или ответчик, который имеет более квалифицированного адвоката (представителя), а значит, и возможности правильного распоряжения процессуальными средствами защиты, в том числе и доказательств. В результате неспособность малообеспеченного гражданина воспользоваться правом на защиту становится угрозой реализации принципа состязательности и в гражданско-правовых отношениях.

Таким образом, существуют две основные проблемы в процессе реализации принципа состязательности. Проблема первая:

- состязательность понимается законодателем без учета специфики уголовного судопроизводства, ибо соответствующий процесс может быть двух видов: частно-исковой и публично-исковой. По своей природе они существенно отличаются друг от друга.

В частно-состязательном процессе спор ведется между частными лицами и в их интересах (гражданский процесс, производство по делам частного обвинения). В публично-исковом в споре участвует государство, отстаивающее общественный интерес.

Такой теоретический подход привел к следующему:

1) В УПК РФ утратил позиции принцип объективной истины. В реальности законодатель демонстрирует последовательный отказ от него. Между тем, отказ от принципа истины привел к падению стандартов доказанности, снижению качества расследования уголовных дел.

2) В настоящее время суд поставлен законодателем в «пассивное» положение, свойственное только частно-исковой процедуре. Ему запрещено по собственной инициативе собирать доказательства, контролировать обоснованность предания суду. С позиций теории и практики, это представляется сомнительным условием, ибо активность суда в доказывании есть неотъемлемое свойство публичной состязательности.

3) Стороне защиты предоставлено право собирать доказательства исключительно на уровне частно-искового производства. В действительности, защитник не производит процессуальной фиксации доказательств и полученные им материалы являются «заготовками» под будущие доказательства. Они могут стать ими лишь после приобщения к официальному уголовному делу. Формально защитнику дано право собирать доказательства. Вместе с тем, обвинителю оно реально предоставляется. Право защитника зависит от усмотрения обвинителя: приобщить или нет представленный документ или предмет к делу.

Проблема вторая:

- состязательность реализуется в УПК РФ непоследовательно и неполно. В итоге сохраняются элементы розыскного производства, прежде всего, в досудебном производстве. Розыскной процесс, в отличие от состязательного, характеризуется слиянием в одной структуре функций обвинения, защиты и разрешения дела. Эта проблема получила выражение в следующем:

1) Отсутствует равноправие сторон. Формально, следователя, дознавателя и прокурора закон называет стороной обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ). В действительности, они – органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, ведущие уголовное дело, то есть субъекты власти. В руках следователя, дознавателя, органа дознания и прокурора в досудебном производстве концентрируются полномочия обвинителя и органа, принимающего юрисдикционные решения о применении мер принуждения, легализации доказательств, отво-

де участников процесса, разрешении дела по существу путем его прекращения.

В целом положение следователя и дознавателя не способствует эффективности уголовного преследования. Уголовно-процессуальный закон ставит их в крайне сложную ситуацию еще на начальном этапе производства по делу. Когда за три часа с момента доставления задержанного необходимо получить согласие прокурора на возбуждение дела и провести комплекс неотложных следственных действий.

2) Само понимание состязательности в УПК РФ односторонне: стороны равноправны перед судом по тексту закона, но не друг с другом. Это положение опирается на известную концепцию, сознательно допускающую розыскное построение предварительного расследования, будто бы путем буквального толкования вышеупомянутой ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Под судопроизводством в данном случае предлагается понимать лишь производство в суде, но не досудебное производство.

3) Суд наделяется отдельными полномочиями, ему не свойственными. Так, ему предоставлено право избирать меру пресечения в виде заключения под стражу по своей инициативе, даже при возражениях стороны обвинения; направлять уголовное дело прокурору для привлечения к уголовной ответственности лица, ранее считавшегося невменяемым, и некоторые другие спорные условия.

Такое отсутствие состязательности на предварительном расследовании обусловлено тем, что одна из сторон, выступающая в производстве по делу, – сторона обвинения, выполняет функции, которые во многих других странах принадлежат другим государственным органам.

Выводы:

- в настоящее время основные проблемы реализации принципа состязательности, прежде всего, проявляются на этапе досудебного производства: стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, где фактически данный принцип имеет второстепенное значение;

- указанные стадии, являясь неравнозначными по объему процессуальной деятельности и образуя в целом досудебное производство по делу, содержат в себе достаточно препятствий для утверждения начала состязательности;

- признание права на состязание призвано означать, что за состязающимися субъектами реально закреплены равные средства и возможности как для утверждения собственных позиций, так и для оспаривания требований противоположной стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 342–355.
3. Давлетов А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 16–18.
4. Божьев В.П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 3–6.
5. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1991. 240 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52-1. Ст. 245.
7. Уголовный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Права человека: сборник универсальных и региональных международных документов. М.: Московский ун-т, 1990. С. 20–35.
9. Даровских С.М. Принцип состязательности в уголов-

ном процессе России и механизм его реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2001. 219 с.

10. Поздняков М.Л. Практическая реализация принципа открытости правосудия в Российской Федерации.

СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2013. 52 с.

11. Гражданско-процессуальный кодекс РФ // Российская газета. 2002. № 220.

THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL PROCEEDINGS IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE: PROBLEMS OF REALIZATION

© 2016

G.A. Ozhegova, candidate of law science, associate professor of the chair of «Theory of state and law»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: principles of law; the principle of adversarial proceedings; the procedural rights and duties; presumption of innocence; limitations; controversial provisions; legal responsibility, the constitution.

Abstract: Examines challenges in implementation of the principle of adversarial proceedings in the judicial process. Identifies irregularities in the implementation of this principle.

В.А. Рудковский, доктор юридических наук, профессор кафедры «Теория и история права и государства»

Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)

Ключевые слова: право; источники права; формы права; правообразующие факторы; воля как источник права.

Аннотация: В статье анализируются дискуссионные моменты теории источников права. Обращается внимание на неудовлетворительность господствующей плюралистической концепции. Предпринята попытка разграничения таких понятий, как источники права, формы права, правообразующие факторы. Под источником права предлагается понимать волю субъекта, правомочного устанавливать нормативные юридические предписания. Показано теоретическое и практическое значение такого подхода.

Вопрос о понятии и классификации источников права относится к числу традиционных и, вместе с тем, достаточно проблематичных в юридической науке. Давно известно, что термин «источники права» таит в себе двусмысленность и неопределенность. Всякий раз, когда идет ли речь о научном исследовании или учебном процессе, приходится уточнять, в каком смысле используется данное понятие. Для того чтобы преодолеть указанную неопределенность, учеными периодически предпринимались и предпринимаются попытки внести ясность в этот вопрос. В основном они осуществляются с двух позиций: монистической и плюралистической.

Сторонники монистического подхода предлагают либо вообще отказаться от словосочетания «источники права» как неточного и заменить его другим термином (например, нормативный факт), либо использовать данное выражение в каком-то одном строго определенном смысле. В частности, в своей известной монографии «Источники права» С.Л. Зивс предлагал пойти по пути сугубо формального истолкования источников права, полагая, что «источник права суть внешняя форма установления правовой нормы государством» [1, с. 10].

Представители плюралистического подхода, напротив, считают, что многозначность термина «источники права» свидетельствует только о том, что им обозначается исключительно сложное и неоднозначное явление (явления). Поэтому М.Н. Марченко отмечает, что «„источник права“, как и само право, непозволительно определять лишь с одной какой-либо отдельно взятой стороны», поскольку «это будет неполное, одностороннее его определение и несколько искаженное о нем представление» [2, с. 45].

В рамках такой методологической установки в настоящее время в основном и разрабатывается теория источников права. Плюралистичность указанной концепции выражается в том, что термином «источник права» обозначают самые разнообразные факторы, процессы, состояния и т. д., которые находятся в некоторой связи с правом. Это и факторы правообразования (так называемые первичные или социальные источники права), и признанные в том или ином государстве формы официального выражения правовых норм (формально-юридические источники права), и письменные памятники права (источники познания права), и другие феномены. Причем перечень смыслов, которыми может наделяться это понятие, а также аспектов и сторон, с которых оно может интерпретироваться, остается в принципе открытым. Так, М.Н. Марченко, например, считает, что источник права следует рассматривать в следующих аспектах: этимологическом; географическом, климатическом, биологическом и т. п. (естественный источник права); социальном, политическом, идеологическом, культурологическом и пр. (социальные источники права); экономическом (материальный источник права); философском (философский источник); формально-юридическом [2, с. 45–55].

Несмотря на распространенность, изложенная концепция, к сожалению, не дает ответа на главный вопрос:

что же представляет собой источник права как качественно самостоятельное правовое явление. В теоретической литературе предлагаются многочисленные определения источников права в «материальном смысле», «идеальном смысле», «формальном смысле» и т. д. [3, с. 208]. Но проблеме это не решает. Ведь за каждым таким определением, во-первых, стоят вполне самостоятельные и, как правило, уже известные науке феномены (правообразующие факторы, правосознание, формы права и т. д.). Более того, когда речь заходит о так называемых юридических источниках права, или источниках права в формально-юридическом смысле, то неизменно делается оговорка, что термин «источники права» в данном случае тождественен внешней форме права и не несет в себе какой-то самостоятельной смысловой нагрузки. То есть, по существу, признается избыточность указанного термина именно в «юридическом смысле», что само по себе свидетельствует не в пользу соответствующей доктрины.

Во-вторых, термином «источники права» обозначают не просто разные явления, но такие, которые относятся к качественно самостоятельным сферам социальной (экономика, политика и пр.) и естественно-природной (климат, биология и т. д.) действительности. Поэтому их проблематично не только подвести под некое общее определение, но даже представить в виде какого-то единого класса феноменов. Единственное, что можно сказать, так это то, что все они так или иначе связаны с правом, воздействуют на право, влияют на его понимание, служат средствами объективации права и т. д. и т. п. Но указанные связи и влияния столь специфичны и неоднозначны, что выстроить на их основе целостную концепцию источников права вряд ли возможно. К тому же, как совершенно верно отмечал О.Э. Лейст, «изучение факторов, определяющих содержание права, представляет значительный интерес для историка и социолога. Для юриста первостепенное значение имеет то, что, собственно, делает право правом...» [4, с. 25]. Но именно на этот вопрос плюралистическая концепция и не дает удовлетворительного ответа.

Один из возможных вариантов решения указанной задачи нам видится на пути более тесной увязки теории источников права с понятием права как волевого регулятора общественных отношений. Существенным представляется, прежде всего, признание того факта, что право, будучи обусловлено в своем развитии разнообразными объективными и субъективными факторами, в конечном счете является продуктом деятельности людей, выражением их воли. По определению Гегеля, «почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна, так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы...» [5, с. 67].

В целом можно заметить, что восприятие воли в качестве «исходной точки» права является характерной чертой политико-правовой мысли на протяжении многих веков. На это указывает сам термин «волеустановленное право», возникший еще в античности для разграничения

права естественного, существующего по природе вещей, и права позитивного, установленного властью и выражающего волю законодателя. Г. Гроций, например, называл человеческое право «волеустановленным, потому что оно имеет своим источником волю» [6, с. 74]. У Ж.Ж. Руссо источником права является общая воля, у И. Канта – чистая воля (практический разум), у К. Маркса – классовая воля. Исходный тезис у всех указанных и им подобных воззрений один: право – волевой регулятор общественных отношений, и его источник – воля.

Противоречивым в этой связи представляется положение, сложившееся в современной отечественной теории государства и права. С одной стороны, в литературе настойчиво отстаивается определение права как государственно-волевого регулятора общественных отношений, а с другой, источники права усматривают в чем угодно, но только не в воле субъектов, творящих право. Уместно будет заметить, что даже классики марксизма, последовательно проводившие идею обусловленности права и других надстроечных явлений экономическим базисом, неоднократно подчеркивали, что это влияние обнаруживается лишь в конечном счете, и сами по себе экономические факторы не могут превратиться в юридические правила; для этого они должны принять форму юридического мотива, пройти через сознание и волю субъекта, создающего право.

Необходимо, таким образом, более последовательно разграничивать такие понятия и явления, как источники права, формы права, правообразующие факторы.

Источником права является воля субъекта, правомочного устанавливать общеобязательные правовые предписания. Однако для того, чтобы воля могла стать правом, она должна быть выражена в надлежащей юридической форме. Отсюда извечный вопрос о соотношении источника и формы права, который, как правило, решается в пользу их тождества.

Так, О.Э. Лейст отмечает, что «непосредственным источником права является государственная воля, выраженная в строго определенной форме» [4, с. 26]. И, далее, заключает: «Содержание права зависит от государственной воли, но юридическую силу это содержание получает лишь с момента облечения его в соответствующую форму. В этом смысле термины “форма” и “источник права” означают одно и то же, поскольку государственная воля, создающая правовые нормы, и форма ее выражения практически совпадают» [4, с. 26–27].

В приведенном суждении спорными представляются два тезиса: во-первых, что государственная воля является источником только содержания права; во-вторых, что источником права является лишь та государственная воля, которая получила свое выражение в строго определенной юридической форме.

Как известно, право существует в неразрывном единстве содержания и формы. При этом форма не является чем-то вторичным для права, неким внешним «сосудом», в который вливается правовое содержание и который придает ему юридическую силу. Форма – это способ юридического бытия права как официального регулятора общественных отношений. Формальная определенность – такая же существенная черта права, как и нормативность. Именно в силу этого обстоятельства государственная воля не может «источать» содержание права само по себе, не облекая его в соответствующую форму. Невозможно, например, внести какие-то изменения в содержание действующего законодательства иначе как путем принятия другого закона. Следовательно, говорить о том, что государственная воля является источником только содержания права, неверно по существу. Она выступает источником права как целостного феномена, в единстве его содержания и формы.

Что же в таком случае означает вывод о якобы имеющем место совпадении государственной воли как источника права с формой права? На наш взгляд, он может оз-

начать только одно: полное совпадение источника права с самим правом. Например, если сказать, что закон как выражение государственной воли является источником права – это то же самое, что сказать: право, существующее в форме закона, является источником права. На этот алогизм обращал внимание Л.И. Петражицкий, отмечавший, что, подобно тому, как «кошки, собаки и т. д. суть не источники животных <...> а просто – животные <...> точно так же так называемые «источники права» – обычное право, законное право и т. д. суть не что иное как само право» [7, с. 411].

Необоснованным выглядит также тезис о том, что источником права является воля, выраженная в строго определенной юридической форме. Он не только ведет к необоснованному отождествлению источника и формы права, но, по существу, полностью нивелирует специфику источника как самостоятельного явления. Между тем, очевидно, что прежде, чем воля получит выражение в виде закона или иного обязательного установления, она должна быть признана правомочной на совершение таких действий. Иными словами, воля должна быть признана источником права еще до того, как она воплотится в конкретный закон или другую форму права. Наличие такой воли является необходимым условием существования права не только в логическом и историческом, но и строго юридическом смысле. Иначе праву было бы просто не откуда появиться.

Воля является источником права не потому, что она выражена как закон (в широком смысле этого слова), а потому, что она правомочна устанавливать (учреждать, создавать) закон. Не закон делает волю обязательной, а наоборот, воля – закон. Прежде чем исполнять закон, необходимо убедиться в обязательности источника, который его установил. Именно правомочность устанавливать общеобязательные предписания составляет сущностную черту воли как источника права. В качестве такой «правомочности» воля обеспечивает постоянное воспроизводство права, определяет и обновляет юридические нормы, наполняет их актуальным социальным содержанием.

Воля, получившая внешнее выражение в форме законодательного или иного юридического установления, приобретает иное юридическое качество: она становится собственно правом (конституционным, гражданским, семейным и т. д.). Тем правом, которое традиционно называют «объективным», то есть независимым от субъективных воли, включая и волю того правового авторитета, который изначально установил это право и является его источником.

Своеобразие и органичная взаимосвязь источников и форм (видов) права в свое время были удачно показаны известным отечественным правоведом Ф.В. Тарановским. Согласно Ф.В. Тарановскому, источником права является установление (по нашей терминологии – волеизъявление) соответствующего авторитета. Все источники права, полагал он, могут быть сведены к четырем категориям: 1) установление единоличного авторитета (лица физического или юридического); 2) установление коллективного (массового) авторитета; 3) договор, или соглашение двух или многих лиц (физических или юридических); 4) практика государственных учреждений, в особенности судебная практика.

Каждому источнику права соответствует свой вид права. В результате установлений единоличного авторитета возникает законное право (нормативно-правовой акт), установлениям коллективного или массового авторитета соответствует обычное право (правовой обычай), установлениям двух и более лиц – договорное право (нормативный договор), установлениям судебной практики – прецедентное право (юридический прецедент) [8, с. 174–197].

В современной юридической литературе близкую точку зрения развивает Н.Н. Волпенко в предложенной им концепции «легальных источников права». По мнению указанного автора, источники права следует

классифицировать на два основных вида: социальные и легальные. Социальные источники права – это объективно сложившиеся в конкретном обществе факторы правообразования, «которые спонтанно обуславливают правотворческую деятельность субъектов, привнося и воплощая в содержание правовых норм экономические, политические, групповые и прочие интересы людей» [9, с. 260]. Что же касается легальных источников права, то данным понятием, полагает Н.Н. Вопленко, можно обозначить силу, творящую, создающую право. «Легальные источники права – это действующие в пределах правотворческой компетенции субъекты, разрабатывающие и вводящие в действие юридические источники или формы права» [9, с. 261].

Трактовка воли в качестве источника права имеет не только теоретический, но и практический смысл. Поскольку право является продуктом деятельности людей, воплощением их воли, оно всегда чревато различного рода ошибками, пробелами и прочими недостатками. Отсюда актуальной для каждой правовой системы является проблема оптимизации существующих источников права, поиска научно обоснованных путей совершенствования правотворчества, научной и иной критики действующего законодательства и иных форм права.

Волевая трактовка источников права позволяет конструктивно решать проблему иерархии действующих форм позитивного права.

Каждая правовая культура исторически вырабатывает свою систему источников и форм права. Однако во всех случаях наблюдается одна общая закономерность: высшая юридическая сила признается за теми нормами, которые исходят от наиболее авторитетной в данном обществе воли (например, божественной воли, воли предков, воли народа и т. п.). И наоборот, чем дальше удалена воля, создающая право, от первичного источника права, за которым признается высший авторитет, тем меньшей юридической силой обладают нормы, установленные таковой волей.

Немаловажной для современной России является и проблема легитимации действующего законодательства. И она также не может быть удовлетворительно решена в отрыве от теории и практики источников права.

Является ли действующее право средством навязывания нам чужой воли, или оно есть результат согласо-

вания социальных волей, итог социального компромисса? Абстрактные решения указанного вопроса не всегда адекватно отражают реальное положение вещей. Ведь за так называемой «государственной волей общества» в действительности может стоять и воля государственного аппарата, и воля отдельных промышленных и финансовых организаций и т. д. «На стадии возведения общественной воли в закон возможны ошибки, просчеты, промедления или ненужная поспешность, в результате чего выражаемая в законе государственная воля может оказаться не вполне соответствующей воле и интересам социальной общности либо, особенно при множестве органов, осуществляющих правотворческую деятельность, внутренне противоречивой» [4, с. 28–29].

Для того чтобы право действительно выражало волю общества, последняя должна как минимум учитываться законодателем. И здесь, на наш взгляд, можно вести речь о «социальных источниках права», понимая под последними волю различных социальных общностей, групп, институтов, индивидов, составляющих современное гражданское общество. Проблема формирования правовых механизмов выявления и последующего законодательного закрепления воли указанных субъектов чрезвычайно актуальна для современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зивс С.Л. Источники права. М.: Юридическая литература, 1981. 241 с.
2. Марченко М.Н. Источники права. М.: Проспект, 2006. 773 с.
3. Проблемы теории государства и права / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2012. 592 с.
4. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. 279 с.
5. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Наука, 1956. 868 с.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 606 с.
8. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 2001. 552 с.
9. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: ВолГУ, 2009. 898 с.

SOURCES OF LAW: PROBLEMS OF THE THEORY

© 2016

V.A. Rudkovsky, doctor of juridical sciences, professor Department of Theory and History of Law and State
Volgograd State University, Volgograd (Russia)

Keywords: law; sources of law; forms of law; law-forming factors; will as a source of law.

Abstract: The article is dedicated to the analysis of discussional points of the theory of sources of law. The article pays attention to dissatisfactory state of major pluralist concept. The author makes an endeavour to show the difference between sources of law, forms of law, and law-forming factors. It is suggested that one should understand a source of law as the will of a subject having the right to settle legal prescriptions and norms. The theoretical and practical meaning of such approach is shown.

НЕОБХОДИМОСТЬ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОПИНГА В РОССИИ

© 2016

*О.А. Середкина, студент**Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)*

Ключевые слова: допинг; Кодекс об административных правонарушениях РФ; уголовная ответственность; Государственная Дума; Совет Федерации РФ; законопроект; Уголовный кодекс РФ.

Аннотация: Исследуется проблема использования допинга в российском спорте. Предлагается ввести уголовную ответственность за данное правонарушение. Рассматривается вопрос обоснования ужесточения наказания.

Спорт в России является одним из главных инструментов государственной пропаганды. Поэтому на поддержку и премирование профессиональных спортсменов выделяются огромные денежные средства. Например, отечественные спортсмены за победу на Олимпийских играх получают одни из самых высоких премий в мире. Это, в свою очередь, вызывает соблазн достичь победных результатов нечестным путем, используя запрещенные препараты, именуемые допингом.

Термин «допинг» имеет английскую этимологию и обозначает использование веществ синтетического или природного происхождения, позволяющих добиться улучшения спортивных результатов.

В Кодексе об административных правонарушениях РФ статья 6.18. «Нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним» предусматривает наказание для нарушителей в виде дисквалификации, но это касается лишь определенных должностных лиц и не распространяется на спортсменов [1]. Так, п. 1 названной статьи гласит следующее:

- нарушение тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта, установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга и борьбе с ним, выразившееся в использовании в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода независимо от согласия спортсмена либо в содействии в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, – влечет дисквалификацию на срок от одного года до двух лет.

На основании п. 2, те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего спортсмена, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, – влекут дисквалификацию на срок три года.

Однако растущее количество громких соответствующих скандалов с участием россиян, приведшее к массовым дисквалификациям наших спортсменов. События недавно прошедшей летней Олимпиады в Рио-де-Жанейро говорят о том, что административной ответственности за использование определенных медицинских препаратов и запрещенных методов явно недостаточно. Назрела необходимость введения уголовной ответственности за указанное правонарушение.

Рабочая группа по законотворческой деятельности экспертного совета при комитете Государственной Думы по физкультуре, спорту и делам молодежи подготовила законопроект о введении уголовной ответственности за допинговые нарушения в спорте.

По мнению ответственного за составление данного документа, президента национального объединения спортивных юристов России С. Алексеева, предлагаемая уголовная ответственность за допинг направлена на предупреждение нарушения, так как страх наказания заставит тренеров и врачей не только не принуждать спортсмена к употреблению допинга, но и тщательней контролировать своих подопечных. Инициатор законо-

проекта полагает, что необходимо введение в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) одной или нескольких соответствующих статей.

При этом санкция за означенное противоправное деяние должна быть не меньше трех лет лишения свободы, а к недобросовестным тренерам, работающим с несовершеннолетними спортсменами, применимое наказание должно быть ещё строже. Проект закона был передан в Государственную Думу для рассмотрения и принятия.

С юридической точки зрения, вносимое предложение, в случае его реализации, будет представлять собой процедуру криминализации. Это «установление уголовной ответственности за деяния, ранее не относившиеся к числу преступлений. Криминализация вызвана тем, что в новых социально-экономических и политических условиях ряд деяний, прежде не представляющих общественной опасности, стали общественно опасными» [2, с. 168].

Член Совета Федерации РФ В.А. Тюльпанов активно поддерживал эту инициативу. По его мнению, необходимость появления указанной статьи в УК РФ обусловлена озабоченностью широкой общественности проблемой использования допинга спортсменами для достижения высоких спортивных результатов и беспрепятственной реализацией запрещенных в спорте лекарственных препаратов.

Согласно законопроекту, за несоблюдение правил отпуска, продажи, реализации и пересылки средств, в составе которых имеются запрещенные к применению в спорте вещества, для лиц, в обязанности которых входит соблюдение данных правил, предусмотрен штраф до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода привлекаемого к ответственности за период от одного года до трех лет, или лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет, или обязательные работы сроком до 360 часов, или исправительные работы сроком до одного года, или максимальное наказание – ограничение свободы на срок до одного года.

Не останутся безнаказанными тренеры и специалисты в области спорта и физкультуры, принуждающие спортсменов к употреблению запрещенных к использованию до, во время или после спортивного соревнования лекарственных препаратов.

Для них предусматривается штраф от 200 тысяч рублей до 500 тысяч рублей, или в размере заработной платы или иного дохода за период от одного до трех лет, или принудительные работы на срок до пяти лет с одновременным лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, или лишение свободы на срок до пяти лет с одновременным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет [3].

Информацию о том, что в самое ближайшее время в УК РФ будут внесены вышеперечисленные поправки, подтвердил глава Олимпийского комитета России, первый заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ шестого созыва А.Д. Жуков.

По его словам, проект был принят в первом чтении, ибо для того, чтобы борьба с допингом стала комплекс-

ной и эффективной, необходимо, чтобы новый закон начал работать как можно скорее. Председатель независимой общественной антидопинговой комиссии Олимпийского комитета России В.Г. Смирнов сообщил о том, что закон, ужесточающий ответственность за применение запрещенных лекарственных средств, планируется принять до конца 2016 года.

Рассмотрим юридический аспект введения уголовной ответственности за употребление и распространение допинга. Эта идея не нова и используется во многих странах. Главный посыл заключается в том, что спортсмен, принимающий запрещенные вещества, должен нести самостоятельную ответственность за содеянное.

Здесь кроется несколько сомнительных моментов, одно из которых заключается в том, что профессиональный спорт в наши дни настолько сложен, что невозможно представить себе спортсмена, умышленно принимающего какие-либо препараты без предварительной консультации со специалистами. Представители почти всех видов спорта в России, находящиеся долгое время на сборах внутри коллектива (команды), наверняка даже не имеют представления о том, что принимают, за них всё решают врачи.

Таким образом, вопрос уголовной ответственности спортсменов не может быть решен без привлечения иных лиц. Нельзя также не учитывать, что дисквалификация по инициативе антидопинговых служб спортсмена является достаточно суровым наказанием, поскольку лишает его источника существования – возможности заниматься профессиональной деятельностью.

Возникает дилемма: заслуживает ли провинившийся спортсмен двойного наказания, ибо отстранение от соревнований фактически является лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

Производство допинга осуществляется не кустарным способом, а в крупных лабораториях, зачастую спонсируемых государством. Примером могут служить перебравшиеся из ГДР в Китай в начале 90-х годов немецкие специалисты, добившиеся при помощи фармакологии выдающихся результатов в плавании от немецких спортсменов в 70-80-е гг.

Наибольшую опасность представляет именно такая систематическая деятельность в области создания и предоставления допингового сервиса. Такого рода врачам совершенно не страшен запрет на осуществление профессиональной деятельности, так как они могут продолжать свою работу неофициально, незаметно для профессиональных спортивных организаций.

Для этих спортивных деятелей дополнительная уголовная ответственность необходима вдвойне. Что касается чиновников, курирующих спорт, то помимо наказания за патронаж употребления запрещенных препаратов спортсменами и осведомленность об этом, существует мнение, что их надо наказывать и за разглашение информации о положительных допинг-пробах российских спортсменов.

Проводится аналогия с разглашением государственной, банковской или коммерческой тайны, за которую предусмотрена уголовная ответственность. Однако, по нашему мнению, предлагаемая мера будет направлена против информирования общественности и для сокрытия компрометирующей чиновников информации.

В свою очередь, это не будет способствовать главной цели – противодействию допингу. Вместе с тем, за осведомленность и патронаж, необходимо наказывать чиновников как за деяние повышенной степени общественной опасности. Участие официальных государственных лиц в противоправной деятельности несет в себе серьезные репутационные потери для государства.

С введением уголовной ответственности за действия с допингом встает вопрос о доказательной базе при определении степени вины спортсмена, тренера или врача.

С врачом всё более или менее ясно: он не может не знать, какой препарат предлагает спортсмену.

Между тем, тренер и сам спортсмен могут, полностью доверяя врачу, не знать, что имеют дело с запрещенными препаратами. И даже если спортсмен и тренер были полностью информированы, что наиболее вероятно, доказать их осведомленность будет достаточно сложно.

Например, как задним числом определить: тренер склонил спортсмена к употреблению допинга или атлет сам инициировал использование запрещенных препаратов; с согласия или без него спортсмену был введен в организм соответствующий допинг

Однако перевод допинговых дел в уголовную плоскость позволит использовать самые серьезные методы дознания: обыски, допросы, прослушивание телефонных разговоров и т. д. Только это даст возможность сотрудникам правоохранительных органов собрать достаточное количество улик или заставить подозреваемых граждан начать давать показания.

Можно обратиться к зарубежному опыту. Италия, одна из первых стран решившихся бороться с систематическим употреблением допинга, в 2000 г. приняла специальный закон, который регулирует правила охраны здоровья спортсменов и предусматривающий ряд мер, направленных на борьбу с допингом. Для посредников, закупающих или непосредственно вводящих запрещенные препараты в организм спортсмена, предусмотрена уголовная ответственность (до трех лет тюрьмы). До шести лет тюрьмы по приговору суда могут получить лица, занимающиеся продажей запрещенных препаратов. В результате ужесточения закона Италия совершила значительный рывок в деле борьбы с допингом. За последние шестнадцать лет число уличенных в использовании запрещенных препаратов итальянских спортсменов значительно сократилось [4].

С 1 января 2016 г. в Германии вступил в силу закон, поддержанный Национальным олимпийским комитетом страны, предусматривающий тюремное заключение и крупные денежные штрафы за использование допинга. Спортсменам, за применение и хранение запрещенных веществ, грозит наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет лишения. При этом медицинские работники и лица, предоставляющие эти вещества спортсменам, могут лишиться свободы сроком до десяти лет [5].

Помимо вышеперечисленных упомянутых стран, уголовная ответственность за употребление и производство допинга действует во многих странах мира: США, Китае, Франции, Финляндии, Греции

Промедление нашей страны в решении этого вопроса привело к тому, что российская команда спортсменов поехала на олимпиаду в Бразилии в сильно усеченном составе из-за дисквалификаций, а паралимпийцы были дисквалифицированы в полном составе и остались дома.

В свою очередь, это явилось следствием скандала, случившегося в ноябре 2015 г., и связанного с обвинением российских легкоатлетов в массовом применении допинга. Совет Международной ассоциации легкоатлетических федераций отстранил Всероссийскую федерацию легкой атлетики от международных соревнований на неопределенный срок и лишил нашу страну права проведения командного чемпионата мира и юношеского первенства по ходьбе [6].

Вместе с тем, здесь возникает очередная, сложная ситуация, для разрешения которой потребуются участие очень многих специалистов различных сфер деятельности: медицинских работников, химиков, юристов и представителей правоприменительных органов. Проблема заключается в проведении четких границ между допингом, наркотическими и иными подобными средствами.

Например, в ФЗ РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» закреплено следующее понятие:

- психотропные вещества – вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, природ-

ные материалы, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией о психотропных веществах 1971 года [7].

По нашему мнению, не вызывает сомнения тот факт, что с означенными препаратами, в той или иной степени, работают люди, занимающиеся производством допинга. Эти и иные сопутствующие вопросы достаточно подробно рассмотрены в монографиях В.В. Лошкарева [8], А.В. Малько [9], диссертации М.В. Назурука [10] и других авторов. Из всего вышеизложенного можно сделать однозначные выводы:

- ужесточение наказания за допинг и перевод его в уголовную плоскость в России давно назрело и превратилось в жизненную необходимость;

- в первую очередь это наказание должно быть направлено на производителей и распространителей запрещенных препаратов, то есть на источник правонарушения;

- в отношении спортсменов возможно ограничение на уровне административной ответственности: денежные штрафы, продолжительность дисквалификации);

- безусловно, сокращение употребления допинга приведет к некоторому снижению спортивных результатов наших спортсменов, но это ничто, по сравнению с репутационными потерями государства и самих участников соревнований различного уровня, связанного с последующим лишением наград и иными утратами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 06.07.2016 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7355.
2. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Толковый словарь юридических терминов. М.: Эксмо, 2008. 443 с.
3. Захаров Р.А. За использование допинга введут уголовную ответственность // Известия. 2016. № 5. С. 2–3.
4. Русанов Г.А. Кого наказывать за допинг // Ведомости. 2016. № 4052. С. 5.
5. Максимов М.А. В Германии введена уголовная ответственность за применение допинга // Спорт-экспресс. 2015. № 289. С. 1–2.
6. Волкова Н.А., Бирюкова И.А. Правовое регулирование деятельности спортсменов-профессионалов // Экономика, социология и право. 2016. № 4-1. С. 125–128.
7. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 1998. 15 янв.
8. Лошкарев В.В. Антинаркотизм в России: теоретический и историко-правовой анализ. Самара: Самар. отделение Литфонда, 2011. 213 с.
9. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М.: Юрист, 2000. 255 с.
10. Назурук М.В. Административная ответственность за незаконные приобретение, хранение, потребление наркотических веществ или психотропных средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 18 с.

THE NEED TO INTRODUCE CRIMINAL LIABILITY FOR DOPING IN RUSSIA

© 2016

O.A. Seredkina, student
Samara State University of Economics, Samara (Russia)

Keywords: doping; the Code of Administrative Offences; criminal responsibility; the State Duma; the Federation Council; the bill; the Criminal Code of the Russian Federation.

Abstract: The problem of doping in Russian sports. It is proposed to introduce criminal responsibility for the offense. The question of justification of increasing the punishment.

А.Ю. Смагина, старший преподаватель кафедры
«Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: Налоговый кодекс РФ; налоговая санкция; поощрительный характер; налоговое право.

Аннотация: В данной статье исследуется проблема установления и применения налоговой санкции с двух точек зрения: с одной она рассматривается как ее карательная мера, а с другой – как инструмент мотивации налогоплательщиков, побуждающий к соблюдению норм налогового законодательства – позитивная налоговая санкция. Развитие законодательства и теории права подтолкнуло к такому рассмотрению вопроса о санкциях, предлагая изучать принципы их установления и применения. Среди основных принципов и требований установления и применения налоговых санкций в статье установлены: требование дифференциации, соизмеримости меры ответственности с правонарушением, однократности, индивидуализации и другие. Кроме того, в статье рассмотрены особенности использования важной категории для применения налоговых санкций – срока давности.

Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время применение налоговых санкций карательного характера относится к распространенным инструментам борьбы с правонарушителями налогового законодательства. Предлагаемая к рассмотрению проблема установления и применения налоговых санкций позволяет обратить внимание на возможность применения инструментов, мотивирующих к соблюдению норм права. Это обеспечивает доверие налогоплательщиков к контролирующим органам и позволяет направить усилия на оптимизацию бизнес-процессов. Исследованию данной проблемы посвятили свои научные труды такие ученые, как А.А. Гогин, А.А. Мусаткина, А.В. Малько, О.М. Киселева и прочие [1–5].

Соблюдение норм налогового права обеспечивается возможностью государства применять меры принуждения за нарушение обязанностей, предусмотренных законодательством о налогах и сборах. В соответствии с пунктом 1 статьи 114 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) ответственность за налоговые правонарушения находит свое выражение в соответствующей части нормы права, называемой санкцией [6]. Налоговая санкция представляет собой форму реагирования государства на нарушение налогового законодательства и является внешним материальным выражением государственно-властного принуждения за совершение налогового проступка. Рассматривая трактовку термина «санкция» в юридической литературе и законодательстве, можно прийти к выводу, что он употребляется в самом широком смысле и имеет различные значения. Согласно мнению А.А. Мусаткиной, можно выделить четыре различных определения данного термина: под санкцией понимается часть правовой нормы, содержащая указание на меры государственного принуждения относительно правонарушителя; санкция представляет собой государственную меру, которая применяется к лицу, совершившему правонарушение, а также формы и меры ответственности, содержащиеся в правовых нормах и обладающие карательным характером [4]. Санкция рассматривается в виде разрешения, подтверждения, утверждения чего-либо вышестоящим компетентным органом; санкция представляет собой меру принуждения в целях осуществления ответственности за совершенное противоправное деяние (бездействие).

К базовому принципу установления и применения налоговых санкций относится тот факт, что они взыскиваются с налогоплательщиков как в судебном порядке, так и во внесудебном порядке, то есть по решению налогового органа. В отношении судебного порядка, при взыскании налоговой санкции с юридического лица или индивидуального предпринимателя, исковое заявление подается в арбитражный суд. Если же налоговая санкция взыскивается с физического лица, исковое заявление направляется в суд общей юрисдикции. Следует отметить,

что при установлении и назначении мер юридической ответственности за нарушения налогового законодательства необходимо соблюдать установленные законодательством принципы.

В юридической литературе принято различать следующие требования и принципы, соблюдение которых гарантирует правомерное установление и применение мер ответственности при нарушении налогового законодательства:

а) требование дифференциации. Заключается в разграничении причин совершения налоговых правонарушений и их последствий. Так, большая часть правонарушений в сфере законодательства о налогах и сборах связана с фактом неуплаты или неполной, несвоевременной уплаты сумм налога или сбора. Однако последствия таких правонарушений могут иметь различную почву и причины.

Среди наиболее опасных деяний следует рассматривать сокрытие объектов налогообложения путем намеренного искажения данных учета и отчетности, в то время как наименьшую опасность для общества несет занижение налоговой базы путем различных непреднамеренных ошибок ее исчисления.

Несмотря на то, что последствия обоих нарушений идентичны, правовой принцип справедливой ответственности подразумевает применение различных мер воздействия к лицам, совершившим правонарушение, в зависимости от тяжести содеянного. Исходя из этого, к примеру, при сокрытии объектов налогообложения применяется не только административная, но и в уголовная ответственность, когда занижение налоговой базы, совершенное по неосторожности, карается лишь административными мерами воздействия. Таким образом, наказание за налоговое правонарушение должно соизмеряться с результатом содеянного и с учетом причиненного вреда;

б) требование соизмеримости меры ответственности с правонарушением. Данный принцип подразумевает зависимость штрафа, взыскиваемого за правонарушение, приводящие к недоимке, от суммы такой недоимки, которая выражает вред, нанесенный государственному бюджету. Таким образом, штрафы за налоговые правонарушения, которые приводят к невыполнению налогового обязательства, должны взиматься с учетом последствий противоправных действий (бездействия) и размера образовавшейся недоимки;

в) требование однократности предполагает невозможность повторного наказания нарушителя за одно и то же налоговое правонарушение;

г) требование индивидуализации – каждое налоговое правонарушение должно быть рассмотрено с точки зрения причин, его вызвавших, обстоятельств его совершения и т. д.;

д) требование обоснованности предполагает, что размеры санкций должны быть обоснованы с точки зрения

противостоянию конкретному правонарушению: они могут преследовать цели наказания виновного и общей превенции. В том случае, если применение санкций преследует другие цели, это является нарушением требований обоснованности. Это обусловлено тем, что исходя из содержания ст. 57, 71, 72, 75 Конституции РФ, налоги и сборы выступают в роли базы формирования бюджета. Исходя из этого, можно заключить, что придание финансового и бюджетного значения штрафам является нарушением ч. 2 ст. 6 Конституции РФ, которая гласит о том, что граждане несут равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ.

е) требование нерепрессивности заключается в понимании того факта что в правовом государстве (в отличие от тоталитарного) право – это не средство принуждения и подавления личности посредством репрессий, а механизм, направленный на координирование различных общественных интересов. Нерепрессивный характер применения санкций за налоговые правонарушения предполагает наложение взысканий с учетом материального положения субъекта ответственности, а также отсутствие необратимого характера последствий при применении штрафа за налоговые правонарушения для возможности лица получать доход.

В соответствии с п. 2 ст. 114 НК РФ, если в случае рассмотрения налоговым органом или судом фактов, которые были выявлены при проверке налогоплательщика или налогового агента, установлены смягчающие обстоятельства, размер штрафа должен быть уменьшен [6]. Однако законодатели не установили нижний предел при снижении штрафов, равно так же, как и не предусмотрели исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут оказать влияние на размер санкции. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации» от 11 июня 1999 г. № 41/9 установило, что «суд по результатам оценки соответствующих обстоятельств (например, характера совершенного правонарушения, количества смягчающих ответственность обстоятельств, личности налогоплательщика, его материального положения) вправе уменьшить размер взыскания и более чем в два раза» [7]. В том случае, если суд или налоговый орган решит, что совершение повторного правонарушения было при стечении смягчающих обстоятельств, он может не увеличивать размер штрафа или же увеличить его незначительно [8]. Согласно п. 4 ст. 114 НК РФ, штраф ни при каких обстоятельствах нельзя увеличивать больше чем на 100 % [6]. Однако некоторые ошибочно трактуют наоборот: во всех случаях штраф обязательно должен быть увеличен на 100 %.

Пунктом 6 ст. 114 НК РФ установлен первоочередной порядок взыскания недоимки, затем пени и в последнюю очередь – штрафов [6]. В случае, когда у субъекта имеется прочая задолженность, очередность взыскания санкций устанавливается в порядке, установленном гражданским законодательством РФ. При этом следует помнить, что бывают ситуации, когда уголовное дело возбуждается по истечении шести месяцев после взыскания санкций, и факт прекращения такого дела не является условием для обнуления и исчисления заново срока взыскания санкций [9]. В том случае, когда уголовное дело прекращается, и отпадают обстоятельства, препятствующие взысканию, исчисление прерванного срока продолжается. Важным аспектом в отношении применения налоговых санкций является исчисление срока давности [10]. Он установлен в статье 113 «Срок давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения» [6].

Исходя из того, что уголовное дело может быть возбуждено многократно по одним и тем же фактам, порядок исчисления срока давности взыскания санкций может повторяться не один раз и по прошествии времени

возможно существенно изменение значения наложенного взыскания. Для применения института давности необходимо утвердить, какие периоды не учитываются при исчислении срока давности, так как в НК РФ отсутствуют основания для прерывания течения срока давности, за исключением случая, когда налогоплательщик препятствовал проведению проверки, в том числе и возбуждения уголовного дела.

Законодатель установил, что лицо не может быть привлечено к ответственности за совершение налогового правонарушения, если со дня его совершения либо со следующего дня после окончания налогового периода, в течение которого было совершено это правонарушение, и до момента вынесения решения о привлечении к ответственности истекли 3 года. При этом исчисление срока давности со дня совершения налогового правонарушения применяется в отношении всех налоговых правонарушений, кроме предусмотренных статьями 120 и 122 НК РФ [6].

Течение срока давности привлечения к ответственности может приостанавливаться. Так, в НК РФ установлено, что если лицо, привлекаемое к ответственности за налоговое правонарушение, активно противодействовало проведению выездной налоговой проверки, что стало непреодолимым препятствием для ее проведения и определения налоговыми органами сумм налогов, подлежащих уплате в бюджетную систему Российской Федерации, то срок исковой давности может быть приостановлен.

Моментом приостановления течения срока давности считается день составления акта, соответствующего тому, что при проведении налоговой проверки со стороны налогоплательщика были предприняты действия по воспрепятствованию доступу должностных лиц налоговых органов, проводящих налоговую проверку, на указанные территории или в помещения.

В этом случае течение срока давности привлечения к ответственности возобновляется со дня, когда прекратили действие обстоятельства, препятствующие проведению выездной налоговой проверки, и вынесено решение о возобновлении выездной налоговой проверки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гогин А.А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 21 с.
2. Гогин А.А. Налоговые льготы как стимул для налогоплательщиков // *Налоги-журнал*. 2015. № 3. С. 41–44.
3. Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 38 с.
4. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов: СГУ, 1994. 40 с.
5. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность как вид юридической ответственности // *Журнал российского права*. 2005. № 10. С. 142–151.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ; ред. от 03.07.2016 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
7. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 41/9 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
8. Писарева Е.Г. Субъекты налоговых правоотношений в системе субъектов финансового права // *Налоги-журнал*. 2015. № 2. С. 32–34.
9. Репетева О.Е. Классификация юридической ответственности // *Вектор науки Тольяттинского государ-*

ственного университета. Серия: Юридические науки.
2014. № 1. С. 68–70.
10. Филиппова Н.А., Макевнина Д.Ю. Направления по-

вышения эффективности налогового контроля за на-
логовыми правонарушениями // Экономика. Управле-
ние. Право. 2012. № 8-1. С. 12–14.

PRINCIPLES FOR ESTABLISHING AND USE TAX SANCTIONS

© 2016

A. Yu. Smagina, assistant professor of the chair “Civil law, civil procedure and Labor Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: Tax Code; tax penalty; a promotional character; the tax law.

Abstract: This article examines the problem of the establishment and application of the tax penalties c two points of view: the one she considered her a punitive measure, but on the other – as a motivation tool taxpayers, prompting to the norms of the tax legislation – the positive tax penalty. The development of law and legal theory pushed to such a consideration of the question of sanctions, offering to study the principles of their establishment and use. Among the basic principles and requirements of the establishment and application of tax penalties in the article is installed: the requirement of differentiation commensurate accountability measures to the offense, once, personalization and more. In addition, the article examines the use of an important category for the application of tax penalties – statute of limitations.

**ОСОБЕННОСТИ УВОЛЬНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО
ПО ИНИЦИАТИВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ**

© 2016

А.И. Стригина, магистрант*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: юридическая ответственность; государственный служащий; увольнение; коррупция; конфликт интересов.

Аннотация: Происходящие серьезные преобразования в антикоррупционном законодательстве отразились и на правовом статусе государственного служащего, в том числе в части требований к служебному поведению. В частности, введен ряд ограничений, связанных с прохождением государственной службы. Соответственно изменились основания и порядок увольнения государственного служащего. Некоторые условия увольнения, вызванные утратой доверия, рассматриваются автором данной публикации.

В отличие от общего порядка увольнения работника по инициативе работодателя, предусмотренного ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), увольнение государственного служащего имеет свои особенности [1].

Антикоррупционная политика государства внесла свои коррективы в правовое положение государственно-государственного служащего, в том числе в части установления ограничений и запретов по службе, ужесточения юридической ответственности последнего за коррупционные правонарушения.

Для того чтобы уяснить правовую природу введенных ограничений, первоначально необходимо обратиться к положениям Федерального закона от 25.12. 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В п. 1 ст. 1 указанного акта изложена весьма объемная характеристика данной формы противоправного поведения. Под коррупцией понимается:

- злоупотребление служебным положением, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [2].

Профессор Академии управления МВД России П.А. Скобликов предложил собственную формулировку анализируемого явления:

- коррупция означает участие в совершении деяний или подстрекательстве к совершению деяний, представляющих собой выполнение или невыполнение служебных обязанностей, в расчете на получение какого-либо преимущества, которое было лично или через посредников обещано, предложено или запрошено, или же принятие какого-либо преимущества, непосредственно предоставленного, будь то для себя самого или от имени другого лица, за выполнение или невыполнение служебных обязанностей [3, с. 41].

По мнению автора, законодательное определение, по сравнению с вышеизложенным, отличается более высоким уровнем конкретики и детализацией рассматриваемого противоправного деяния.

Со своей стороны, Д.В. Гордиенко одной из угроз экономической безопасности российского государства определяет как криминал в экономике и коррупцию [4, с. 116].

Насколько опасны преступления коррупционной направленности, говорит тот факт, что 26 апреля 2004 г. наша страна ратифицировала Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принятую в г. Палермо 15 ноября 2000 г., ибо коррупция является ее неотъемлемым элементом [5].

В установленном Федеральным законом о государственной службе порядке, гражданский служащий под-

лежит увольнению в связи с утратой доверия за принятие мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является; непредставлением сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также членов своей семьи либо представлением заведомо недостоверных или неполных сведений; участием на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией за исключением случаев, установленных Федеральным законом; осуществлением предпринимательской деятельности; вхождением в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории России их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором России или законодательством РФ; нарушением гражданским служащим, членами его семьи запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории России, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами [6].

Согласно ст. 59.1 вышеназванного акта, за несоблюдение гражданским служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции Федеральным законом № 273-ФЗ и другими федеральными законами [7; 8], налагаются следующие взыскания:

- 1) замечание;
- 2) выговор;
- 3) предупреждение о неполном должностном соответствии.

При наличии более серьезных обстоятельств, указывающие на наличие в поведении гражданского служащего коррупционной составляющей, подлежит увольнению в связи с утратой доверия.

1) непринятия гражданским служащим мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является;

2) непредставления гражданским служащим сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений;

3) участия гражданского служащего на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных Федеральным законом;

4) осуществления гражданским служащим предпринимательской деятельности;

5) вхождения гражданского служащего в состав органов управления, попечительских или наблюдательных

советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории РФ их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором РФ или законодательством РФ;

б) нарушения гражданским служащим, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Представитель нанимателя, которому стало известно о возникновении у гражданского служащего личной заинтересованности, приводящая или способная привести к конфликту интересов, подлежит увольнению в связи с утратой доверия. Указанная санкция применяется к данному должностному лицу и в том случае, если им не приняты меры по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов сторон.

Предусмотренные законом взыскания за коррупционные правонарушения налагаются представителем нанимателя на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

Однако в ситуации, когда доклад о результатах проверки предварительно рассматривался комиссией по урегулированию конфликтов интересов, решающим условием наложения взыскания послужат рекомендации комиссии.

Отметим, что при применении взысканий в обязательном порядке учитывается ряд факторов:

а) характер совершенного гражданским служащим коррупционного правонарушения; его тяжесть и обстоятельства, при которых оно совершено;

б) соблюдение гражданским служащим других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов;

в) исполнение им требований, установленных в целях противодействия коррупции, а также предшествующие результаты исполнения гражданским служащим своих должностных обязанностей.

Взыскания применяются не позднее одного месяца со дня поступления информации о совершении гражданским служащим коррупционного правонарушения.

Вместе с тем, во внимание не принимается период временной нетрудоспособности гражданского служащего, пребывания его в отпуске, других случаев его отсутствия на службе по уважительным причинам, а также времени проведения проверки и рассмотрения ее материалов комиссией по урегулированию конфликтов интересов. Взыскание должно быть наложено не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении коррупционного правонарушения.

В акте о применении к гражданскому служащему взыскания в случае совершения им коррупционного правонарушения в качестве основания применения взыскания указывается статья 59.1 или 59.2 Федерального закона «О государственной службе».

Копия акта о применении соответствующего взыскания с указанием коррупционного правонарушения и нормативно-правовых актов, положения которых им нарушены, или об отказе в применении такого взыскания с указанием мотивов вручается заинтересованному под расписку в течение пяти дней со дня издания означенного документа.

С одной стороны – требования Закона весьма жесткие. Однако здесь следует согласиться с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной им в процессе обобщения практики применения положений вышеуказанных законов и при решении конкретной жалобы заинтересованной гражданки РФ [9].

По мнению высшей отечественной судебной инстан-

ции, одной из основных мер профилактики коррупции в рамках контроля государства за имущественным положением государственных служащих в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в качестве основания для освобождения от замещаемой должности и (или) увольнения с замещаемой должности лица, замещающего должность государственной службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами РФ, либо для применения в отношении него иных мер юридической ответственности указывается непредставление таким лицом сведений (представление заведомо недостоверных или неполных сведений, представление заведомо ложных сведений) о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруга (супруга) и несовершеннолетних детей (пункт 4 статьи 6).

Конституционный Суд РФ полагает, что соответствующее правовое регулирование, направленное на предотвращение и преодоление коррупции, обусловлено спецификой государственной службы.

С одной стороны, поступая на нее, гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями к труду (статья 37, часть 1, Конституции РФ).

С другой стороны, добровольно избирая профессиональную деятельность, он обязан не только знать о наличии определенных запретов и обязанностей, связанных с реализацией особых, публично-правовых, полномочий, но и строго выполнять их

Таким образом, подчеркивалось в судебном вердикте, положения Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» – в системной взаимосвязи с иными правовыми нормами федерального законодательства, в том числе устанавливающими принципы и порядок увольнения со службы в связи с утратой доверия: не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права государственных гражданских служащих.

Вместе с тем отметим, что во всех вышеприведенных ситуациях речь идет о нарушениях, которые еще не приняты форму конкретного уголовного наказуемого деяния. При установлении подобных фактов в поведении гражданского служащего, он может быть привлечен к уголовной ответственности по соответствующим статьям Уголовного кодекса РФ [10].

Выводы:

- гражданский служащий вправе обжаловать взыскание в письменной форме в комиссию государственного органа по служебным спорам или в суд;

- снятие взыскания за коррупционное правонарушение возможно. Если в течение одного года со дня применения взыскания гражданский служащий не был подвергнут дисциплинарному взысканию, он считается не имеющим взыскания;

- в то же время по смыслу Закона не допускается право представителя нанимателя снять взыскание до истечения определенного срока по собственной инициативе, по письменному заявлению гражданского служащего или по ходатайству его непосредственного руководителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трудовой кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1-1. Ст. 3.
2. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12. 2008 № 273-ФЗ // Парламентская газета. 2008. 31 декабря.
3. Скобликов П.А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. М.: Норма, 2008. 271 с.
4. Гордиенко Д.В. Основы экономической безопасности государства. М.: ИНФРА-М, 2009. 222 с.
5. О ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и до-

- полняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее: федеральный закон от 26.04.2004 № 26-ФЗ // Российская газета. 2004. № 3467.
6. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ: ред. от 30.12.2015 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
 7. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ: ред. от 03.11.2015 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50-4. Ст. 6953.
 8. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ: ред. от 03.11.2015 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50-4. Ст. 6953.
 9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бронниковой Оксаны Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части 1 статьи 59.2 и частью 3 статьи 59.3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1858-О // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
 10. Уголовный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

FEATURES DISMISSAL OF PUBLIC SERVANTS ON THE INITIATIVE OF THE EMPLOYER

© 2016

A.I. Strigina, undergraduate
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal liability; civil servant; dismissal; corruption; conflict of interest.

Abstract: The ongoing major changes in anti-corruption legislation affected the legal status of civil servants, including in terms of the requirements for official behavior, limitations associated with the passage of the civil service, respectively, changed the grounds and procedure of dismissal of civil servant.

О.М. Стройкова, аспирант

Донбасская юридическая академия, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Ключевые слова: уголовная ответственность; непризнанное государство; международный уголовный суд; криминалистические технологии; эффективность судопроизводства.

Аннотация: Рассмотрена проблема криминалистического обеспечения уголовной ответственности за преступления, совершенные на территории непризнанного государства. Обращено внимание, что в таких международно-правовых реалиях документирование преступлений осуществляет общественная комиссия. Подтвержден ее статус внепроцессуального субъекта в международном уголовном судопроизводстве. Показана эффективность применения криминалистической технологии в ходе соответствующего документирования. Сформулированы критерии оптимизации взаимодействия внепроцессуального субъекта с участниками судопроизводства.

Криминогенная ситуация в самопровозглашенной Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) свидетельствует о существовании негативных тенденций относительно обеспечения ответственности за военные и иные преступления, относящиеся к юрисдикции международных судебных инстанций. Значительные трудности расследования подобных преступлений вызваны условиями международной «непризнанности», что осложняет обращение правоохранительных органов такого государства к международному правосудию. Вместе с тем, документирование военных и подобного рода преступлений осуществляют общественные комиссии. Именно они приобретают статус внепроцессуального субъекта в международном уголовном судопроизводстве и передают в Международный уголовный суд собранные материалы о преступлениях данного вида, – подчеркивают А.М. Жигулин и А.М. Моисеев [1].

Актуальным остается поиск новых средств фиксации и сбора доказательств для привлечения к ответственности лиц за преступления, совершаемые в условиях непризнанного государства.

В условиях непризнанного государства весьма актуальна проблема достоверности получаемой доказательственной информации. Это объясняется существованием нескольких значимых и необходимых факторов, без наличия которых те или иные сведения о совершенных противоправных деяниях не принимаются во внимание.

Прежде всего, в науке международного права понятие «непризнанные государства» связывают с присутствием ряда обязательных признаков данного феномена:

а) легальное закрепление наименования государства (принимаемое как официальное) и соответствующих символов (герб, флаг, гимн), населения и контроля над территорией;

б) создание всех структур управления (включая высшие и местные органы власти, судебную систему, правоохранительные органы и вооруженные силы);

в) разработка и утверждение правовой системы с последующим закреплением ее Конституцией страны и другими нормативно-правовыми актами.

Вместе с тем, такие государственные образования не приобретают официального дипломатического признания со стороны стран-членов Организации Объединенных Наций, что, безусловно, создает известные трудности в расследовании преступлений. Однако исторический и недавний опыт показывает, что с течением времени, соответствующие земли и население признаются некоторыми другими субъектами мирового сообщества в качестве территории, находящейся под юрисдикцией другого государства.

Именно такой подход сложился в первом десятилетии настоящего века в отношении республик Южная Осетия и Абхазия, вышедших из состава Грузии после вооруженного конфликта в августе 2008 г. Подобная ситуация также имела место при отделении края Косово от бывшей Югославии, где основную этническую группу составляют албанцы.

Поэтому для обеспечения достоверности расследования преступлений, подпадающих под юрисдикцию международных судебных инстанций, применяют общественный контроль за процедурой сбора доказательств и фиксации противоправных деяний, определяемых международным правом как военные преступления, – пишет А.М. Моисеев [2, с. 155–156].

В частности, означенная практика стала складываться в девяностые годы прошлого века, в период гражданской войны в ранее названной Югославии, завершившейся распадом этой страны и образованием новых государств: Словении, Сербии, Хорватии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговины.

Рассмотрим лишь отдельные вопросы, характеризующие методы и процедуры фиксации вышеуказанных видов преступлений в современный период на территории ДНР, являющейся пока еще непризнанным государством.

Так, вне зависимости от наличия разнообразных проблем и сложностей, помимо традиционных способов обнаружения закрепления доказательств (допросы потерпевших и свидетелей, осмотр места происшествия и пр.), в практику уголовного судопроизводства активно внедряются современные технологии, научные открытия и достижения. Поэтому в специальной литературе обсуждаются проблемы применения компьютерных, информационных, цифровых и других, в том числе и судебно-экспертных технологий в уголовном доказывании. Соответствующие технологии развиваются в связи с необходимостью «за счет детализации и рационализации формализовать познавательную, конструктивную, коммуникативную и удостоверительную деятельность следователя», – считает В.А. Журавель [3, с. 354–357].

Именно в этом аспекте прослеживается направленность технологий на оптимизацию деятельности по фиксации и процессуальному закреплению доказательств преступления.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время органами генеральной прокуратуры ДНР возбуждено около тысячи уголовных дел, связанных с военными преступлениями, совершенными военнослужащими украинской армии на территории республики. Они подразделяются на несколько направлений, среди которых наиболее важное значение имеют следующие:

- преступления против мирных граждан;
- преступления против детей;
- преступления, связанные с уничтожением жилых и промышленных объектов,
- преступления против военнопленных и иных задержанных лиц.

В подобных ситуациях обращение экспертов к научно-техническим разработкам в области криминалистических исследований, несомненно, способствует качественному расследованию уголовных дел и могут иметь решающее значение для конечных результатов.

Современные представления о технологиях в уголовном судопроизводстве достаточно подробно обобщил

в своей монографии А.В. Шмонин. По определению ученого, это система ряда теоретических положений, характеризующих базовые, фундаментальные принципы практической реализации последовательных действий в работе экспертов и следователей в процессе доказывания, совершенных противоправных деяний [4, с. 354].

В современной научной литературе уголовно-процессуального направления излагаются различные взгляды на криминалистические технологии, выделяются и конкретизируются отдельные аспекты процедур и методов организации расследования, а также средств, приемов и способов, операций, описания, инструкций, входящих в технологии.

Так, по мнению Н.П. Яблокова и А.Ю. Головина, процессы выявления и исследования доказательственной информации при расследовании преступлений требуют применения технико-технологического подхода для качественной и объективной фиксации доказательств, выявленных в ходе расследования конкретного преступления [5, с. 25].

Со своей стороны, В.Ю. Шепитько полагает, что оптимизация расследования означает экономию процессуальных ресурсов, а также сокращение сроков проведения отдельных следственных действий и сроков досудебного расследования [6, с. 36]. Поэтому указанный автор формулирует выводы, что одно из направлений применения технологий позволяет более эффективно и качественно управлять теми или иными ресурсами в процессе сбора доказательств преступления.

Вопросы активного внедрения в следственную, оперативно-розыскную, другие виды правоохранительной деятельности компьютерных технологий для фиксации криминалистически значимой информации подробно проанализированы в работе В.В. Бирюкова [7].

В первую очередь, они связаны с информацией, технологичность обработки которой определяется ее значительным объемом, точностью и достоверностью отображения юридических фактов. В частности, компьютерные технологии способствуют эффективной реализации регистрационной функции в раскрытии преступлений.

В свою очередь, В.Я. Колдин и О.А. Крестовников отмечают, что преимущество информационных технологий состоит в привлечении более широкого объема информации для принятия судебных решений, в сравнении с информацией, которая имеет только уголовно-правовое значение [8, с. 90].

Например, современное развитие судебной экспертизы непосредственно связано именно с компьютерными и информационными технологиями и внедрением в уголовное судопроизводство методов математики и кибернетики. [9]. В итоге, применение информационных технологий в целом направлено на усовершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений [10].

Ряд российских ученых одним из существенных аспектов технологий в практике сбора доказательств считают их управленческий характер. Это объясняется тем, что указанные технологии становятся средствами управления информационными ресурсами, с помощью компьютерной техники. При этом конечной целью означенного управления выступает оптимизация их применения, а также учет и других факторов, влияющих на качество собираемых доказательств [11, с. 6].

В научных публикациях отдельных исследователей с позиций психологической методологии обсуждается деятельностный подход к пониманию содержания криминалистических технологий. При этом соответствующие процедуры рассматриваются в виде системы взаимосвязанных действий, выполняемых по установленному алгоритму, в структуру которого входят отдельные ситуационно-обусловленные рабочие операции [10, с. 33].

Обобщая все вышеизложенное, следует согласиться с позицией Р.С. Белкина. Данный исследователь подчеркивал, что технология представляет собой совокупность

правил, приемов и способов наиболее рациональной и эффективной организации судопроизводства [13, с. 261].

Таким образом, процедура сбора и фиксации доказательств для привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления на территории непризнанного государства предполагает следующие условия:

1) документирование преступлений осуществляет внепроцессуальный субъект, которым может быть общественная комиссия или общественные организации;

2) в ходе документирования они применяют общепризнанные криминалистические технологии, предназначенные для оптимизации взаимодействия всех участников судопроизводства.

Выводы:

- считаем необходимым ввести в содержание криминалистических технологий критерий оптимизации взаимодействия внепроцессуального субъекта с судебным экспертом, а также с судом и другими субъектами судопроизводства;

- криминалистические технологии, в обстановке непризнанного государства, становятся действенным инструментом сбора и фиксации доказательств, совершенных военных преступлений;

- собранные бесспорные доказательства послужат залогом реального привлечения виновных субъектов к уголовной ответственности за военные и иные преступления международного характера на территории непризнанного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жигулин А.М., Моисеев А.М. Документирование военных преступлений в условиях вооруженного конфликта. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.
2. Моисеев А.М. Общественный субъект в международном судопроизводстве // Культура в фокусе научных парадигм: материалы IV Международной научно-практической конференции. Донецк: ДонНУ, 2016. Вып. 4. С. 155–156.
3. Журавель В.А. Проблеми формалізації слідчої діяльності // Реформування судових і правоохоронних органів України: проблеми та перспективи: матеріали наук.-практ. конф. Харків: Одисей, 2010. С. 354–357.
4. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики. М.: Юрлитинформ, 2010. 416 с.
5. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М.: Юрист, 2005. 288 с.
6. Шепитько В.Ю. Техніко-криміналістичне забезпечення органів досудового слідства та якості слідчої діяльності // Теоретичні основи забезпечення якості кримінального законодавства та правозастосовчої діяльності у сфері боротьби зі злочинністю в Україні: матеріали наук. конф. Харків: Право, 2009. С. 33–36.
7. Бирюков В.В. Научные и практические основы использования компьютерных технологий для фиксации криминалистически значимой информации. Луганск: РИО ЛАВД, 2002. 264 с.
8. Криминалистика: информационные технологии доказывания / под ред. В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. 752 с.
9. Моисеев А.М. Следовая картина преступления и ее экспертное исследование // Другі Таврійські юридичні наукові читання: матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Сімферополь: Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського, 2014. С. 108–113.
10. Моисеев О.М. Взаємодія експертів при проведенні комісійних експертиз // Правничий часопис Донецького університету. 2009. № 1-2. С. 151–156.
11. Гохберг Г.С., Зафиевский А.В., Короткин А.А. Информационные технологии. М.: Академия, 2014. 224 с.
12. Коновалова В.О., Шепитько В.Ю. Юридична психологія. Харків: Право, 2008. 240 с.

13. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.

**THE PROBLEM OF CRIMINAL RESPONSIBILITY DETERMINATION
UNDER THE CONDITIONS OF THE UNRECOGNIZED STATE**

© 2016

O.M. Stroykova, post-graduate student
Donbass Law Academy, Donetsk (Donetsk People's Republic)

Keywords: criminal responsibility; unrecognized state; international criminal court; criminalistics technologies; court proceedings effectiveness.

Abstract: The problem of criminalistics ensuring of criminal responsibility for the crimes committed on the territory of the unrecognized state has been considered. It has been noted that the public commission carries out the documentation of the crimes in such international legal realias. Its status of the out-of-procedural subject in the international criminal court proceedings has been confirmed. The use effectiveness of the criminalistics technology in the course of such documentation has been shown. The criteria of interaction optimization of the out-of-procedural subject with the parties of the court proceedings have been formed.

Е.В. Чуклова, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: акционерное общество; прекращение корпоративных прав; акция; выкуп акций; приобретение акций.

Аннотация: В статье рассмотрена актуальная на сегодняшний день тема, поскольку корпоративное и гражданское законодательство в части прекращения прав членства содержит достаточно большое количество оценочных понятий, что затрудняет применение их на практике. В частности, в законодательстве не раскрывается понятие грубого нарушения участником общества своих обязанностей. В работе проведен анализ судебной практики, на основании которого выявлены особенности таких способов прекращения корпоративных прав, как выход и исключение из общества, выкуп и приобретение обществом акций.

Действующее корпоративное законодательство предусматривает различные основания прекращения корпоративных прав и обязанностей, в качестве которых можно выделить:

- во-первых, ликвидацию хозяйственного общества или смерть или ликвидацию участника или акционера;
- во-вторых, гражданско-правовые сделки, направленные на отчуждение акций или долей;
- в-третьих, выход или исключение из состава участников общества с ограниченной ответственностью;
- в-четвертых, приобретение акционерным обществом размещенных акций или покупка отчуждаемой доли в обществе с ограниченной ответственностью;
- в-пятых, выкуп акций по требованию акционера.

Рассмотрим некоторые из указанных оснований.

Выход или исключение из состава участников являются самостоятельными основаниями прекращения корпоративных прав и обязанностей. Возможность выхода из состава участников общества с ограниченной ответственностью может быть ограничена уставом общества (п. 1 ст. 94 ГК РФ и п. 1 ст. 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [1]). Кроме этого, Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» не допускает выход участника, если в результате этого в обществе не остается ни одного участника, а также единственному участнику общества. Если устав допускает выход участника, то он реализуется посредством отчуждения доли независимо от согласия других членов общества. П.1 ст. 23 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» установлен запрет на приобретение обществом доли или части долей в уставном капитале, за исключением случаев, предусмотренных законом об обществах [2]. В случае если уставом общества отчуждение доли или части доли, принадлежащих участнику общества, третьим лицам запрещено и другие участники общества отказались от их приобретения либо не получено согласие на отчуждение доли или части доли участнику общества или третьему лицу при условии, что необходимость получить такое согласие предусмотрена уставом общества, общество обязано приобрести по требованию участника общества принадлежащие ему долю или часть доли.

Особенностью отчуждения в этом случае является то, что продажа обществу доли в его уставном капитале не требует соблюдения преимущественного права, договор, по которому осуществляется продажа доли, не требует нотариального удостоверения.

В соответствии с абзацем 3 пункта 2 статьи 23 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в случае приобретения доли по требованию участника общества, общество обязано выплатить участнику действительную стоимость его доли в уставном капитале общества, определенную на основании данных бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дню обращения участника общества соответствующим требованием, или с согласия участника выдать ему в натуре имущество той же стоимости [3].

Данная обязанность обществом должна быть исполнена в течение трех месяцев, за исключением случаев, когда иной срок установлен уставом общества с ограниченной ответственностью.

Временем подачи заявления о выходе из общества и соответственно временем возникновения обязанности по уплате действительной стоимости доли или части доли в уставном капитале общества, принадлежащего члену общества, подавшему заявление о выходе, либо обязанности выдать ему в натуре имущество такой же стоимости согласно правовой позиции пленумов Высший арбитражный суд РФ (ВАС РФ) и Верховный суд РФ (ВС РФ) принято считать [4]:

- во-первых, день передачи заявления совету директоров (наблюдательному совету) либо исполнительному органу общества (единоличному или коллегиальному), либо работнику общества, в обязанности которого входит передача заявления надлежащему лицу;
- во-вторых, в случае, когда заявление направлено по почте, день его поступления в экспедицию либо к работнику общества, выполняющему соответствующие функции.

Помимо обязанности по уплате действительной стоимости доли или части доли в уставном капитале общества, принадлежащего члену общества, подавшему заявление о выходе из общества с ограниченной ответственностью, либо обязанности выдать ему в натуре имущество такой же стоимости, у Общества с ограниченной ответственностью возникают обязанности:

- во-первых, известить налоговые органы посредством направления заявления о внесении соответствующих изменений реестр юридических лиц и документа, подтверждающего основания перехода к обществу доли или части доли в его уставном капитале;
- во-вторых, распределить, продать или погасить долю или часть доли, принадлежавшие вышедшему члену.

Участники общества, доли которых в совокупности составляют не менее чем десять процентов уставного капитала общества, вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет.

Анализ судебной практики показывает, что к грубым нарушениям суды относят: совершение действий, заведомо влекущих вред для общества, нарушающих доверие между его участниками и препятствующих продолжению нормальной деятельности общества, распространение заведомо недостоверной информации о ликвидации общества, направление контрагентам писем с уведомлением о расторжении договоров, заключенных ими с обществом, и предложением заключить аналогичные договоры с конкурирующим обществом. Совершение участником действий, заведомо противоречащих интересам общества, при выполнении функций исполнительного органа общества также может являться основанием для исключения такого участника из общества, если эти действия причинили обществу значительный вред и

(или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили [5].

Под действиями участника, которые делают невозможной деятельность компании либо существенно ее затрудняют, понимается систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании, лишаящее общество возможности принимать решения по вопросам, требующим единогласия всех его участников. При решении вопроса о том, является ли допущенное участником общества нарушение грубым, необходимо принимать во внимание степень его вины, наступление негативных для общества последствий. Сделки, заключенные исключаемым участником после подачи иска об исключении из состава участников общества, могут свидетельствовать о злоупотреблении правом его стороны с целью избежать ответственности за намеренное причинение вреда обществу [6].

В отличие от обществ с ограниченной ответственностью, прекращение корпоративных прав и обязанностей акционеров возможно путем приобретения акционерным обществом размещенных акций или посредством их принудительного выкупа.

Общество вправе приобретать размещенные им акции по решению общего собрания акционеров об уменьшении уставного капитала общества путем приобретения части размещенных акций в целях сокращения их общего количества, если это предусмотрено уставом общества.

Решение о приобретении акционерным обществом размещенных акций находится в компетенции общего собрания акционеров, оно принимается простым большинством голосов акционеров – владельцев голосующих акций общества, принимающих участие в собрании.

Общество не вправе принимать решение об уменьшении уставного капитала общества путем приобретения части размещенных акций в целях сокращения их общего количества, если номинальная стоимость акций, оставшихся в обращении, станет ниже минимального размера уставного капитала.

Акции, приобретенные обществом, не предоставляют права голоса, не учитываются при подсчете голосов, по ним не начисляются дивиденды, поэтому такие акции должны быть реализованы по цене не ниже их рыночной стоимости не позднее одного года с даты их приобретения. В противном случае общее собрание акционеров должно принять решение об уменьшении уставного капитала общества путем погашения указанных акций. В случае реализации закрытым акционерным обществом собственных акций, приобретенных ранее с согласия акционеров общества, преимущественного права на приобретение данных акций у акционеров не возникает [7].

Если владелец обыкновенных или привилегированных акций решил произвести отчуждение всех или части принадлежащих ему акций посредством предъявления требования о выкупе обществом всех или части принадлежащих ему акций у акционерного общества возникает соответствующая обязанность их выкупить.

Выкуп акций по требованию акционера возможен в следующих случаях:

– во-первых, при реорганизации общества или совершении акционерным обществом крупной сделки, если при голосовании по данным вопросам акционеры голосовали против решения о его реорганизации или одобрении указанной сделки либо не принимали участия в голосовании по указанным вопросам;

– во-вторых, при внесении изменений и дополнений в устав общества, принятии общим собранием акцио-

неров решения, являющегося основанием для внесения изменений и дополнений в устав общества, при утверждении новой редакции устава акционерного общества, если вносимые изменения и дополнения ограничивают их права, в случае если они голосовали против принятия соответствующего решения или не принимали участия в голосовании;

– в-третьих, при принятии общим собранием акционеров решения об обращении с заявлением о делистинге акций общества или эмиссионных ценных бумаг общества, если акционеры голосовали против принятия соответствующего решения или не принимали участия в голосовании [8].

Таким образом, законодательство, регламентирующее деятельность хозяйственных обществ, содержит обширный перечень оснований прекращения прав членства, ряд из которых может происходить по желанию самого участника, некоторые из оснований требуют инициативы от других участников, а некоторые от самого общества. Необходимо отметить, хотя неправомерное поведение исключаемого участника нарушает права и законные интересы общества, само общество не вправе быть истцом в спорах, связанных с исключением участников. В таких спорах требование могут предъявить только участники общества, хотя при этом и не признается, что противоправное поведение исключаемого участника нарушает их права и законные интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ: ред. от 03.07.2016: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016 // Российская газета. 1998. № 30.
2. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.10.2014 по делу № А28-13379/2012 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
3. Определение Верховного Суда РФ от 19.08.2015 № 304-ЭС15-9134 по делу № А75-4406/2014 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
4. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 // Специальное приложение к «Вестнику ВАС РФ». 2005. № 12. С. 155–161.
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2012. № 8. С. 186–203.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 3330/13 по делу № А41-41903/10 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
7. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 06.04.2010 № Ф03-1817/2010 по делу № А59-4897/2009 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
8. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»: ред. от 03.07.2016: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

THE TERMINATION OF CORPORATE RIGHTS OF PARTICIPANTS OF ECONOMIC SOCIETIES

© 2016

E.V. Chuklova, assistant professor of business and labor law
Tolyatti State University, Tolyatti (Russia)

Keywords: joint-stock company; the termination of corporate rights; share; repurchase of shares; acquisition of shares.

Abstract: In the article actual to date theme as corporate and civil legislation regarding termination of rights of membership contains a large number of evaluative concepts, which complicates their use in practice. In particular, the legislation reveals the concept of gross violation by the participant of their responsibilities. In the work the analysis of judicial practice on the basis of which the peculiarities of such methods of termination of corporate rights, as exit and exclusion, redemption and purchase of shares.

**СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ТРУДА РАБОТНИКОВ
И ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ**

© 2016

Е.А. Шевелева, магистрант кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: договор; возмездное оказание услуг; закон; предоставление труда работников; ответственность; заемный труд.

Аннотация: В статье рассматриваются два вида договоров: договор о предоставлении труда работников и договор о возмездном оказании услуг. Автором проведен сравнительно-правовой анализ данных договоров, отмечены достоинства и недостатки применения указанных договоров. В заключение автором делаются выводы о дальнейшем применении данных договоров на практике с учетом изменений в правовом регулировании труда.

В настоящее время законодательством активно совершенствуются законы. Вносятся огромное количество поправок. Поправка к закону – это предложение об изменении или дополнении юридического документа, в том числе нормативного акта или проекта нормативного акта. В текущем году изменения коснулись международного права (конвенция о международном обмене налоговой информацией, перечень товаров, которые запрещено ввозить в Россию), налогового законодательства (формы и сроки отчетности, размеры налоговых, социальных вычетов, порядок налогообложения), гражданского законодательства (мораторий на проведение плановых проверок малого бизнеса, введение в эксплуатацию сервиса подачи заявлений о государственной регистрации в интерактивном режиме через интернет), трудового права (новые правила предоставления персонала) и др.

С 1 января 2016 г. вступили в действие поправки, принятые 05.05.2014 г. Федеральным законом № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данные поправки относятся к правовому регулированию заемного труда.

Необходимо отметить, что в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – Трудовой кодекс РФ, ТК РФ) внесена статья 56.1 о запрещении заёмного труда. Под заёмным трудом понимается труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника. Кроме того, Трудовой кодекс РФ пополнен новой главой 53.1 об особенностях регулирования труда работников, направленных временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала). Договор о предоставлении труда работников (персонала) – это договор, по которому исполнитель временно направляет своих работников, с их согласия, к заказчику для выполнения этими работниками определенных их трудовыми договорами трудовых функций в интересах, под управлением и контролем заказчика. Заказчик обязуется оплатить услуги по предоставлению труда работников (персонала) и использовать труд направленных к нему работников в соответствии с трудовыми функциями, которые определены трудовыми договорами, заключенными этими работниками с исполнителем.

Договор о предоставлении труда работников (персонала) в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс РФ) не поименован [4, с. 14].

Исходя из вышеизложенного, можно увидеть, как законодатель «сконструировал» договор о предоставлении персонала по модели договоров возмездного оказания услуг в качестве особого подвида договоров этого типа.

Считаем необходимым провести разграничения между договором о предоставлении труда работников (персонала) и договором возмездного оказания услуг.

Юридическое регулирование вышеназванных договоров между заказчиком и исполнителем осуществляется Гражданским кодексом РФ. Для исполнителя по догово-

ру о предоставлении персонала в обязательном порядке между ним и работником должен быть заключен трудовой договор. Отношения, оформленные трудовым договором, регулируются Трудовым кодексом РФ.

Предметом договора о предоставлении труда работников (персонала) являются обязанность исполнителя направить заказчику работников определенной квалификации и в согласованном количестве для выполнения ими своих трудовых функций и обязанность заказчика оплатить услуги по предоставлению труда этих работников. Кроме того, должно быть согласие работника, дополнительное соглашение к трудовому договору, соблюдение принимающей стороной (заказчиком) установленных законодательством норм трудового права, обязанностей по обеспечению безопасных условий и охраны труда. В период действия трудового договора дополнительное соглашение к трудовому договору заключается каждый раз при смене принимающей стороны по договору о предоставлении труда работников.

Предмет договора о возмездном оказании услуг – это совершение исполнителем по заданию заказчика определенных действий или осуществление им определенной деятельности, а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Существенным условием для предмета договора возмездного оказания услуг является: вид и объем действий и (или) деятельности исполнителя. Договор о возмездном оказании услуг может заключаться на оказание услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных, услуг по обучению, туристическому обслуживанию и иных, за исключением услуг, которые регулируются по договорам подряда, научно-исследовательским, опытно-конструкторским и технологическим работам, перевозок, транспортной экспедиции, банковского вклада, расчетов, хранения, поручения, комиссии, доверительного управления.

В отличие от договора возмездного оказания услуг договор о предоставлении труда работников (персонала) имеет очень серьезные ограничения. Право на осуществление деятельности по предоставлению труда работников (персонала) имеет ограниченный круг исполнителей. Это юридические лица (частные агентства занятости и другие юридические лица, в том числе иностранные и их аффилированные лица), имеющие аккредитацию.

Законом установлены следующие требования к аккредитации частных агентств:

- наличие уставного капитала в размере не менее 1 миллиона рублей;
- отсутствие задолженности по уплате налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации;
- наличие у руководителя частного агентства занятости высшего образования, а также стажа работы в области трудоустройства или содействия занятости населения в Российской Федерации не менее 2 лет за последние 3 года;
- отсутствие у руководителя частного агентства занятости судимости за совершение преступлений против личности или преступлений в сфере экономики.

Исполнителем по договору о предоставлении работников (персонала) не могут быть субъекты предпринимательства, применяющие специальные налоговые режимы. В свою очередь, по договору возмездного оказания услуг таких ограничений нет.

По договору о предоставлении труда работников (персонала) агентства занятости разрешено предоставлять работников своим клиентам только в случаях, оговоренных в ч. 2 ст. 341.2 ТК РФ:

- к физическому лицу, которое не является индивидуальным предпринимателем, в целях личного обслуживания, оказания помощи по ведению домашнего хозяйства;
- к организации или индивидуальному предпринимателю для временного исполнения обязанностей отсутствующих работников, за которыми сохраняется место работы;

- к организации или индивидуальному предпринимателю для проведения работ, связанных с заведомо временным (до девяти месяцев) расширением производства или объема оказываемых услуг. Если через агентство занятости предполагается привлечь на такие работы более 10 процентов от среднесписочной численности работников, то при принятии этого решения необходимо учесть мнение профсоюза. В то же время для студентов, обучающихся очно; одиноким и многодетным родителям, воспитывающих несовершеннолетних детей; лицам, освобожденным из мест лишения свободы предусмотрена возможность трудовой деятельности у принимающей стороны. В этих случаях допускается оформление срочных трудовых договоров.

Договор о возмездном оказании услуг всегда заключается на определенный срок, согласованный между сторонами.

Заключение договоров о предоставлении труда персонала не допускается в следующих случаях:

- если коллектив принимающей стороны объявил забастовку;

- для выполнения работ в случае простоя или в режиме неполного рабочего времени, объявленных в целях сохранения рабочих мест при угрозе массового увольнения работников принимающей стороны;

- если принимающая сторона находится в состоянии банкротства;

- для замены работников принимающей стороны, отказавшихся от работы в случаях, которые установлены трудовым законодательством, в частности, если им задержана выплата зарплаты на срок более 15 дней;

- для работы на опасных производственных объектах I и II классов опасности (перечень таких работ утвержден Приказом Министерства труда России № 858Н, Ростехнадзора № 455 от 11 ноября 2015 г.);

- на рабочие места, условия труда на которых отнесены к вредным условиям труда 3 и 4 степени или опасным;

- на должности, которые связаны с получением лицензии или иного специального разрешения на осуществление определенного вида деятельности, условием членства в саморегулируемой организации или выдачи свидетельства о допуске к определенному виду работ;

- для выполнения работ в качестве членов экипажей морских судов и судов смешанного (река-море) плавания.

По договору возмездного оказания услуг и договору о предоставлении работников (персонала) может быть возложена имущественная ответственность не только за прямой действительный ущерб, но и за упущенную выгоду, неполученные доходы. При этом ущерб возмещается в полном объеме.

По обязательствам работодателя, в том числе по обязательствам, связанным с выплатой зарплаты и иных сумм, причитающихся работнику, который направлен по договору о предоставлении труда работников (персонала), принимающая сторона несет субсидиарную ответственность.

По обязательствам работника за прямой действительный ущерб, причиненный предприятию, по вине работника в связи с исполнением трудовых обязанностей, работник несет ограниченную ответственность.

Общее в договорах возмездного оказания услуг и предоставления труда работников (персонала):

- обязанности сторон (определяются договором);

- подчиненность (исполнитель сам организует и на свой риск выполняет определенную в договоре работу и не находится в подчинении у заказчика);

- оплата (исполнитель получает вознаграждение по договору);

- гарантии (отсутствуют).

Для работника, направляемого по договору о предоставлении персонала:

- обязанности определяются тарифно-квалификационными справочниками, должностными инструкциями и уточняются и конкретизируются в дополнительных соглашениях к трудовым договорам;

- подчиненность указаниям, распоряжениям, правилам внутреннего трудового распорядка и другим нормативным локальным актам;

- условия оплаты труда по трудовому договору должны быть не хуже, чем условия оплаты труда у принимающей стороны;

- социальные гарантии и льготы в соответствии с законодательством.

При выплате вознаграждения физическому лицу, не являющемуся индивидуальным предпринимателем, по договору возмездного оказания услуг у заказчика возникают обязанности налогового агента по НДФЛ. Налоговые агенты обязаны удержать НДФЛ непосредственно из доходов налогоплательщика при их фактической выплате, а перечислить налог в бюджет необходимо не позднее дня выплаты дохода либо дня перечисления дохода на счет налогоплательщика [6].

Облагается вознаграждение по гражданско-правовым договорам, по которым физическое лицо, не являющееся предпринимателем, оказывает организации услуги, и обязательными страховыми взносами в пенсионный фонд и фонд обязательного медицинского страхования.

Поскольку для работника, направленного по договору о предоставлении труда персонала, работодателем является передающая сторона (исполнитель), то именно она является по отношению к работнику налоговым агентом по НДФЛ, то есть рассчитывает, удерживает и перечисляет налог с выплаченного вознаграждения.

Также работодатель начисляет и платит страховые взносы во внебюджетные фонды с вознаграждения таких работников на основании применяемых им тарифов.

Страховые взносы «на травматизм» начисляют в особом порядке. Эти взносы нужно уплачивать исходя из страхового тарифа, определяемого в соответствии с основным видом экономической деятельности принимающей стороны. Нужно также учитывать надбавки к страховому тарифу и скидки с него, установленные с учетом результатов специальной оценки условий труда на рабочих местах, на которые фактически направлены работники.

Чтобы работодатель смог выполнить это требование, принимающая сторона обязана сообщить ему сведения об основном виде деятельности и результатах специальной оценки условий труда (п. 2.1 ст. 22 Закона от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»).

Несчастные случаи, произошедшие с сотрудниками, которые направлены на работу по договору о предоставлении труда персонала, расследуются комиссией, которая создается принимающей стороной. В нее может входить представитель работодателя этого работника.

По мнению автора, процесс оформления и применения договора возмездного оказания услуг гораздо проще, чем договора о предоставлении труда работников.

При оформлении договора о предоставлении труда работников (персонала) законодательством введены ограничения и запреты по использованию труда работников (персонала).

До сих пор не принят закон, регулирующий оформление трудовых отношений с работниками организаций, не являющихся частными агентствами занятости.

При направлении работника к физическому лицу, не являющемуся индивидуальным предпринимателем, для оказания помощи при ведении домашнего хозяйства не ясен порядок применения нормы статьи 341.1 ТК РФ. Где определено, что «условия оплаты труда по трудовому договору с работником, направляемым для работы у принимающей стороны по договору о предоставлении труда работников (персонала), должны быть не хуже, чем условия оплаты труда работников принимающей стороны, выполняющих такие же трудовые функции и имеющих такую же квалификацию». Следовательно, у принимающей стороны (физического лица) должны быть заключены трудовые договора с другими работниками. Только в этом случае будет выполняться условие оплаты труда по договору о предоставлении труда работников (персонала).

В случае если у физического лица (принимающей стороны) нет ни одного работника, то ему можно либо принять на работу сотрудника, заключив с ним трудовой договор, либо заключить договор гражданско-правового характера на оказание услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2015. 608 с.
2. Супряга Ж. Аутстаффинг: как готовиться к изменениям с 2016 года // Управление персоналом. 2015. № 9. С. 10–16.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации. М.: КноРус, 2015. 256 с.
4. Фарафонтова Е. Игра «по-белому» на рынке заемного труда // Трудовое право. 2016. № 3. С. 12–16.
5. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
6. Филатова М.С. Деятельность по предоставлению персонала // Практический бухгалтерский учет. 2016. № 1. С. 25–28.

RATIO AGREEMENT ON THE PROVISION OF EMPLOYEES AND PAID SERVICES AGREEMENT

© 2016

E.A. Sheveleva, graduate student of the Department «Civil law, civil litigation and labor law»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: contract; paid services; the law; the provision of employees; responsibility; agency labor.

Abstract: This article discusses two contracts: contract labor and contract workers providing paid services. The author conducted a comparative legal analysis of these contracts are marked advantages and disadvantages of using these contracts. In conclusion the author draws conclusions on the further use of these agreements in practice, taking into account the changes in the legal regulation of work.

НАШИ АВТОРЫ

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент ассоциации юристов Кавказа, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор.
Адрес: Ереванский университет «Манц», 0019, Республика Армения, г. Ереван, ул. Сосеи, 13.
Тел.: 8 103 749-140-76-02
E-mail: manc2000@mail.ru

Антонов Артем Григорьевич, специалист (по воспитательной работе) группы по работе с личным составом отдельного батальона дорожно-патрульной службы.
Адрес: ДПС ГИБДД У МВД России по г. Тольятти, 445007, Россия, г. Тольятти, ул. Льва Толстого, 39.
Тел.: 8 903 333-95-15
E-mail: archydelacrus@mail.ru

Василика Любовь Александровна, магистрант кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-94-29
E-mail: vraf@mail.ru

Верхова Елена Анатольевна, адвокат Палаты адвокатов Самарской области, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: lenkaok@mail.ru

Воробьева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: 8 909 365-30-92
E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8 927 216-28-99
E-mail: gana46@yandex.ru

Гриценко Алексей Вячеславович, адвокат.
Адрес: Палата адвокатов Самарской области, Коллегия адвокатов № 37, 445051, Россия, г. Тольятти, Приморский бульвар, 26.
Тел.: (8482) 34-32-46.
E-mail: ka37tlt@mail.ru

Гуменюк Яна Валерьевна, секретарь-референт управления по организационной работе и связям с общественностью мэрии г.о. Тольятти.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 59.
Тел.: 8 927 611-92-43
E-mail: Gumenuk.i.v@gmail.com

Закомолдин Алексей Валериевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: +7 927 211-21-71
E-mail: zakomoldin@mail.ru

Котляров Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права».
Адрес: Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, 430007, Россия, г. Саранск, ул. Транспортная, 17.
Тел.: 8 917 695-85-77
E-mail: kandidatistorii@rambler.ru

Кошелева Кристина Евгеньевна, студент Института права.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8 987 977-44-41
E-mail: Kosheleva-k@mail.ru

Крамаренко Елена Николаевна, начальник отделения.
Адрес: Следственное управление Управления Министерства внутренних дел по городу Тольятти, 445039, Россия, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Дзержинского, 15.
Тел.: 8 902 373-33-33
E-mail: kramarenkoav@mail.ru

Моторин Алексей Игоревич, магистрант Института права.

Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

Тел.: (8846) 933-87-81

E-mail: mot001@mail.ru

Назаркулова Лаззат Талгатовна, кандидат юридических наук, научный эксперт.

Адрес: ТОО «Консалтинговая группа «Болашак», 010000, Казахстан, г. Астана, проспект Сарыарка, 8/1, НП 4.

Тел.: (7172) 44-56-97

E-mail: lazzat.nazarkulova@mail.ru

Назаров Сергей Александрович, магистрант.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-94-17

E-mail: civil@tltsu.ru

Ожегова Галина Аркадьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-94-17

E-mail: go1974@yandex.ru

Рудковский Виктор Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры «Теория и история права и государства».

Адрес: Волгоградский государственный университет, 400062, Россия, г. Волгоград, Университетский проспект, 100.

Тел.: (8442) 66-04-70

E-mail: rudk-viktor@yandex.ru

Середкина Ольга Александровна, студент.

Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

Тел.: 8 917 957-73-31

E-mail: olya-13_00@mail.ru

Смагина Анастасия Юрьевна, старший преподаватель кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 987 961-28-11

E-mail: anastasiasmgn@rambler.ru

Стригина Анастасия Игоревна, магистрант кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 917 971-50-01

E-mail: Strigina92@yandex.ru

Стройкова Ольга Михайловна, аспирант.

Адрес: Донбасская юридическая академия, 34004, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Лебединского, 9.

Тел.: (7978) 767-58-10

E-mail: stroykova@zhygulin.com

Чичеров Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права».

Адрес: Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, 430007, Россия, г. Саранск, ул. Транспортная, 17.

Тел.: 8 917 695-85-77

E-mail: kandidatistorii@rambler.ru

Чуклова Елена Валериевна, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 917 121-80-57

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Шевелева Елена Александровна, магистрант кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 54-63-91

E-mail: ea.sheveleva@yandex.ru

Шугайпова Макпал Сериковна, магистр международного бизнес-права, эксперт.

Адрес: ТОО «Консалтинговая группа «Болашак», 010000, Казахстан, г. Астана, проспект Сарыарка, 8/1, НП 4.

Тел.: (7172) 44-56-97

E-mail: m.shugaiпова@cgb.kz

OUR AUTHORS

Avagyan Ruben Osipovich, Doctor of Law, Professor, Vice-President Bar Association of the Caucasus, Academician MANEB and Pan-Armenian National Academy of Security, rector.
Address: Yerevan University "Manz", 0019, Armenia, Yerevan, Sosei Street, 13.
Tel.: 8 103 749-140-76-02
E-mail: manc2000@mail.ru

Antonov Artem Grigoryevich, specialist (for education) group to work with the staff of a separate battalion of traffic police.
Address: Traffic police Ministry of internal Affairs of Russia on Tolyatti, 445007, Russia, Togliatti, Lva Tolstogo Street, 39.
Tel.: 8 903 333-95-15
E-mail: archydelacrus@mail.ru

Chicherov Yevgeniy Aleksandrovich, candidate of historical sciences, associate professor of the theory and history of state and law.
Address: Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, 430007, Russia, Saransk, Transportation Street, 17.
Tel.: 8 917 695-85-77
E-mail: kandidatistorii@rambler.ru

Chuklova Elena Valerievna, assistant professor of business and labor law.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakova Street, 59.
Tel.: 8 917 121-80-57
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Gogin Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, Department of Theory of State and Law.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova Street, 57.
Tel.: 8 927 216-28-99
E-mail: gana46@yandex.ru

Grischenko Aleksey Vyacheslavovich, lawyer.
Address: Samara Region Chamber of Advocates, The Bar Association № 37, 445051, Russia, Togliatti, Primorsky b., 2b.
Tel.: (8482) 34-32-467
E-mail: ka37tlt@mail.ru

Gumenuk Yana Valeryevna, management administrative assistant for organizational work and public relations Mayor G.O. Tolyatti.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova Street, 59.
Tel.: 8 927 611-92-43
E-mail: Gumenuk.i.v@gmail.com

Kosheleva Kristina Yevgenyevna, student of Law Institute.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova Street, 57.
Tel.: 8 987 977-44-41
E-mail: Kosheleva-k@mail.ru

Kotlyarov Sergey Borisovich, candidate of historical sciences, associate professor of the theory and history of state and law.
Address: Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, 430007, Russia, Saransk, Transportation Street, 17.
Tel.: 8 917 695-85-77
E-mail: kandidatistorii@rambler.ru

Kramarenko Elena Nikolaevna, Department Director.
Address: Investigation Ministry of Internal Affairs Department for the city of Togliatti, 445039, Russia, Samara region, Togliatti, Dzerzhinsky Street, 15.
Tel.: 8 902 373-33-33
E-mail: kramarenkoav@mail.ru

Motorin Aleksey Igorevich, undergraduate of Law Institute.
Address: Samara State University of Economics, 443090, Russia, Samara, Soviet Army Street, 141.
Tel.: (8846) 933-87-81
E-mail: mot001@mail.ru

Nazarkulova Lazzat Talgatovna, candidate of law science, scientific expert.
Address: LLP «Consulting Group «Bolashak», 010000, Kazakhstan, Astana, Sary-Arka Avenue, 8/1, NP 4.
Tel.: (7172) 44-56-97
E-mail: lazzat.nazarkulova@mail.ru

Nazarov Sergey Aleksandrovich, master.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: civil@tltsu.ru

Ozhegov Galina Arkadyevna, candidate of law science, associate professor of the chair “Theory of state and law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: go1974@yandex.ru

Rudkovsky Victor Anatolievich, doctor of juridical sciences, professor Department of Theory and History of Law and State.
Address: Volgograd State University, 400062, Russia, Volgograd, Universitetsky pr., 100.
Tel.: (8442) 66-04-70
E-mail: rudk-viktor@yandex.ru

Seredkina Olga Aleksandrovna, student.
Address: Samara State University of Economics, Russia, Samara, Soviet Army Street, 141.
Tel.: 8 917 957-73-31
E-mail: olya-13_00@mail.ru

Sheveleva Yelena Aleksandrovna, graduate student of the Department “Civil law, civil litigation and labor law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova Street, 57.
Tel.: (8482) 54-63-91
E-mail: ea.sheveleva@yandex.ru

Shugaipova Makpal Serikovna, master of international business law, expert.
Address: LLP «Consulting Group «Bolashak», 010000, Kazakhstan, Astana, Sary-Arka Avenue, 8/1, NP 4.
Tel.: (7172) 44-56-97
E-mail: m.shugaipova@cgb.kz

Smagina Anastasia Yurievna, assistant professor of the chair “Civil law, civil procedure and Labor Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belarusian Street, 14.
Tel.: 8 987 961-28-11
E-mail: anastasiasmgn@rambler.ru

Strigina Anastasiya Igorevna, graduate student of the Department “Civil law, civil litigation and labor law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova Street, 57.
Tel.: 8 917 971-50-01
E-mail: Strigina92@yandex.ru

Stroykova Olga Mikhailovna, postgraduate student.
Address: Donbass Law Academy, Donetsk People’s Republic, Donetsk, Lebedinskogo Street, 9.
Tel.: (7978) 767-58-10
E-mail: stroykova@zhygulin.com

Vasilika Lyubov Aleksandrovna, undergraduate of the department «Civil Law, Civil Procedure and Labor Law».
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-29
E-mail: vraf@mail.ru

Verkhova Elena Anatolievna, a lawyer of Chamber of lawyers of the Samara region, senior lecturer of the chair «Criminal process and criminalistics».
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-31
E-mail: lenkaok@mail.ru

Vorobyova Olga Aleksandrovna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of Business and employment law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 909 365-30-92
E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Zakomoldin Aleksey Valerievich, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the chair «Criminal procedure and criminalistics».
Address: Togliatty State University, 445020, Russia, Togliatty, st. Ushakov, 57.
Tel.: +7 927 211-21-71
E-mail: zakomoldin@mail.ru